

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2017

Выпуск изображений

Виктор Ворошильский (1927–1996) польский писатель и переводчик. В молодости увлекся коммунизмом. Столкновение с реальным коммунизмом (в 1952–1956 гг. учился в аспирантуре в московском Литературном институте им. Горького) начало процесс отхода от прежних политических взглядов. Окончательное разочарование наступило вследствие пребывания в Будапеште в октябре–ноябре 1956 года. Его «Венгерский дневник» является одним из самых важных свидетельств о Венгерском восстании. В 1970-х годах активно участвовал в демократической оппозиции, его произведения были запрещены к публикации. Во время военного положения Ворошильский был интернирован. Автор свыше десяти сборников стихотворений, начиная с дебютантского «Смерти нет!» (1949), до последнего «Последний раз» (1995), кроме того прозы, эссе, биографий (Салтыкова–Щедрина, Маяковского, Есенина, Пушкина), переводов (был глубоким знатоком русской культуры XIX и XX веков), книг для детей. (Фото: архив).

«Виктор Ворошильский, выдающийся поэт и прозаик, к тому же весьма активный участник польской литературной жизни, был не только энтузиастом, но и тончайшим знатоком литературы страны, с культурой, историей и даже географией которой так коварно связал поляков особый ход нашей истории. Вероятно, его интересу способствовало также обучение в аспирантуре московского Литературного института в 50-е годы; свою роль сыграли и установившиеся тогда знакомства и дружеские связи». (Анджей Мандальян, Родство по выбору, 5/2006). На фото: Александр Куртна, Геннадий Айги, Виктор Ворошильский. Таллинн 1971 (архив).

«Отношения Виктора Ворошильского с Россией — это не только его книги, посвященные русским писателям, или его переводы

русской литературы. Это также критическое мышление писателя о России и определенных опасностях, связанных с наличными там имперскими тенденциями. Такое мышление было особенно ценно с точки зрения многих украинцев, литовцев и особенно белорусов, которые, как и он, с опасениями наблюдали эти тенденции в 90-е годы XX века, сразу после эйфории, вызванной распадом империи. На этом поле Ворошильский оставался бдительным до самого конца». Беата Павлетко, Встречи Виктора Ворошильского с Россией, 3/2012). На фото: Иосиф Бродский и Виктор Ворошильский, Тракай 1971 (архив).

К 90-летию Виктора Ворошильского издательство Карта опубликовало 1 том дневников писателя (1953–1982). Эти дневники являются важным свидетельством послевоенной истории Польши. Автор прошел долгий путь, характерный для многих польских интеллектуалов второй половины XX века: начиная с увлечения коммунизмом, разочарования в нем, и вплоть до активного сопротивления. Был не только свидетелем, но и участником многих ключевых для послевоенной истории событий. Это хроника неконформистской среды, записываемая во время, когда само ведение записок требовало немалой отваги, и одновременно – выразительный портрет этого круга, опиравшегося на дружбу, взаимную лояльность и ставшего вневременным примером свободы. На фото: Виктор Ворошильский с женой Яниной и Станиславом Баранчаком, Ньютон, США, 1994 (архив).

Содержание

1. Утка-Баламутка
2. Аристократическая асоциальность «Утки-Баламутки»
3. Хроника (некоторых) текущих событий
4. Экономическая жизнь
5. Из книги «Привставшие с колен»*
6. Привставшие с колен
7. Без/корыстное критическое искусство, без/критичное современное искусство
8. Культурная хроника
9. Насколько Конрад был Коженевским?
10. Выписки из культурной периодики
11. Дети Варшавы в начале XX столетия
12. Свое и чужое
13. Александр Герц
14. О книге Мечислава Порембского «Польскость и размышления»
15. Пшибыльский: прочтение Мандельштама
16. Споры о Достоевском
17. Жизнь требует перемен
18. Размышления о смерти Станислава П., 1977 год

Утка-Баламутка

К Международному дню защиты детей

Жила у реки одна утка –
чудачка и баламутка.
А чтоб ей не скучно было,
она на прогулки ходила.
Пошла она раз к парикмахеру:
«Взвесьте – ка мне кило сахару!»
Затем посетила юриста:
«Продайте мне сыра грамм триста!»
Потом завернула к доярке –
купить почтовые марки.
Ворчат остальные утки:
«Что за дурацкие шутки!»
Несла она яйца вкрутую,
капусту любила цветную,
и всех посбивала с толку,
однажды покрасив челку.
В газету статью написала –
и уткой газетной стала.
Хранила шнурки в буфете,
твердя, что это спагетти.
Вчера проглотила монету:
«Отдам, – говорит, – ближе к лету».
Брюзжали утки всё злее:
«Намылит ей кто-то шею!»
Но вышло гораздо хуже –
готовят чудачку на ужин.
Вот повар, исполнен сноровки,
испек нашу утку в духовке,
взглянул – и промок от рыданий:
не утка, а заяц в сметане!
Скандал получился жуткий.
Такие они, баламутки!

Перевод Игоря Белова

Перевод стихотворения Яна Бжехвы из книги:
«Бесконечная дорога. Антология польской поэзии для детей».
Wydawca: Biuro Festiwalowe Impart 2016, издательская серия
Европейской Столицы Культуры «Вроцлав-2016».

Аристократическая асоциальность «Утки-Баламутки»

Ян Бжехва дебютировал в качестве детского писателя довольно поздно. Кроме того, он вообще не собирался писать для детей. Ему хотелось быть лириком, писать серьезные стихи по примеру его старшего и, как считалось, более талантливого кузена Болеслава Лесьмяна. Стихи, вызывающие восторг критиков и трогаящие сердца читателей. Произведения же для детей критика считала недостойной внимания литературной мелочевкой, а после Второй мировой войны ситуацию дополнительно осложнила политика. Цензура безжалостно запрещала даже стихи о животных и овощах. Опыт общения с детьми у Бжехвы был, мягко говоря, не слишком богатый, если не отсутствовал вовсе (его единственная дочь впервые увидела отца, когда ей уже стукнуло девять лет). Бжехве было уже под сорок (писатель родился в 1898 году), когда он принес Янине Морткович, возглавлявшей на пару с мужем одно известное издательство, полтора десятка стихотворений, которые, впрочем, были совершенно не предназначены для детей.

Строфы для очаровательной воспитательницы

В Залещиках, где он проводил отпуск, постоянно лил дождь, было ужасно скучно, и Бжехва начал писать смешные стишки, чтобы развлечь взрослых. Так, во всяком случае, он рассказывал об этом в интервью. Впрочем, с одним из близких друзей писатель однажды поделился менее официальной версией. Дело было так — в одном из пансионатов в подваршавском Отвоцке он познакомился с некоей воспитательницей, «...не лишенной обаяния и красоты», и соблазнял ее, складывая шуточные строфы о разных зверушках.

Янине Морткович стихи понравились, но Бжехва был очень удивлен, когда она сказала ему, что издаст их как детскую книжку, с иллюстрациями Франтишки Темерсон. Перед самым Рождеством 1937 года в книжных магазинах появился первый из двух довоенных сборников сказок Бжехвы — «Плясала иголка с ниткой». «Еще больше я удивился, когда Лесьмян сказал мне, что именно эти мои стихи наконец-то удались, что они очень хороши и оригинальны, — вспоминал Бжехва. — Воодушевившись этой похвалой, я написал книжку «Утка-

баламутка».

В эти два довоенных сборника вошли стихи, составившие канон творческого наследия Бжехвы. Кроме заглавных стихотворений, там были напечатаны «Петр с перцем», «Насморк», «Журавль и цапля», «Речная свара», «Помидор», «На прилавке», «Сом», «Сорока» (сборник «Плясала иголка с ниткой»), «Наседка-привередка», «Сойка», «Дядюшка», «Знаки препинания», «Почемучко», «Ворона и сыр» (сборник «Утка-баламутка»).

На появление Бжехвы-сказочника с энтузиазмом откликнулась Янина Броневская. В газете «Вядомосьци литерацке» она написала о волшебном цирке, в котором происходят странные и неожиданные вещи. Их обещает уже рисунок на обложке: страус на пружинных ножках, милая барышня со смешной высокой прической и играющая на трубе черепаха. А «внутри еще веселей», — восторженно писала Броневская о первой книге Бжехвы.

Стефания Подхорская-Околув в «Блюще» [«Плюще»] с восхищением отзывалась о виртуозной словесной игре, а также изысканном и полном юмора антропоморфизме в произведениях Бжехвы, которые обязательно покорят не только детей, но и взрослых: «Артистический темперамент и врожденное красноречие автора не раз заводят его в тупик абсурда, из которого он в последнюю секунду вырывается, сделав ловкий пируэт».

Непедагогические стихи без всякой морали

Однако так называемая «профессиональная» критика оказалась не в восторге от произведений Бжехвы. Журнал «Выховане пшешкольні» [«Дошкольное воспитание»] обвинил поэта в том, что стихи, которые он, собственно говоря, писал не для детей, детям не подходят. Дескать, слишком они сложные (в «Речной сваре» упоминаются названия аж 24 рек) и чересчур абстрактные, многовато в них гротеска и абсурдного юмора («дорогой пан Сом, / Вам признаюсь в одном: / что-то Вы небогаты умом»). Кроме того, по мнению критика, злоупотребляет непонятной для детей словесной игрой («слепой проглядел», «немой рассказал», «глухой передал то, что слышал») и слишком сложными выражениями, вроде «побранивать» и «типун». Но в первую очередь, писала Барбара Стефания Кошут, стихи Бжехвы непедагогичны. Ни одно из них не увенчано поучительной моралью, эти стихи прославляют плохое поведение, а описываемые в них животные не вызывают симпатии: «Неудачным следует признать решение автора сделать из сороконожки элегантную даму: сороконожка, живущая в сырых запущенных домах, воплощает собой беспорядок, и никто ей, как правило, не рад».

Были и другие претензии, появившиеся на страницах одного

эндецкого^[1] журнала, вспоминал Бжехва годы спустя. Поэта обвиняли в растлении малолетних и распространении закамouflированной под невинные стишки порнографии. Речь шла о стихотворении «Петр с перцем» и строчке «Не перчи, Петр...», которая якобы намекала маленькому читателю на другое, куда более хлесткое значение глагола «перчить»^[2]. В другом стихотворении, по мнению рецензента, автор коварно подсовывал маленьким читателям рифму к слову «суп»^[3], вызывающую в памяти неприличное слово: «Станем мы кастрюлей супа, / так что спорить просто глупо...».

После Второй мировой войны, в социалистической Польше, к старым обвинениям в непедагогическом звучании стихов Бжехвы прибавились новые, куда более серьезные. Его стихи для детей, как старые, так и написанные после войны, перестали соответствовать новой реальности.

Чересчур интеллектуальные стихи с философским подтекстом

Уже в феврале 1946 года на страницах еженедельника «Одродзэне» [«Возрождение»] Кристина Куличковская, специалист по детской литературе из Института литературных исследований Польской академии наук, написала, что переиздание в народной Польше довоенных сборников Бжехвы оказалось серьезной ошибкой. Ведь их автор игнорирует читателя своих произведений, по-своему забавных, но чересчур интеллектуальных и непонятных из-за их «философского подтекста». Рецензентка с похвалой отзывалась о художественном уровне стихотворений, однако решительно осудила их «аристократическую асоциальность». «Если такое роскошное, хотя и бесполезное растение расцвело в условиях пустоты и бессодержательности нашей предвоенной жизни, не стоит пересаживать его на сегодняшнюю почву», — подчеркнула Куличковская. По ее мнению, стихи, адресованные детям интеллигенции, которая до войны пользовалась монополией на доступ к культуре, в социалистической Польше утратили своего читателя. Новым временам нужна другая поэзия, «отражающая прогрессивные общественные тенденции и благородную атмосферу жизни в коллективе», а не «индивидуалистически-вербальные» штучки, писала она. Подобные обвинения критик выдвинула и против детских стихов Юлиана Тувима.

Досталось также книге «Академия пана Кляксы», которую Бжехва написал во время войны. Куличковская посчитала, что это произведение лишено воспитательного значения, не пробуждает в ребенке творческого воображения, а потому «вывод ясен: „Академия пана Кляксы“ в ее нынешнем виде

совершенно не нужна».

«Аристократическая асоциальность» произведений Бжехвы заслуживала всяческого порицания, но ее отсутствие тоже почему-то вызывало негативную реакцию. Рецензируя написанную в 1945 году «Сказку о корсаре Палемоне», Куличковская похвалила поэта за то, что он отошел от шаловливых словесных игр и загадочных шуток, но в то же время поставила ему на вид, что без них его стихи утрачивают свое очарование и становятся банальными. «Стихи Бжехвы перестали быть захватывающим чтением для взрослых, не сделавшись при этом литературой для детей», — написала она.

Поэзия на службе у «битвы за торговлю»^[4]

А ведь он так старался. За ужином с обильными возлияниями в лодзинском кафе «Фрашка», в котором участвовали художник Эрик Липинский и деятель кооператива «Сполем» Тадеуш Янчик, последний, опрокинув очередную рюмку, предложил Бжехве написать, а Липинскому проиллюстрировать сказку, пропагандирующую идею кооперации. Договор был подписан, и спустя несколько месяцев в книжных магазинах появилась книжечка «Рассказал сове дятел», строго соответствующая политическим требованиям нового времени: тут было все, от рекламных лозунгов так называемого «обобщественного сектора» («Посетите, гражданин, кооперативный магазин») до насмешек над частной инициативой.

В частных магазинах волка Барнабы и рыси Базилии зверей-покупателей постоянно обманывают. В продовольственном магазине Барнабы все продукты несвежие, под видом молока продается вода, сыр горький, цены — высокие, а покупателей вдобавок обвешивают. На складе меховых изделий, которым заправляет Базилия, животным вместо меха подсовывают тряпки, а вместо кож — старые заплатки. Оба торговца получают двойную прибыль, поскольку наживаются не только на покупателях, но и на поставщиках товара, которым платят сущие гроши. Наконец терпение покупателей лопается. Медведь Блажей, которого другие звери очень уважают («Так, как люди — президента»), созывает лесной сейм, на котором звери решают создать магазин, куда каждый что-нибудь принесет: кто-то — яйцо, кто-то — сало, а кто-то — пух и перья для теплого одеяла. Все товары будут дешевыми, и никто никого не станет обманывать. Звери приходят от такой идеи в восторг, и даже лис Микита, поборов свои природные склонности, становится в магазине продавцом. Магазин доказывает превосходство кооперативной торговли над частной: «Никого здесь не обманут / и обвешивать не станут. / Все, кто занят общим делом, / те друг другу верят смело».

В стране как раз начиналась «битва за торговлю». В сказке волк Барнаба и рысь Базилия, лишившись возможности обманывать зверей, покинули лес. Такая же судьба ожидала частных торговцев в реальности. Бжехва же вполне мог рассчитывать на похвалу со стороны власти. Но хвалить его никто по-прежнему не собирался.

Чтение, вызывающее справедливое возмущение педагогов

В июне 1947 года состоялся I Общепольский съезд, посвященный детской литературе. «Собралось несколько сотен литературных дам, которые три дня обсуждали одного только Бжехву», — сообщал «Пшекруй» в короткой заметке под названием «Съезд по делу Бжехвы». Пафосные и нудные доклады участников съезда, посвященные художественным и образовательным аспектам литературы для детей, никак не предвещали того, что произошло во время дискуссии. Докладчицы, говоря о Бжехве и Юлиане Тувиме, дали высокую оценку заслугам обоих поэтов в развитии детских умов и воспитании чувства юмора у маленьких читателей. Для подкрепления своих тезисов критикессы, как и положено, ссылались на примеры из советской литературы, в особенности на книги Корнея Чуковского, детского писателя и автора работы об особенностях речи ребенка. Мария Арнольд, отвечавшая в канцелярии Совета министров за подбор литературы для детей, с похвалой отзывалась о книгах Бжехвы «Пожар!» и «Телеграмма», которые, по ее мнению, идеально отвечали вкусу маленьких читателей, «хоть и вызывали справедливое возмущение педагогов». Она убеждала собравшихся, что не Бжехва виноват в захлестнувшей книжный рынок волне абсурдных побасенок, но бесталанные, неумело подражающие Бжехве литераторы, а также издатели, которые бездумно печатают всю эту макулатуру. Бжехву она упрекнула лишь в том, что в сказке «Рассказал сове дятел» («весьма изящной», сразу оговорились Арнольд) тот поставил свой талант на службу рекламе. Детская писательница Ханна Янушевская говорила о художественных достоинствах произведений Бжехвы, которые развивают детское воображение, а также о великолепных сатирических образах. Она без колебаний выступила против осуждающих Бжехву педагогов: «В этих произведениях, как и в любой дельной насмешке, можно обнаружить важные педагогические мотивы».

Однако во время дискуссии, завязавшейся после обоих докладов, разразилась самая настоящая буря. Бжехву называли олицетворением всех возможных опасностей, угрожающих детской литературе. Писателя обвинили в том, что он пренебрегает возложенными на детскую литературу

просветительскими функциями. Что он хочет только развлекать детей, а такая литература воспитывает снобов. Что дети не понимают его шуток и относятся к его клоунаде всерьез. Что его поэзия непедagogична, поскольку не формирует у читателя позитивного отношения к обществу и природе. И что такие произведения, как «Блоха-мошенница» хороши для читателей «Пшекруя», но совершенно не годятся для детей. И что — а среди самых ярких критиков была, разумеется, Кристина Куличковская — формальные виртуозные изыски загнали Бжехву в тупик. Его поэзия слишком аристократична и идет вразрез с общественными целями литературы, убеждала участников дискуссии Куличковская.

Автор сбился с пути

Во время той дискуссии в защиту Бжехвы высказался только иллюстратор многих его послевоенных поэтических сборников и книг о пане Кляксе Ян Мартин Шанцер. Он сказал, что большинство современных книг для детей — это рыбий жир, а не литература. Позже у писателя появились и новые союзники: сатирик Ян Штаудингер и профессор Казимеж Выка.

Выдающийся литературовед на страницах журналов «Твурчосьць» и «Одродзэне» доказывал, что ни Бжехва, ни Тувим не писали своих стихотворений назло педагогам, «лишь для того, чтобы нарушить баланс между моралью и сказкой, к которому успели привыкнуть учителя». Критик осторожно намекал, что если дети в восторге от стихов Бжехвы, а учителя и психологи — нет, то проблема тут в педагогах, а не в поэзии. «В этой сфере поэты опередили психологов — впрочем, не в первый раз», — утверждал он. Еженедельник «Пшекруй» подводил итоги съезда фразой, приписываемой самому Бжехве: «О стихах сказал критик со стажем, / что мои ему ближе, чем ваши».

Кристина Куличковская, однако, не сдавалась. Отдавая справедливость высокому художественному уровню произведений Бжехвы (по традиции записанного на пару с Тувимом в стан «вредителей»), нехотя признавая, что его стихи действительно нравятся детям, она в очередной раз (теперь уже в журнале «Жиче школы») припоминала поэту их «интеллектуально-вербальный» характер и диссонанс между формой и содержанием произведений. Она раскритиковала «Блоху-мошенницу», заявив, что «поэт сбился с пути», зато похвалила идеологический подтекст сказки «Рассказал советел», посвященной преимуществам кооперативной торговли. «Социальный заказ обуздал его строптивую музу, благодаря чему любой ребенок не только поймет книгу, но и сделает для себя правильные выводы», — сыпала комплиментами критик.

«Все эти исследования его творчества продиктованы тем обстоятельством, что дети читают Бжехву и не желают читать этих дамочек», — такой итог подвел суду над Бжехвой «Пшекруй», не слишком галантно добавив, что доведись критикующим поэта дамам выступать перед детьми, малыши разбежались бы, «напуганные одним их видом».

Вредное и опасное творчество

В очередных грехах обвинила Бжехву на страницах еженедельника Ассоциации ПАКС^[5] «Дзись и ютро» Ванда Журомская. Она назвала «Прodelки Лиса Виталиса» апологией мошенничества, тем самым заявив, что Бжехва пропагандирует взгляды, которым нет места в социалистическом обществе. Виталис наживается на наивности других зверей, без всякого зазрения совести злоупотребляет их доверием, обижает их и, что самое ужасное, не несет за это справедливого наказания. Ребенок этого не поймет, уверяла Журомская; маленький читатель ждет, что в конце сказки зло будет осуждено и наказано, однако Виталис отделяется потерей хвоста и изгнанием из леса. «Ребенок не может и не должен соглашаться с такой концепцией мироустройства, где хитрость, приносящая боль и обиду, не несет заслуженного наказания», — объясняла критик. А взрослый не может сделать вывод, что быть плохим невыгодно, поскольку такой морали в сказке нет! Сатирических же намерений автора дети не поймут, писала она. В рецензии вновь прозвучали обвинения в абсурдном чувстве юмора Бжехвы. В самом деле, ведь совершенно невозможно испечь оладьи из снега!!!

В целом же претензии были разного характера и разной тяжести. На первый взгляд невинная сказка «Летающая кочерга» о мальчике по имени Прот, чьих музыкальных способностей явно не хватает для удовлетворения амбиций его отца, учителя пения, была воспринята как политический манифест. То, что Прот хотел стать слесарем, а не музыкантом, с точки зрения классовой теории было абсолютно приемлемо, зато все остальное никуда не годилось, поскольку «проблемы индустриализации страны и рационализации отечественной промышленности не были освещены в сказке надлежащим образом». Недостаточно положительным был признан и образ странствующего слесаря Панкрация, у которого учился Прот. Панкраций оказался представителем осуждаемой при социализме так называемой частной инициативы, «совершившим обратную эволюцию от передовика производства на заводе до кустаря-надомника». Ирена Сковронек в «Антологии польской литературы для детей» назвала творчество Бжехвы вредным и опасным,

отрицающим педагогические ценности, основанным на «бездумной болтовне» и злоупотребляющим матримониальным мотивом. «Неудивительно, что некоторые школьные библиотеки отказывались принимать мои книги, которые им приносили в подарок родители учащихся в этих школах детей», — писал Бжехва несколько лет спустя.

Глупые и бессмысленные стишки

Цензоры позволяли себе еще больше. О готовящейся к печати в издательстве «Читательник» книге Бжехвы «Ябеда» сотрудник Главного управления по контролю за прессой, публикациями и развлекательными мероприятиями Р. Святыцкая писала: «Стишки в этой книге в основном глупые (...) и попросту бессмысленные. (...) Автор наделил животных всеми чертами филистерского, праздного, безыдейного мещанства — снобизмом, манерностью, сварливостью, скупостью, желанием непременно выйти замуж».

Критика ставила перед детской поэзией все более высокие и все более абсурдные требования. Даже в откровенно дидактической поэме «Канато», встреченной вполне благосклонно, Бжехве указали на ошибки. И хотя критики одобрили пропаганду среди детей принципов плановой экономики и плана восстановления Варшавы, аргументы, которыми пользовался поэт, были признаны ошибочными.

В поэме рассказывается о четырех детях семейства Сольских (трех братьях и сестренке), которые, играя по вечерам в индейцев, решают в честь праздника Народной Польши построить город. С одной стороны, этот город задумывается как социалистический (в газетах писали о Варшаве «народной по форме и социалистической по содержанию»): с площадью Победы, фабрикой, трассой В-3, музеем и зоопарком. С другой — как город индейский, что уже было политически некорректно. Харцеры социалистической Польши вычеркнули индейцев из своего лексикона, поучала Бжехву Ванда Гродзенская.

Совершенно недопустимым было и то, что город детей Сольских появлялся в результате действия магии и точно так же впоследствии исчезал — а ведь обязательными элементами школьного и внеклассного воспитания были атеизм и материализм. Лишь в финале поэмы папа Сольский объясняет детям, что для строительства города необходима его предварительная старательная планировка. «План и максимум труда — / вот как строят города», — делится с детьми инженер Сольский своими соображениями, из которых четко следует превосходство плановой экономики над другими методами строительства: «Чтоб строительство начать, / план составим лет на пять...».

Взрослые могли в газетах прочитать о принятой партией и правительством плане индустриализации Польши и восстановления Варшавы, а дети — послушать сказки о том, какие это восхитительные и мудрые планы. Если бы только не эти индейцы!

Садизм, расизм и империалистический заговор

Бжехва рассказывал своей приятельнице Ирене Шиманской о том, как в одном издательстве суровая дама-редактор заставила его внести в некоторые стихи изменения. Ведь произведения для детей необходимо использовать для дидактических целей, говорила она. Кроме того, такие стихи обязаны пропагандировать социалистический гуманизм, а их концовки непременно должны быть оптимистическими. Редактор потребовала, чтобы в стихотворение «Плясала иголка с ниткой» Бжехва добавил образ портнихи. Ведь игла с ниткой не могут сами сшить фартук, даже танцуя — для этого нужен человек! Его отсутствие — это неуважение к человеческому труду, что при социализме недопустимо. Утка-баламутка не должна превращаться в духовке в зайца и попадать в испеченном виде на тарелку, потому что это садизм. Ребенок привязывается к героям прочитанных сказок, а тут ему приходится съесть одного из них. Бжехва также должен изменить мораль стихотворения «Жук», поскольку нежелание божьей коровки выходить замуж за жука («Коль желаешь, жук, жениться, / в жены ты бери жучицу») — это самый настоящий расизм. А уж концовка сказки «Сельдь» («Увы, не будет толку вовсе / от дружбы сельди и лосося») совершенно недопустима. Все это вызывает у детей отторжение от идей интернационализма и дружбы народов, что смахивает на империалистический заговор.

«У меня потребовали убрать такие географические названия, как Ошмяна, Вилейка, Литва, Кшеменец и прочее. Воеводу нужно было заменить на председателя народного совета, так же как мэра и старосту», — вспоминал Бжехва. Среди официальных наименований органов власти этих должностей уже не было, а Ошмяна, Кшеменец и вся территория Литвы после 1945 года находились в составе Советского Союза, поэтому упоминание о них в польских стихах выглядело с политической точки зрения подозрительным.

Как признавался Шиманской сам Бжехва, ему пришлось уступить давлению. Но результат получился настолько жалким, что ему не хотелось потом читать корректуру отредактированных сказок. Он даже не проверил, были ли вообще изданы эти искаленные стихи — ему хотелось поскорее забыть о них. Это было время, когда даже самые

умные зачастую переставали верить своему собственному здравому рассудку, вспоминала Шиманская.

Мариуш Урбанек — автор биографии Яна Бжехвы «Бжехва не для детей», выпущенной издательством «Искры».

1. Эндеки – сторонники польской Национально-демократической партии, существовавшей в 1897–1947 гг. и исповедовавшей правые националистические взгляды — Здесь и далее примеч. пер.
2. На жаргоне польский глагол «*pieprzyć*» [«перчить»] иногда используется также в значении «говорить глупости» или «заниматься сексом».
3. В польском языке со словом «*zupa*» [«суп»], кроме прочего, рифмуется слово «*dupa*» [«задница»].
4. «Битва за торговлю» — один из важнейших элементов экономической политики ПНР в 1947–49 годах, выражавшийся в ограничении и подавлении частного сектора экономики с целью не допустить возрождения в Польше капитализма.
5. Ассоциация ПАКС – светская католическая организация, созданная в 1947 году бывшими деятелями Национально-радикального движения «Фаланга».

Хроника (некоторых) текущих событий

• «“Я хочу, чтобы в следующем году, когда мы будем отмечать столетие независимости нашей страны, состоялся референдум относительно Конституции Республики Польша”, — заявил президент Анджей Дуда и пообещал, что “дебаты о новой конституции будут проходить не только с участием представителей элиты и политиков”. “Поляки имеют право решать, нужно ли менять конституцию, действовавшую последние двадцать лет”, — сказал президент. Он также подчеркнул, что народ должен определиться с будущим устройством своей страны и направлениями ее государственного развития, решить, какова должна быть роль президента, роль Сената и Сейма, какие права и свободы человека и гражданина особенно важны. “Польша должна быть страной, где все равны перед законом, где нет незаслуженных привилегий и высших каст, где все граждане составляют одно целое”, — добавил Дуда». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 4 мая)

• «Спустя два года после своей победы на выборах президент Анджей Дуда начинает своевольничать. Конституционный референдум, анонсированный им без всяких консультаций с Ярославом Качинским — это только один из примеров. (...) Ранее президент заявлял, что ему не нравится предложение правящей партии о прекращении полномочий членов Национального совета правосудия. Схожая ситуация возникла с заявленным ограничением срока полномочий старост, бурмистров и мэров, имеющим обратную силу. Но настоящую ярость среди политиков ПИС Дуда вызвал, объявив о конституционном референдуме. (...) Люди президента радуются, что им до последнего удавалось держать всю операцию в секрете. (...) Ярослав Качинский и политики из его близкого окружения обеспокоены планами президента». («Факт», 6–7 мая)

• «ПИС и Анджей Дуда нарушают конституцию, что лишает их всякого права работать над новым основным законом. (...) Дуда, Шидло и все, кто нарушал конституцию, предстанут перед Государственным трибуналом. Наша обязанность — осудить этих людей. А для начала их необходимо взять под арест. Я их в покое не оставлю. “Гражданская платформа” их один раз уже простила, хотя я просил, даже умолял не совершать этой

ошибки — и вот результат, сегодня у Польши серьезные проблемы. Я предупреждал их: если эти люди не ответят перед Государственным трибуналом, они попытаются вас посадить. Так оно и происходит», — Лех Валенса. («Жечпосполита», 5 мая)

- «Толпы, встречающие Дональда Туска на Центральном вокзале, свидетельствуют о новом всплеске интереса к бывшему премьер-министру. (...) Поэтому к зданию прокуратуры он шел пешком в окружении толпы людей. (...) Дональд Туск в среду приехал в Варшаву, чтобы дать в прокуратуре показания по делу, возбужденному против бывшего руководства военной контрразведки. Оно обвиняется в превышении своих полномочий во время неофициального сотрудничества с российской ФСБ при расследовании обстоятельств смоленской катастрофы. По мнению Туска, этот допрос является элементом “политической травли”, а само дело “носит однозначно политический характер”». (Михал Дущик, «Жечпосполита», 20 апр.)

- «“Качинский приезжает с кортежем лимузинов (...), в окружении кучи охранников. Туск приезжает на поезде и идет пешком. Такая вот разница”, — написал в твиттере Гжегож Липец из “Гражданской платформы”». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 20 апр.)

- «Нынешний кошмар, вызванный правлением ПИС — это во многих отношениях дело рук Туска. Его уход из польской политики, оппортунизм и отъезд из страны накануне решающих избирательных процессов привели именно к таким результатам», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Жечпосполита», 2-3 мая)

- «Институт исследований “Pollster” провел опрос относительно гипотетического второго тура президентских выборов с участием нынешнего президента и председателя Европейского совета Дональда Туска. Как показали результаты опроса, победил бы, причем с большим отрывом, бывший премьер. За него проголосовали бы 49% респондентов. Анджей Дуда мог бы рассчитывать на 39% голосов. 12% участников опроса не определились с ответом». («Супер-экспресс», 22-23 апр.)

- «После истории с аварией автомобиля премьер-министра Беаты Шидло широкая общественность узнала, что госпожа премьер-министр еженедельно отправляется на большом самолете домой на выходные, а обратно ее отвозят на большом лимузине. Или взять, к примеру, Мацеревича, который врезался в автомобили, стоявшие на перекрестке улиц перед горящими светофорами, и даже не подошел ни к одной из машин, чтобы проверить, не пострадал ли кто. Он же переходил

проезжую часть в непредназначенном для этого месте, а военная жандармерия охраняла Мацеревича, блокируя уличное движение. Это немного смахивает на стандарты африканских диктатур», — проф. Рышард Бугай. («Польска», 2-3 мая)

- «Президент Анджей Дуда направил министру оборону Антонию Мацеревичу целый перечень писем, на которые тот не ответил. Это письмо президента, датированное серединой марта, было во вторник размещено в твиттере на профиле публичных данных. Подлинность письма подтвердил пресс-секретарь президента Марек Магеровский. («Жечпосполита», 19 апр.)

- «По данным опроса “Дзенника газеты правовой”, проведенного 7-11 апреля через интернет-портал “Ариадна”, 50% поляков негативно оценивают деятельность премьер-министра Беаты Шидло. Противоположного мнения придерживаются 28% респондентов, а 22% не определились с ответом. 42% участников опроса высказались за отставку министра обороны Антония Мацеревича, 30% — за отставку министра иностранных дел Витольда Ващиковского, а 28% — за отставку министра окружающей среды Яна Шишко. («Дзенник газета правна», 13 апр.)

- «Благодаря своему нынешнему руководству Польша сама дистанцировалась от Европы. Важная роль Польши в Евросоюзе сегодня носит скорее потенциальный характер. Польша уже не возглавляет блок стран той части Европы, которая нынче выступает жертвой стратегической угрозы с востока. (...) То, как Польша противилась избранию на пост председателя Европейского совета своего собственного кандидата, выставило ее в смешном свете. Это было больше, чем ошибка — это была глупость. (...) Мне кажется, все больше людей чувствуют, что вся эта клоунада с нашим странным правительством не продлится долго. Польша заслуживает лучшего положения в мире, и то, что происходит сейчас, ее не убьет», — Збигнев Бжезинский. («Газета wyborcza», 15-17 апр.)

- «“Наша способность говорить “Нет”, даже грозящая конфликтом со всеми вокруг — это возвращение нашей правосубъектности”, — заявил Ярослав Качинский в интервью изданию “В сети”. В этом смысле Северная Корея тоже обрела правосубъектность, комментирует высказывания Качинского польский дипломат, много лет работающий в структурах ЕС. Он также добавляет, что в Брюсселе реакция на историю с избранием Дональда Туска на пост председателя Европейского совета колеблется в диапазоне от насмешливой иронии до тревоги, и тревога все-таки перевешивает. Здесь дело даже не в отсутствии доверия или умения договариваться. Главная проблема заключается во все более крепнущей уверенности,

что Польша в Брюсселе сознательно демонстрирует откровенно деструктивное поведение. Из-за этого, впервые за все время нашего членства в ЕС, степень влияния Польши на происходящее в Брюсселе стремится к нулю по нашей же собственной инициативе. (...) Никому и в голову не придет теперь, что мы можем что-то сделать во благо всего европейского сообщества». (Марек Островский, «Политика», 5-11 апр.)

• «Разница между Орбаном и Качинским в том, что первый — циник, а второй (нужно отдать ему должное) — идейный. Качинский действительно верит в то, что говорит, и поэтому более опасен. Разумеется, в его действиях есть большая доза цинизма, стратегического расчета, политического маневрирования, но вера в сверхпотенциал государства остается фундаментом идеологии Качинского. На этом он зубы и обломает, потому что в основе польской ДНК лежит индивидуализм, а не молчаливое согласие на вторжение государства в сферу нравов и частной жизни. (...) Нынешняя власть приведет к общественному расколу, какого еще не знала история Польши. Этот раскол куда глубже того, что царил в нашем обществе до 1989 года — тогда все было проще, были “мы” и “они”. А сегодня эта трещина пролегла по очень многим семьям и профессиональным сообществам. И она так глубока, что скоро мы станем похожи на два племени, которые не понимают друг друга, говорят на разных языках, смотрят разное телевидение, у них разные версии истории, разные герои и разные планы на будущее. (...) Многие зарубежные политики говорят мне: вы обманули нас. Бывший глава Европейской комиссии Жозе Баррозу еще во время предыдущего правления ПИС спрашивал: “Мы думали, что Польша — это Валенса, Мазовецкий, Квасневский, а оказывается, что бывает и Польша Качинского. Так какая же из них настоящая?”», — Александр Квасневский, бывший двукратный президент Польши. («Ньюсуик Польска», 18-23 апр.)

• «Польша утверждает, что не заинтересована в “Европе двух скоростей”, однако и к более тесной интеграции не стремится. А это взаимоисключающие вещи, поскольку многие другие страны хотели бы двигаться дальше. (...) В структурах ЕС уже в открытую поговаривают, что пора бы пересмотреть объем чересчур масштабной помощи тем странам, которые не разделяют наших европейских ценностей. В подобном ключе высказывается большинство комиссаров, евродепутатов, политиков в странах Евросоюза. (...) Я пессимистка, потому что я не вижу каких-либо изменений в политике польского правительства. (...) Не надо забывать, что любое заявление, сделанное в Польше, тут же оказывается услышанным здесь, в

Брюсселе. И каждое высказывание в том духе, что деньги ЕС нам не нужны и что не стоит придавать им такого значения, сразу берется здесь на карандаш. Польша постоянно выступает крупным нетто-получателем. Если другие страны готовы на это сбрасываться, все финансовые операции в этой сфере должны быть прозрачными. А у меня такое впечатление, что европейские деньги в Польше просто исчезли. И все здесь это понимают. (...) Ничего хорошего в такой ситуации для нашей страны нет. (...) Польша сама лишает себя разных возможностей, не поддерживая диалога по проблеме законности. И с каждым месяцем это будет только усугубляться», — Эльжбета Беньковская, комиссар ЕС по вопросам внутреннего рынка, промышленности и предпринимательства, бывший вице-премьер и министр развития. («Жечпосполита», 5 мая)

• «Слова Эммануэля Макрона (...) о том, что на “Варшаву, нарушающую всевозможные нормы и правила Евросоюза”, необходимо наложить санкции — это кошмарная новость для нас. Спустя год с небольшим после начала войны правительства ПИС с Брюсселем Польша становится во Франции “мальчиком для битья”. (...) Мартин Шульц, кандидат от Социал-демократической партии Германии на пост канцлера ФРГ, на мартовской конференции своей партии назвал Ярослава Качинского врагом демократии, упомянув его в одном контексте с Трампом и Эрдоганом. И пообещал с ним бороться. (...) Сейчас политики начнут соревноваться, кто накажет Польшу наиболее эффективно. (...) Трудно найти лучшее доказательство тому, что Польша утратила репутацию серьезного, солидного партнера, которую она тяжелым трудом зарабатывала с 1989 года. Теперь же мы стали в Европе одной из “черных овец”. Исправить это будет очень трудно», — Бартош Т. Велинский. («Газета wyborcza», 29 апр. — 1 мая)

• «Никаких особенных интересов у США в Польше нет. (...) Американцы не видят в нас ни привлекательного торгового партнера, ни полноправного военного союзника. (...) Мы продолжаем оставаться их клиентом. (...) С точки зрения Вашингтона Польша могла бы оказаться даже в сфере влияния России, если бы не состояла в НАТО. Но поскольку в НАТО она все-таки состоит, приходится защищать ее ради единства и надежности альянса. (...) Союз с США не исключает (...) как можно более близких контактов с Германией, даже наоборот, они бы только укрепили доверие США к Польше. (...) Элементарная стратегия подсказывает, что нам необходима поддержка как самой сильной европейской страны в лице Германии, так и мирового лидера в лице США. (...) В контексте этих отношений налаживание некоего союза с Россией и довольно подозрительные делишки с Китаем подрывают

безопасность Польши», — Анджей Талага. («Жеспосполита», 12 апр.)

• «Почти тысячу фамилий офицеров и агентов разведки ПНР и Третьей Речи Посполитой содержит находящийся в открытом доступе каталог Института национальной памяти. Сотрудники зарубежных спецслужбы, не сходя с места, могут вычислить наших разведчиков, а потом реконструировать их контакты с заграницей. (...) Были рассекречены как настоящие имена, так и те, под которыми в качестве “офицеров под прикрытием” либо “нелегалов” действовали наиболее засекреченные наши агенты, годами живущие за границей». («Газета выборча», 18 апр.)

• «Для меня, профессионального военного, прослужившего 36 лет, совершенно непостижимы нынешние попытки “усовершенствовать” армию. Генеральный командующий (ген. Мечислав Ружанский) по прошествии половины срока своих полномочий вдруг публично заявляет о своей отставке, поскольку не справляется с обязанностями по подготовке армии к защите отечества. И все молчат! Это неслыханно, это просто в голове не укладывается. И никакой реакции!», — ген. Януш Броневич («Пшеглэнд», 18–23 апр.)

• Антоний Мацеревиц, «уже много лет производящий впечатление психически неуравновешенного человека, не должен руководить министерством обороны. Находясь во главе этого ведомства, он наносит огромный вред обороноспособности Польши и регулярно выставляет нашу страну на посмешище, в результате чего нас не воспринимают в качестве серьезного партнера. (...) Мацеревиц пренебрежительно относится к Дуде и открыто это демонстрирует. Дуда, разумеется, заслужил такое отношение, но публично насмехаться над президентом все-таки не стоит. Особенно когда речь идет о верховном главнокомандующем и чиновнике министерства обороны», — Влодзимеж Цимошевиц, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Жечпосполита», 2–3 мая)

• «Вступил в законную силу приговор в отношении генерала Павла Белявного, бывшего заместителя коменданта Бюро правительственной охраны, осужденного за нарушения при охране визита премьера Дональда Туска и президента Леха Качинского в Смоленск в 2010 году. Апелляционный суд Варшавы (...) оставил в силе наказание для генерала Белявного в виде полутора лет лишения свободы условно. (...) Прокуратура обвинила Белявного в том, что Бюро правительственной охраны не провело рекогносцировки аэродрома в Смоленске и не проверило заранее безопасность пути следования президента Леха Качинского». («Жечпосполита», 13 апр.)

- «“Pollster” провел опрос об установке памятника Леху Качинскому. (...) 61% опрошенных поляков заявил, что бывший президент не заслужил такого увековечивания. Противоположное мнение высказали 20% респондентов. (...) Опрос провел институт исследований “Pollster” 20–21 апреля». («Супер-экспресс», 25 апр.)
- «Невысокий человечек с заметными симптомами прогрессирующей паранойи рассказывает миллионам всё еще живущих людей о том, что его участие в движении “Солидарность” выглядело иначе, нежели им кажется. Не было никакого Леха Валенсы. Всю борьбу с коммунизмом в одиночку вел брат маленького человечка, Лех Качинский, хотя почти никто его тогда и в глаза не видел. Согласно новой исторической доктрине, именно он победил коммунизм — и потому в каждом городе ему нужно поставить памятник, бронзовый, как памятники северо-корейским диктаторам», — Збигнев Холдыс. («Ньюсуик Польша», 8–14 мая)
- «Я не могу спокойно смотреть на попытки фальсифицировать новейшую историю, на откровенное неуважение к Леху Валенсе и другим героям “Солидарности”. Они говорят, что у “Солидарности” не было лидера. (...) Лех Качинский был тихим неконфликтным человеком. А его брат? Навещал его разве что по воскресеньям, и то ненадолго, чтобы сразу же вернуться в Варшаву. Он вообще никак не участвовал в нашей борьбе. (...) Я подхожу к этому как врач. (...) И вижу самую настоящую патологию. Все, что делает Ярослав Качинский, продиктовано ненавистью. А на ненависти ничего хорошего не построишь. Травля, неустанный поиск врагов, науськивание одних на других будят в людях самые темные инстинкты. И это может изменить общество до неузнаваемости. Меня это очень беспокоит, потому что все эти отрицательные эмоции, вырвавшиеся на свободу, очень трудно загнать обратно. Мы попали в переplet, увы. (...) Я хорошо помню, как начинался тоталитаризм. Я уже когда-то слышала похожие речи об униженном народе, который должен вернуть себе чувство собственного достоинства. Правда, наблюдая деятелей ПИС, я вижу их полную бездарность», — проф. Иоанна Пенсон (96 лет), бывшая заключенная концлагеря “Равенсбрюк” и коммунистических тюрем, с первых лет “Солидарности” была врачом Леха Валенсы. («Ньюсуик Польша», 24 апр. — 7 мая)
- «Даже названия улиц нам теперь меняют по указанию из Варшавы. Должны ли мы подчиниться? Только через мой труп! Я не участвовал в декоммунизации улиц, объяснив это тем, что не собираюсь применять неконституционный закон. Он нарушает договор между местным самоуправлением и государством, согласно которому нам предоставлена самостоятельность в выборе названий улиц. Я не стал

обращаться с конституционной жалобой, поскольку не верю в объективность нынешнего Конституционного трибунала, что, в свою очередь, наглядно демонстрирует, в каком жалком состоянии у нас находится система верховенства закона», — Роберт Бедронь, мэр Слупска. («Газета выборча», 29 апр. — 1 мая)

• «Тысяче бывших сотрудников спецслужб, полиции и других военизированных структур с 1 октября снизят размер пенсии. В некоторых случаях пенсия будет урезана до установленного минимума — 730 злотых нетто. Другие получают не более 1,7 тыс. злотых. Министерство внутренних дел подготовило проект закона, предусматривающего уменьшение пенсий для тех, кто хотя бы один день прослужил в Службе безопасности, структурах, подчинявшихся коммунистическому МВД либо спецслужбах министерства обороны. Депутаты подкорректировали законопроект, и теперь пенсии снизятся еще больше. Пенсия будет рассчитываться исходя не из 0,5%, как планировалось, а 0% за каждый год службы в структурах ПНР. Это также коснется тех, кто нес службу и после 1990 года. (...) Столь же радикально будут снижены пособия, выплачиваемые вдовам и детям покойных сотрудников. (...) Адам Боднар, уполномоченный по правам человека, уже принял решение отстаивать права пострадавших в суде, (...) тысячи бывших сотрудников спецслужб и МВД собираются подать иск против правительства». (Лешек Костжевский, «Газета выборча», 2-3 марта)

• «“В Беловежской пуще продолжается вырубка столетних и более старших деревьев, также разоряются места обитания животных, которые должны охраняться в соответствии с программой “Природа-2000”. В связи с этим Европейская комиссия направляет Польше последнее предупреждение. Поскольку наносимый вред может оказаться необратимым, у польских властей есть только один месяц (вместо обычных двух) на ответ”, — говорится в опубликованном вчера пресс-релизе Европейской комиссии. Там же сказано: “Европейская комиссия призывает Польшу отказаться от запланированной масштабной вырубки деревьев в Беловежской пуще — последней в Европе первозданной пуще, охраняемой программой «Природа-2000»”. Самое серьезное предупреждение находится в конце пресс-релиза — если польское правительство не объяснится по поводу нарушений законодательства ЕС, дело будет передано в Европейский суд». (Александра Гургуль, «Газета выборча», 28 апр.)

• «Художница, работающая под псевдонимом NeSpoon, представитель варшавского стрит-арта, отправилась в Беловежскую пущу, где министр Ян Шишко дал разрешение на расширенную вырубку деревьев под предлогом борьбы с

жуком-короедом. (...) Художница запечатлела в глине структуру древесной коры, а очередные керамические слепки разместила на стене дома на улице Тамка в Варшаве. “Это посмертная маска леса, которого уже нет”, — написала NeSpoon». (Якуб Хелминский, «Газета wyborcza», 13 апр.)

• «В первых числах апреля почти 90% поверхности лесов Беловежской пуши (11,2 тыс. га) на территории надлесничества Беловежа были закрыты для посещений. (...) Экологические организации и местные жители считают (...), что таким образом надлесничество пытается скрыть очередной этап вырубки деревьев (проводимой на основании решения генерального директора Государственных лесов от 2 февраля этого года, разрешающего рубку деревьев даже в самых старых древостоях), а закрытие пуши для посещений отобьет у туристов желание приезжать в последний естественный лес в Европе». («Политика», 26 апр. — 5 апр.)

• «20 апреля состоялась акция протеста судей со всей Польши. (...) Судьи опасаются чрезмерного вмешательства исполнительной власти в работу судебных органов. (...) Как подчеркивают судьи, изменения в законодательстве происходят без консультаций с ними, фактически за их спинами». (Агата Лукашевич, «Жеспосполита», 21 апр.)

• «По данным полиции, в субботнем Марше свободы приняли участие около 12 тыс. человек, по мнению же “Гражданской платформы” в акции участвовали около 100 тыс. демонстрантов. (...) Главным организатором демонстрации выступила “Гражданская платформа”. (...) “Данные полиции, скорее всего, охватывают только тех людей, которые приехали на автобусах. Автобусов было около 250, в том числе 220 автобусов самой ГП. Вместе это около 13 тыс. человек. А ведь есть еще поезда, автомобили, а также жители Варшавы и ее окрестностей”, — возмущается один из организаторов». (Михал Коланко, «Жеспосполита», 8 мая)

• «Протесты приводят к конкретным результатам, доказательством чему служит отказ ПИС от “битвы за Варшаву” (проект присоединения к столице целого звена окружающих Варшаву пригородных и сельских гмин, где ПИС пользуется более широкой поддержкой — В.К.). Но и не будь этих результатов, акции протеста оставались бы очень важны. Благодаря им ПИС не может заявить, что все одобряют политику правящей партии, а наши друзья и соответствующие международные институты видят, что довольно большая часть общества активно сопротивляется незаконию. В конце концов, кто еще должен защищать права, свободу и демократию, как не сами граждане?», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Жеспосполита», 2-3 мая)

- «То, как ПИС распоряжается государственной властью, доказывает, что в Польше легче приживается тоталитарная система государственного устройства, нежели антитоталитарная. Этот процесс идет быстро и на удивление легко. Произвольное законодательное вмешательство во все сферы общественной жизни уничтожает институты демократического государства. Лишает конституцию силы. (...) Новый (...) правовой порядок по сути своей неконституционен, поскольку призван служить не государству, а партии. (...) Воля председателя ПИС приобретает силу закона. (...) Изменения в Конституционном трибунале привели к тому, что институциональный контроль за правомочностью законодательного процесса исчез. Осталась лишь юридическая фикция. (...) В ходе демократических выборов партия ПИС получила мандат на управление страной. Взяла власть. Но власть — это всегда ответственность. Тем временем нынешняя форма осуществления власти угрожает безопасности страны и ее граждан. Нарушается конституция. Это означает, что власть утратила свой демократический мандат, выданный ей для управления страной», — проф. Анджей Гомулович, заведующий кафедрой финансового права университета Адама Мицкевича в Познани. («Жечпосполита», 25 апр.)
- Поддержка партий: «Гражданская платформа» — 28%, «Право и справедливость» — 27%, Кукиз'15 — 12%, Союз демократических левых сил — 5%, «Современная» — 4%, «Вместе» — 3%, крестьянская партия ПСЛ — 3%, КОРВИН («Коалиция обновления Республики – воля и надежда») — 3%, «Твое движение» — 1%, прочие — 1%, не определились с симпатиями — 13%. Опрос «Кантар паблик», 26-27 апреля. Избирательный порог составляет 5%. («Газета wyborcza», 29 апр. — 1 мая)
- «Зарубежные инвесторы по-прежнему положительно оценивают состояние польской экономики, однако их беспокоит общественно-политическая нестабильность в нашей стране и непредсказуемость изменений в законодательстве. Такие выводы можно сделать на основании опросов, проведенных в 369 зарубежных фирмах, работающих в Польше. Результаты опросов были опубликованы в четверг Польско-немецкой торгово-промышленной палатой, поведшей анкетирование совместно с объединенными под эгидой “International Group of Chambers of Commerce” 13 палатами, представляющими инвесторов из других стран». (Адам Возняк, «Жечпосполита», 21 апр.)
- «Европейская комиссия рекомендовала Польше, чтобы та (...) ограничила структурный дефицит до 0,5% в год. Тем временем правительство планирует, что в этом году он возрастет до 2,9% ВВП по сравнению с 2,3% ВВП в 2016 году. Так что вместо

снижения у нас наблюдается рост на 0,6%». («Жечпосполита», 4 мая)

• «Лучший способ не позволить бюджетному дефициту резко повыситься, даже в условиях действующей программы 500+, это не тратить деньги в других сферах. Разумеется, другой способ — это реально увеличить собираемость налогов. Но если говорить об ограничении расходов, то в прошлом году мы выбрали наихудший вариант из всех возможных — перестали вкладывать деньги в инвестиции. Этот необычайно низкий дефицит сектора государственных финансов был в значительной степени обусловлен тем, что органы самоуправления не тратили деньги — то ли по причине непрофессионализма, то ли из страха, то ли по объективным причинам. (...) Если в любую городскую или сельскую администрацию могут нагрянуть господа из Центрального антикоррупционного бюро, никто не будет принимать серьезных инвестиционных решений, зная, что может за это жестоко поплатиться. Это издержки борьбы с коррупцией — или с воображаемой коррупцией», — Марек Белька, бывший премьер-министр и председатель Национального банка Польши. («Дзенник газета правна», 8 мая)

• «Вместо того, чтобы экономить, правительство решило не затягивать потуже ремень. (...) Улучшение состояния государственных финансов в прошлом году стало следствием сокращения инвестиционных расходов. (...) Мы слишком мало инвестируем! Действия правительства сокращают количество предложений на рынке труда. Поэтому потенциал нашей экономики не растет, а падает. Это означает, что более высокие темпы текущего роста в перспективе приведут к росту перекосов в экономике. Это экономическая азбука, которая политикам дается с трудом. Они хорошо умеют стимулировать экономику при помощи социальных трансфертов. На какое-то время это помогает. На долгосрочную перспективу это путь в никуда. Государственный долг Польши превысил биллион злотых. По оценкам Международного валютного фонда через десять лет он может достичь 70% ВВП. И это уже в самом деле последний звончек, чтобы начать трансформировать потребление на одолженные деньги в сбережения, которые нужны нам для финансирования роста инвестиций», — Януш Янковяк, главный экономист Польского совета бизнеса. («Газета wyborcza», 2–3 мая)

• «Доля всех государственных расходов в этом и следующем году вырастет примерно до 43,5% ВВП (в 2016 г. она составляла 43,3%). Благодаря этому сюда войдет не только больше социальных расходов, но также экстра затраты на инвестиции, объем которых возрастет с 3,3% ВВП в 2016 году до 5% в 2018 году. Какой ценой? Ценой увеличения дефицита финансов

в 2017 году, несмотря на более успешный сбор налогов». (Марек Хондзинский, «Дзенник газета правна», 25 апр.)

• «“Двадцать лет назад мы начинали с демонополизации рынка, а сейчас у нас наблюдается монополия государства в энергетике”, — признался Лешек Юхневич, первый директор Департамента регулирования энергетики. (...) Юхневич сказал: “Не знаю, чем это кончится. Происходит что-то вроде национализации”». (Анета Вечежак-Крусинская, «Жеспосполита», 13 апр.)

• «Международный валютный фонд в последний год резко снизил прогнозируемые темпы долгосрочного развития Польши. Этот год будет лучше, чем ожидалось, однако перспективы на следующие годы, по мнению экономистов МВФ, неутешительны. Как правило, прогнозы на ближайшие пять лет колебались от 3,5 до 38%. Однако с весны 2016 г. до весны 2017 г. этот прогноз снизился до 2,7%. (...) Подобный пересмотр прогнозов не коснулся более ни одной европейской страны, кроме Черногории, не говоря уже о развитых странах. (...) МВФ не комментирует своих прогнозов для конкретных стран». (Игнаций Моравский, «Дзенник газета правна», 24 апр.)

• «Согласно опросу ЦИОМа, «47% респондентов считают, что ситуация в Польше не сулит ничего хорошего. 38% полагают, что нынешние перемены, напротив, приведут к положительным результатам. (...) 44% участников опроса считают, что политическая обстановка в стране оставляет желать лучшего. 19% придерживаются противоположной точки зрения. (...) Каждый третий респондент оценивает политическую ситуацию в стране нейтрально. (...) Экономическую ситуацию в Польше 39% опрошенных оценивают позитивно, 38% считают ее посредственной, а 18% — негативной. Уровень своего материального благосостояния 56% считают достаточно высоким, 6% — очень низким, а 38% — средним. (...) 26% опрошенных (...) ожидают, что в ближайшем году ситуация в стране улучшится. (...) Ухудшение ситуации прогнозируют 27% опрошенных, а 40% полагают, что ситуация в Польше не изменится». («Газета wyborcza», 21 апр.)

• «Польский электорат в своих политических предпочтениях (...) большое значение придает внеэкономическим вопросам, и именно от них зависит, кого поддержат избиратели на очередных выборах. Польский избиратель больше обращает внимание на морально-политические проблемы, а не на вопросы экономики. (...) Успехи польской экономики не окажут решающего воздействия на итоги выборов в 2019 году. Голосуя на выборах, поляки руководствуются совершенно иными соображениями. (...) Тем, что им понятно и близко. Их интересует история Мисевича и его доходов, разбитые

лимузины и аристократические замашки польских политиков. Им также интересно, кто защитит нас перед нашествием беженцев, которые, как известно, намерены убивать нас и насиловать; сколько памятников “проклятым солдатам” мы должны поставить; не навлечем ли мы на себя гнев Божий, если легализуем однополые браки. Если бы мне нужно было дать совет власть предержащим, я бы сказал им — займитесь травлей. (...) Звучит абсурдно? Куда более абсурдно пытаться расположить к себе поляков, рассказывая им о достижениях нашей экономики при нынешнем правительстве.

Соотечественники никогда не обращали на это никакого внимания», — Марек Мигальский. («Жечпосполита», 26 апр.)

• «В 2016 году 37% поляков прочитало одну книгу, а каждый десятый наш соотечественник прочел от 7 до 10 книг. (...) Постоянно растет количество домов, в которых нет ни одной книги. Сегодня они составляют 22%. Во многих домах (более 10%) есть только учебники и книги из школьной программы». («Жечпосполита», 21 апр.)

• «Манифестация “Национально-радикального лагеря” (по-польски “Обоз народово-радикальный”, сокращенно ОНР — примеч. пер.) была приурочена к 83-й годовщине создания первого ОНР. (...) Марш ОНР-овцев прошел под охраной полиции. Перед маршем состоялся конгресс организации, закрытый для СМИ и посторонних. (...) Согласие на манифестацию ОНР дала варшавская ратуша. (...) Правовых оснований отказать ОНР в проведении марша не было. В понедельник, спустя два дня после марша, мэр Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц призвала министра юстиции Збигнева Зебро поставить ОНР вне закона (...) “как неофашистское движение”. (...) ОНР, объединяющий поляков из самых разных регионов страны, легально действует с 2005 года, не встречая никакого сопротивления со стороны органов правосудия». (Витольд Гловацкий, «Польска», 2-3 мая)

• «“Криса Хани вспоминаем, а Валюся презираем”, — под таким лозунгом прошла в пятницу перед президентским дворцом демонстрация с участием антифашистов и Коммунистической партии Польши. (...) Польский эмигрант Януш Валюсь в 1993 г. застрелил Криса Хани, чернокожего лидера коммунистов ЮАР. (...) Поляк был приговорен к смертной казни, которую потом заменили на пожизненное заключение. (...) Атмосферу в Польше подогрела информация о том, что после условного освобождения Валюсь может вернуться в Польшу. Его приезд на родину пытаются организовать несколько политиков правого толка, в том числе Ян Жарын из ПИС. (...) Организаторы пятничной манифестации перед президентским дворцом обещают провести очередную акцию (...), однако сторонники Валюся сейчас куда более

заметны». («Жечпосполита», 8 мая)

- «Активисты ОНР в 30-е годы нападали на еврейских студентов в стенах университетов, громили еврейские магазины, терроризировали представителей демократических левых сил. (...) Себя они именовали “тотальным” движением, задачей которого было установление иерархического, “естественного” национального порядка. (...) Современный ОНР никогда не отрешивался от довоенных традиций. (...) В идеологической декларации общества можно прочесть, что оно отрицает “либеральную демократию”, а будущее национальное государство видит сплоченным вокруг принципов “иерархичности и порядка”. Декларация также провозглашает политику, направленную на сохранение моноэтничности Польши, а также воспитание новых элит, “свободных от внешних влияний, вредящих нашему единству”. Иерархия, моноэтничность, свободное от внешних влияний единство — все это взято из политического словаря фашистов». (Якуб Маймуреке, «Газета wyborcza», 4 мая)

- «Десять лет назад исторической реконструкцией в нашей стране занимались всего 5 тыс. человек. Сегодня (...) их примерно 100 тыс. человек. (...) Все отчетливее становится видно, что количество тех, кто не видит в убийстве себе подобных ничего ужасного, у нас последовательно растет. (...) Спрос на насилие всегда возрастает там, где уходят последние поколения, на себе испытывавшие ужасы войны. (...) Массовые страдания не делали людей благороднее, но калечили их морально и физически. Но человек начинает понимать такие вещи, только испытав это на собственной шкуре». (Анджей Краевский, «Дзенник газета правна», 28 апр. — 3 мая)

- «Представители националистических кругов демонтировали памятный знак в честь УПА на кладбище в Хрущовицах (Подкарпатье). (...) “Демонстративный характер действий организаторов и участников акции, (...) о которой, безусловно, было известно властям, подтверждают, что выходки подобного рода совершаются с официального одобрения”, — пишут представители Союза украинцев в Польше». («Жечпосполита», 28 апр.)

- Акция «Висла» была «принудительным переселением свыше 140 тыс. гражданских украинцев и лемков. (...) Она также предусматривала принудительное поселение польских украинцев и лемков в северо-западной части страны, рассеивание их там и запрет возвращаться на родину. Непосредственным осуществлением операции занимались власти так наз. Народной Польши, вдохновляемые руководством коммунистической Польской рабочей партии. Все это происходило в условиях вооруженного конфликта с украинскими партизанами. (...) Акция “Висла” была

преступлением против гражданского населения в 1947 г. и продолжает оставаться таковой по сей день. (...) В 2007 г. Союз украинцев в Польше обратился в следственный отдел Института национальной памяти (ИНП) с сообщением о преступлении, которым, по мнению союза, была акция “Висла”. (...) ИНП отказал в возбуждении следствия. Прокурор решил, что акция “Висла” не была преступлением против человечности. (...) В 2012 г. следственный отдел ИНП начал расследование, в результате которого акция “Висла” была признана преступлением коммунистических властей против человечности», — Кшиштоф Персак. («Газета wyborcza», 29 апр. — 1 мая)

• «В ситуации с акцией “Висла” (...) выбор очевиден. Либо мы признаем, что польские государственные интересы в 1947 году представляли органы госбезопасности и политбюро Польской рабочей партии, либо вспоминаем об элементарных моральных принципах, которые осуждают коллективную ответственность и вооруженные акции против гражданских, особенно против женщин и детей. (...) Состоявшаяся в понедельник конференция Института политических исследований Польской академии наук, а также аналитические материалы, предоставленные уполномоченным по правам человека, не оставляют сомнений: акция “Висла” была тоталитарной операцией, аналогичной тем, которые тогда практиковал Кремль на территории Советского Союза. (...) Поэтому в 70-ю годовщину акции “Висла” необходимо, чтобы польское руководство взяло пример с президента Леха Качинского и перестало замалчивать те события, осудив действия органов госбезопасности и отделив от них нынешнюю свободную Польшу». (Павел Коваль, «Жечпосполита», 27 апр.)

• «17 апреля в Лодзи скоропостижно скончался Олег Закиров, бывший майор КГБ, гражданин Польши, награжденный Кавалерским и Офицерским крестами Ордена возрождения Польши, автор книги воспоминаний “Чуждый элемент”. “В России за попытки выяснить правду о катынском расстреле ему грозила смерть, а в Польше, куда он бежал, никто его судьбой не интересовался. Ему приходилось просить подаяния на улицах”, — пишет Кристина Курчаб-Редлих об умершем Олеге Закирове». («Жечпосполита», 28 апр.). Некрологов в прессе не было (В.К.)

• «Часть чеченцев, застрывших на польской границе, находятся на грани самоубийства. Некоторые целыми днями ничего не едят, поскольку у них нет денег. А наше правительство прячет голову в песок». («Газета wyborcza», 5 мая)

• «Департамент по делам иностранцев сообщил, что в 2016 г. количество иностранцев, ходатайствующих о предоставлении им статуса беженца, составило немногим более 12 тысяч. (...) В

2013–2016 гг. численность иностранцев, ищущих убежища в Евросоюзе, выросла на 275%, а в Польше снизилась на 20%. (...) Из 160 тыс. заявителей, просивших признать их беженцами в 1992–2016 гг., Польша наделила этим статусом лишь 5 тыс. человек. (...) В Германии только в 2015 г. было рассмотрено четверть миллиона ходатайств иностранцев о предоставлении им статуса беженца, в результате чего международную защиту получила половина из них. Это означает, что Германия за две недели в 2015 г. предоставила статус беженца большему количеству иностранцев, нежели Польша за все 25 лет действия в нашей стране Женевской конвенции. Польша уже не первый год принадлежит к тем странам ЕС, где за статусом беженца обращаются реже всего. Вероятность получения международной защиты в нашей стране является самой низкой. (...) До 2015 г. в Польше на постоянное жительство осталось всего 1545 беженцев, а также почти 3 тыс. иностранцев, на которых распространяются иные формы международной защиты. Для 38-миллионной страны это капля в море. (...) Практикуемая с момента последних парламентских выборов недоброжелательная и оторванная от польских реалий риторика начинает, к сожалению, приносить свои ядовитые плоды. Рост неприязни и агрессии по отношению к иностранцам, отличающимся от нас по культурному, этническому и религиозному признакам, становится виден невооруженным глазом», — Томаш Сенюв, глава Института правового государства. («Дзенник газета правна», 9 мая)

- «Современный польский патриотизм (...) должен будить уважение и чувство солидарности по отношению ко всем гражданам, независимо от их вероисповедания или происхождения», — заявляют епископы в новом обращении Епископата Польши «Христианский характер патриотизма». («Жеспосполита», 28 апр.)
- Обращение «Христианский характер патриотизма», опубликованное в пятницу, «это не реакция на конкретные события, а попытка как-то отнестись к проблеме, становящейся все более актуальной. В последнее время мы столкнулись с целой волной тревожных явлений — сначала с неприязнью к чужим, затем с проявлениями открытой агрессии. Во многих городах Польши иностранцы подверглись избиениям. Добавим к этому манифестации на стадионах и вызывающие тревогу паломничества ОНР. Даже в положительных явлениях — таких, как исторические реконструкции — епископы видят опасную банализацию трагического прошлого. (...) Епископы также понимают, что со многих церковных кафедр ведется проповедь националистического шовинизма. (...) Мне хотелось бы, чтобы мы также написали письмо о нашем активном членстве в

Европейском союзе. Епископы много внимания уделили
местному патриотизму, а о европейском патриотизме
забыли», — о. проф. Альфред Вежбицкий, заведующий
кафедрой этики Католического университета в Люблине.
(«Газета wyborча», 2-3 мая)

Экономическая жизнь

Первые месяцы текущего года были весьма успешными для экономики. ВВП в первом квартале вырос на 4%. Это означает, что после неудачного 2016 года экономика значительно оживилась. По мнению комментатора газеты «Дзенник газета правна» Марека Хондзыньского, это прежде всего результат роста частного потребления. Граждане больше покупают не только потому, что получают деньги по программе «Семья 500 плюс», но и потому, что больше зарабатывают. При рекордно низкой безработице легко найти хорошо оплачиваемое место. Это сказывается на улучшении потребительского настроения, что видно из исследований конъюнктуры. Столь заметного оживления не было со времени кризиса 2008 года. После спада прошлого года начали также расти инвестиции. Увеличились объемы промышленного и жилищного строительства. Помимо данных по строительству, серьезный признак, указывающий на рост капиталовложений, — это поступление средств от Евросоюза. Многие экономисты полагают, что до конца года поступление этих средств значительно возрастет. Кроме того, на увеличение темпов хозяйственного роста в Польше сказывается и улучшение конъюнктуры в странах региона, особенно в экономике Германии, являющейся главным потребителем польского экспорта.

В октябре Европейский союз прекратит устанавливать странам и фирмам лимиты производства сахара, а также цены. В Польше действует четыре производителя сахара. Только фирма «Польский сахар» имеет отечественный капитал, остальные три — немецкий. Отмена лимитов на производство может ослабить позиции польских свекловодов. Уже сейчас у них проблемы со сбытом продукции. Когда немецкая фирма «Suedzucker» снизила предложенные цены закупки свеклы, производители протестовали перед канцелярией премьера. Однако протест остался безрезультатным: закупочные цены на свеклу не возросли. Цена сахара в Польше — болезненный вопрос. Ее колебания вызывают резкую реакцию. Когда в 2011 году сахар подорожал до 4 злотых за килограмм, потребители массово ринулись в магазины. Возле касс, как некогда в ПНР, появились объявления: «Сахар отпускается по 5 кг в одни руки».

Хотя самая многочисленная, почти 3-миллионная профессиональная группа сегодня — это специалисты, однако в течение прошлого года значительно возросло число работников на менеджерских должностях, — пишет Анита Блащак в газете «Жечпосполита». Их теперь на 56 тыс. больше, чем в конце 2015 года. При таком росте числа работников высшего звена еще сильнее бросается в глаза спад внизу профессиональной иерархии — людей, занятых простым трудом, то есть неквалифицированных рабочих. Их количество в течение прошлого года уменьшилось на 13%, или на 149 тыс. человек. Это показатель изменений в структуре экономики и результат перемен на рынке труда. По мнению бывшего вице-министра труда Яцека Менцины, росту числа управленцев способствуют современные методы руководства. А по мнению руководителя Института «Wise-Europa» Мацея Буковского, вместе с переориентацией экономики, в которой развивается сектор услуг, в данной сфере будет расти количество малых фирм. В каждой такой фирме будет свой руководитель. Кандидатам на должности менеджеров способствует также хорошая конъюнктура в польской экономике. Развивающиеся предприятия открывают очередные филиалы. Увеличивается число экономических мигрантов с Востока. В этой ситуации польские работники перемещаются в расширяющуюся группу операторов машин и оборудования. В связи с повышением заработной платы и часовой минимальной ставки оплаты труда фирмы ориентируются на механизацию и автоматизацию работ. Все чаще на смену бригадам уборщиков со швабрами приходит моющая машина.

Как следует из доклада «Профессиональная миграция поляков», почти 14% профессионально активных граждан Польши задумываются над эмиграцией в течение ближайшего года, то есть интерес к эмиграции значительно ниже, чем в предыдущий период. Потенциальный эмигрант — это чаще всего молодой человек, от 18 до 24 лет, родом из деревни или города с населением меньше 100 тыс. жителей. Среди решившихся на экономическую эмиграцию значительное число составляют лица с начальным и средним образованием, небольшая часть — с профессиональным образованием. Почти 60% потенциальных эмигрантов имеют работу в Польше, однако со сравнительно низким заработком. Уезжают они прежде всего (70%) потому, что за границей более высокие заработки и стандарт жизни. Каждый пятый потенциальный эмигрант нацеливается на Великобританию, Германия теряет былую привлекательность. Спад числа желающих уехать на заработки отмечался во второй половине минувшего года, то есть сразу после решения о Брекзите. Однако хотя по-прежнему

непонятно, на каких условиях Великобритания станет в будущем принимать экономических мигрантов, и по этому вопросу поступают противоречивые сигналы, Брекзит мало-помалу перестает отпугивать поляков, а Великобритания снова становится самым популярным направлением.

Мекленбург-Передняя Померания считается самым бедным регионом в Германии. По этой, в частности, причине, как сообщает газета «Жечпосполита», жители деревень и маленьких городов, расположенных поблизости от границы с Польшей, охотно посещают польские рынки, малые и крупные магазины. Цены здесь для них более выгодные. Наиболее интенсивное движение за покупками — в начале месяца, когда в Германии выплачиваются социальные пособия. В течение нескольких первых дней каждого месяца царит ажиотаж немецких закупок в польских приграничных магазинах и на рынках. Расцветает не одна лишь торговля, но и услуги. Только в небольшом городке Любешин открыто девять парикмахерских салонов. По дороге на Щецин можно насчитать еще несколько десятков. Цены в них значительно ниже, чем в Германии и в парикмахерских, расположенных в центре польских городов. Популярность приграничного куаферства имеет те же причины, что и очереди на автозаправках, — более низкие цены, чем по другую сторону границы. Профессиональная окраска волос, пластическая и модельная стрижка, которые в Польше стоят 200 злотых, за западной границей обойдется в два раза дороже.

Великопольша (окрестности Познани) — это крупнейший в Польше регион сбора виноградных улиток. Конец апреля и май — период, когда в Польше разрешены сбор и закупка улиток. Сбором улиток занимается Сельскохозяйственный кооперативный комбинат в Любнице. Ежегодно комбинат собирает и закупает на переработку около 400 тонн улиток. На внутренний рынок их поступает немного. Это по-прежнему экзотика, и спрос в Польше минимальный. Основная часть продукции комбината уже много лет идет на французский рынок. Постоянный персонал комбината, занимающийся переработкой улиток, насчитывает 20 человек. В сезон сбора дополнительно требуется 60–80 работников. Руководитель комбината в интервью газете «Жечпосполита» сообщает, что привлечь сезонных работников становится все труднее. Уже половина их — из Украины.

Е.Р.

Из книги «Привставшие с колен»*

Перевод Игоря Белова

ДВА СЛОВА

В начале были два слова. Позднее появилось одно слово. Страшно подумать, что будет дальше.

ВЫЙДЕМ НА ПАРУ СЛОВ

Выйдем на пару слов! (Это значит: разговор будет долгим). Разговор будет долгим, а уже время заканчивать. Нужно успеть вовремя.

ДРУГИЕ РАЙОНЫ

Ночью это другой город. Ночью дома здесь мрачнее и недоступнее. Кичливый модерн. Брожу, как во сне – кажется, это другая сторона Вислы. Быть может, я лежу рядом с тобой. Кто знает. Мигают оранжевые огни на переходах. Не поймешь: идти, не идти? Ночью ничего не понять.

КОМНАТА 416

Отель «Савой», суицидальная комната с видом на суицидальный двор. Турецкий сериал по ящику, турецкие любовные проблемы, эта brutальная Лодзь. Кто сказал, что мы останемся в этой комнате? Еще чего. Мы вернемся, но внутри у нас с этих пор всегда будет вечный сквозняк, открытые окна, развевающиеся занавески.

НИКТО В НАС

Никто в нас не верит, мы призраки в их стране, еле заметные фигуры, мелькающие в темных подворотнях. Зато мы верим всему, верим в каждую идею, верим даже рождественским поздравлениям президентской четы. Это разновидность азартной игры.

ИЗ ЭТИХ РАЗГОВОРОВ

Из этих разговоров они помнят только себя. Помнят свою правоту. Они всегда правы. Наступает, однако, момент, когда в пустых комнатах они нервно мнут бумажные салфетки, желая оказаться неправыми. Это мой мимолеетный триумф, удовлетворение, которого я не могу испытать, ибо вечно носит меня черт-те где.

А КОГДА

А когда я видел ее в последний раз, она стояла распятая на зимней ночной улице. Казалось, сколько еще будет этих распятий. Но она сошла с креста. Перекрасила волосы. Со знанием дела приходит туда, откуда я только что ушел. Ее мужик бросил пить. Она не передает мне приветы.

А КОГДА – 3

А когда я видел ее в последний раз, я видеть ее не хотел. Он сказала, что ей пора. Я и слышать ничего не хотел. Какое там пора. Я не пытался вникнуть в ее слова и обещал себе, что это «пора» никогда не настанет. И что, успокоилась? Не успокоилась, просто я больше ее не увижу, но она еще придет.

ТРИ

И указал на трех официанток. И сказал: «Вера. Надежда. Любовь». Они давно уже там не работают. Нынче уже и не вспомнишь, что к кому из них относилось.

ЖЕЛТЫЙ СВЕТ

Я даю тебе зеленый свет. Дай мне желтый.

ГОВИН^[1] ОДИН ДОМА

Это скверная идея. Того и гляди, из-под кровати начнут выползать философы-классики с пыльными бородами. И придется им без конца объяснять, что их концепции совершенно не годятся для Польши. А они будут материться и хохотать.

НОВЫЙ ПОГО

Спал я плохо. В этой стране, где все население с набожным умилением пользуется мобильными телефонами. Скоро младенцам начнут их дарить на крестины. Спал я плохо. В этой стране, где темноту разгоняет голубой свет, льющийся с телеэкранов. Они уже не разговаривают. Пялятся на фотки котиков. Это всё, что у них есть. Спал я плохо.

О, БОУИ

О, Боуи умер. Интересно, каково это – осознанно писать свои последние песни? Знать, что это – последние? Чувствовать эту тяжесть? Смывать многослойный, стародавний, потускневший грим? В случае чего, из суеверия, напишу сегодня первое стихотворение. Да.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я пишу его на чердаке, поближе к небу. Внизу лежит иней. Пластмассовые солдатики издают боевые кличи. Сражаются в этом инее с пауком, жужелицей и мухой. Победы им не видать.

Их миры не пересекаются. Но это там, внизу. Здесь пересекаются любые миры.

ЯНВАРЬ, БЕДНЫЙ РОДСТВЕННИК

Январь, бедный родственник прочих месяцев. Кости, позвонки, требуха. Блестки на краюхе хлеба. Тут не хватает еще одного предложения. Но его всегда не хватает.

ПРЕДЧУВСТВОВАТЕЛЬ

Он предчувствовал эту ночь и продолжает предчувствовать. Звуки аэробики из-за стены. Одинокий фейерверк спустя три недели после новогодней ночи. Безумная звуковая дорожка. Переезд в никуда.

РАЗЛАД

Порядок рухнет. Эта мимолетная эйфория была преждевременной, и самое место ей – в ряду сновидений. Порядок падет, главный бухгалтер решит, что это был беспорядок. Что это – преступление и сон. Ночью придут люди главного бухгалтера и все опечатают.

БЛЮЗ МАФУСАИЛА

Подходили и говорили: ты стареешь. Говорили это высокомерно и презрительно. Они уже состарились и умерли. Теперь их внуки приходят ко мне и заявляют, что я старею. А вскоре и они приходят перестанут.

ОДИННАДЦАТОГО ФЕВРАЛЯ

И это не дневничок, не записная книжечка и тому подобное дерьмо. Это стихи. У вас другое представление о стихах? Представляйте дальше, не хочу лезть в ваше воображение, там уныло и неудобно, представляйте себе, обижайтесь. Наступил пост. Постный четверг. Испорченные постные шалости.

ОЙ

Короче, чья фамилия настоящая? Говорят, есть один такой, румяный и светловолосый, как положено. Он бы пригодился, ой, пригодился бы в ваших рядах. Сто процентов чистой крови. Но ему не хочется играть в ваши игры.

У МЕНЯ

У меня на полу в кухне выжженный полукруглый след. Он был там еще до того, как я сюда въехал. Я забавляю себя рассказами о том, что могло здесь произойти. Скорее всего, дьявол присел тут на минутку, выжег на полу след, потом заскучал и ушел.

ВОЙНА

Война прощелыг с пройдохами, из-за которой начинается

война идиотов с кретинами. Раньше она велась втайне, теперь происходит открыто. Мне не нужны лозунги и собрания. Я марширую по потолку. Я одинок, меня легко сосчитать.

ПАРИКМАХЕРСКИЙ ДЖАЗ

Играет парикмахерский джаз. Он хочет, чтобы его воспринимали всерьез. Ему хотелось бы, чтобы в нем видели Валленрода или хотя бы «проклятого солдата»^[2]. Спутается со стилисткой одной стилистки, и они будут вместе мечтать о шикарной свадьбе и демократии.

НЕБОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Справа от подъезда, на углу улиц Божьего Тела и Дитла, есть дом, в котором в тридцатых годах прошлого века якобы было кафе, где собирались еврейские и польские художники, сегодня здесь армейский магазин, небольшие перемены.

ТРЕТЬЕГО МАЯ^[3]

Ибо есть пространства, где думается иначе. Вы не можете себе этого позволить. Свобода слова только для тех, кто не умеет говорить. Польский язык только для тех, кто его коверкает. Неизменно оскорбительный праздник.

ПОЛЬША 8

Пять утра, холодина. Яркие проявления субботнего оттяга на тротуарах. Свежие, пьяные, с голыми коленками. По две на одного чернокожего. Польша еще спит. Вчера она радостно митинговала против самой себя. Отвечала на вопросы избирателей в интернете. Она любит бигос и хорошее пиво, в последнее время почитывает Токарчук.

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

А с другой стороны, нет другой стороны. А из другой оперы, нет другой оперы. По обе стороны трещины одно и то же.

ОНЕМНЕНИЕ

Странно выглядит Краков в моем описании. Ни педиков, ни паломников, ни работяг, ни велосипедистов, ни настоящих поляков, только этот пустой Краков, нет такого Кракова, он меня опоясывает призрачными Плантами, не дает ни спуска, ни вина с хлебом вприкуску. В этой немоте, онемнении, имею мнение, что я существую.

*В оригинале книга носит название «Drobna zmiana», что дословно можно перевести как «Незначительные перемены». Для любого современного поляка очевидно, что название книги в шутливой форме отсылает к программному лозунгу

нынешнего польского правительства «Dobra zmiana» (то есть «Перемены к лучшему»), рассчитанного на обывателя, которому внушается мысль о скором национальном и политико-экономическом возрождении Польши. Чтобы сделать этот сюжет понятным современному русскому читателю, я отказался от дословного перевода и решил оттолкнуться от популярного российского выражения «Вставание с колен» — наверное, самого характерного для позднепутинской эпохи — Здесь и далее примеч. пер.

1. Ярослав Говин – вице-премьер и министр науки и высшего образования в нынешнем составе правительства Польши (с 2015 года).
2. Так в Польше называют участников вооруженного антикоммунистического подполья 1944-1953 годов.
3. 3-го мая Польша отмечает День Конституции 1791 года.

Привставшие с колен

Марцин Светлицкий. Фото: Анджей Пилиховский-Рагно

«Привставшие с колен»^[1] — название новой книги Марцина Светлицкого, словесная игра, отсылающая к лозунгу, призывающему «Встать с колен» — квинтэссенции политической программы правящих кругов. Собранные в книге короткие истории складываются на рассказ об одиночестве частного человека, пристально наблюдающего за окружающей его действительностью и не слишком настроенного шагать со всеми в ногу. Но в то же время эти заметки позиционированы автором как поэтические произведения: «И это не дневничок, не записная книжечка и тому подобное дерьмо». В самом деле, тут очевидна некоторая метаморфоза по сравнению с предыдущим творчеством автора, который разбивал свои тексты на поэтические строчки, о чем и идет речь в стихотворении «Ох»: «Ох, как бы это все. Прекрасно выглядело. Разбитое на строчки». Однако, разумеется, есть веские причины, по которым «все это» не было разбито на строчки.

Вся книга представляет из себя неделимое целое, при этом ее поэтическая структура, в отличие от сборников короткой прозы, в своей фрагментарной прерывистости парадоксальным образом сохраняет неуловимую, хотя одновременно и очень выразительную связность. В этом сборнике Светлицкий извлекает окончательные выводы из логики собственного высказывания. Вот, к примеру — в первом предложении открывающего книгу стихотворения «Два слова» читаем: «В начале были два слова». И действительно: название первого произведения — это два слова, но игра продолжается, поскольку мы тут же замечаем, что начало процитированного предложения состоит из двух слов. Это сильный зачин. Далее Светлицкий пишет: «Позднее появилось одно слово». Благодаря этому простой на первый взгляд мир начинает усложняться, тем более, что значение этого слова остается загадочным, таинственным, не до конца определенным — мы же помним, что «это стихи». Стихи эти описывают мир, в котором живет их герой: улицы и бары Кракова, инциденты во время концертного тура, прогулки с собакой (сучка — это важный персонаж, часто сопровождающий героя). Такое долгое путешествие позволяет автору сотворить собственный мир, пусть небезопасный, но хорошо знакомый и освоенный, мир, в пространство которого попадают слова из внешней ойкумены, как в стихотворении «Министр культуры и наследия рефлексировал». Появляются чужаки, «которые уверяют, что их ложь — это единственная правда». Важно, что поэт называет ложь ложью. При этом речь идет об очень разных подвидах лжи, автор не мечется с обвиняющим перстом и ни на кого конкретно не указывает. Лжи противопоставляется собственный язык, в котором возникают независимые, не позволяющие манипулировать собой слова, такие, как отглагольное существительное «предчувствование», то есть тот, кто занят предчувствиями и предугадыванием, или «видимок», занятый видимостью своего существования, «подзолнух» или «онемнение». «В этой немоте, онемнении, имею мнение, что я существую» — этот финал стихотворения «Онемнение» может стать благодарным объектом филологического разбора: от двусмысленности слова «mniemam» (я думаю, я есть) с «cogito ergo sum» Декарта до философской дилеммы «иметь или быть». Светлицкий очень убедительно — и прежде всего на художественно-поэтическом уровне, с необыкновенной, хотя и не выставленной напоказ речевой деликатностью — защищает суверенность и неприкаемость своего героя, его «неподсаживаемость»^[2]. Эти стихи — декларация несогласия с картиной мира, которую навязывают политики и идеологи самых разных направлений, одновременно разоблачающая

многочисленные политические мистификации. Мне кажется, перед нами одна из лучших поэтических книг последней четверти века, безжалостная в своих диагнозах, демонстрирующая удивительный художественный уровень, тонкую интертекстуальность, великолепную творческую дисциплину и интеллектуальную зрелость, благодаря которой стихописание становится чем-то большим, чем «только поэзией».

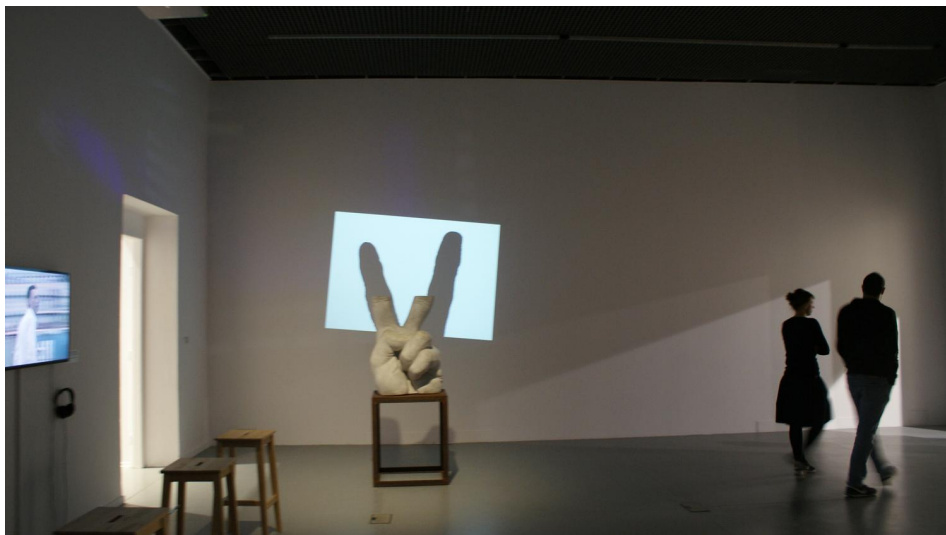
1. В оригинале — «Drobna zmiana» (дословно — незначительная перемена), отсылающая к лозунгу правящей партии «Dobra zmiana» (перемена к лучшему). — Примеч. пер.
2. Имеется в виду стихотворение Светлицкого «Nieprzysiadalność» («Неподсаживаемость») из книги «37 стихотворений о водке и сигаретах», лирический герой которого, сидя в баре, принципиально не желает подсаживаться за столики к другим людям, несмотря на многократные приглашения с их стороны.

Паулина Осмульская

Без/корыстное критическое искусство, без/критичное современное искусство

Кшиштоф Радзишевский «Часовня» (2017), инсталляция. Фото:" П. Осмульская

Кшиштоф М. Беднарский «Victoria-Victoria» (1981), скульптура из белого мрамора. Фото:" П. Осмульская

Иммунитет искусства

Обладает ли современное искусство особыми привилегиями, дарующими ему полную свободу? Может ли художник абсолютно свободно выражать свои взгляды через содержание

или форму произведения? Существует ли искусство неангажированное, хотя бы по отношению к самому себе? Служит ли оно власти или противостоит ей? Это лишь несколько вопросов, над которыми размышляли ведущие представители критического искусства и современные художники. Художник критикует общество и сам подвергается оценке со стороны последнего. Однако его влияние на формирование общественного сознания остается неотъемлемой чертой ангажированного искусства. Художники хотят, чтобы их голос был услышан обществом, а участие зрителя становится элементом произведения или воздействует на его содержание.

Критическое искусство, а также современное искусство периода после 2000 года не всегда находит признание в среде консерваторов. В ней ощущается тяга к эстетике прошлого. По-прежнему наблюдается противостояние между искусством ради искусства и искусством ангажированным. В наше время, эпоху Интернета, который вырабатывает в пользователях иммунитет к всякого рода прежде скандальным приемам, стратегия «эмоционального шантажа» сохраняет способность воздействия на консервативную среду, однако для большинства зрителей этого уже мало. Ни эпатирование общества, ни экзорцистские методы сегодня результата не дают.

«Черный орел»

Наш орел почернел, белое доминирует над красным, эпоха приобрела голубой цвет, а радуга вечно жива. Все, кажется, перевернулось с ног на голову. Однако это не реальность, а ее художественное воплощение, представленное в проекте, посвященном размышлениям над «поздней польскостью» на открывшейся 30.03.2017 г. выставке «Поздняя польскость. Формы национальной идентичности после 1989 г.» В проекте приняло участие более восьмидесяти художников — как современных, так и культовых представителей критического искусства: более сотни работ и проектов представителей визуального искусства, театра и кино заняли целый этаж Уяздовского замка (Центр современного искусства в Варшаве). Обратившись к проблеме поисков национальной идентичности, кураторы выставки воспользовались принадлежащей Томашу Козаку формулой «поздняя польскость». Речь идет об образе Польши эпохи так называемой поздней современности, т.е. после 1989 года, когда наша страна столкнулась с глобальной реальностью, о польскости, претерпевающей разнообразные модификации. Как утверждают авторы выставки, это «польскость, которой тесно в рамках прежних форм и которая поэтому примеряет к себе

новые, не будучи при этом уверена, что сохранит в них ощущение собственной идентичности»^[1]. Кураторы задаются вопросом: какой облик принимает сегодня опыт польскости, в каких он воплощается символах, образах, фигурах и нарративах, к каким художественным поискам ведет.

Кураторы выставки делают акцент на воплощение польских национальных символов, что может вызвать протест как у отдельных граждан, так и у различных политических группировок. Шокирующий «Черный орел» Гжегожа Клямана, одного из ведущих представителей польского критического искусства — работа 2015 года, представляющая герб, ключевой элемент национального этоса, традиционная колористика которого изменена. Быть может, это негатив, быть может, герб обуглен. Зрителя потрясает не только цветовая трансформация: деформации подвергся и сам облик орла, который производит впечатление неустойчивости, текучести, порождая соответствующие ассоциации с образом польского государства. Использование национальной символики в искусстве не раз вызывало скандалы. Это связано с исторической политикой (в широком понимании), направленной на формирование исторического и национального сознания граждан, учреждением в 2004 году Дня флага Речи Посполитой или введением в 2006 году партией «Право и справедливость» школьного предмета «патриотическое воспитание». По мнению Якуба Домбровского, в контексте идей исторической политики, «целью которой является не столько формирование патриотически-национальной мифологии, сколько ее интерпретация, поиск пропущенных (сознательно или нет) звеньев, а также стремление к критической метаисторической рефлексии [...], такие произведения могут, конечно, столкнуться с большим или меньшим осуждением»^[2].

Гвоздем выставки «Поздняя польскость» является инсталляция «Эпоха голубого», отсылающая к утопической идее примирения противоречий и своеобразного «умиротворения». Мысль почерпнута из размышлений Василия Кандинского о теории цвета, согласно которой голубой связан с покоем и переживанием живописной тишины. Термин и одновременно название работы Якуба Войнаровского и Якуба Скочека «Эпоха голубого» однозначно отсылает к текущей политической ситуации в Польше. На стене у входа в эту «Часовню голубого» дано следующее объяснение: «Согласно данной идее, инсталляция “Эпоха Голубого” отсылает к утопической идее умиротворения и гармонии двух крайностей: традиционалистского и прогрессивного дискурса

польскости». Пространство кубической инсталляции наполнено голубым светом. Можно также обнаружить в этом аллюзию с библейскими словами и идеей «Нового Иерусалима», а также с перформансом Варпеховского «Рог памяти», создающим голубое «трансцендентное пространство». Упомянутые работы — лишь небольшая часть художественных воплощений «поздней польскости». А как быть с периодом «ранней польскости»? Можно ли считать, что «ранняя польскость» связана исключительно с формой критического искусства? Это не совсем так. Если верить кураторам выставки, польское критическое искусство является интегральной частью «поздней польскости». Является ли представленная художниками польскость подлинной? Свободен ли представленный образ от политики и был ли он таковым ранее?

Искусство вечно ангажированное

Польское критическое искусство не удовлетворилось ликвидацией цензуры и обретением свободы художественного высказывания в 1989 году. Первые выставки критических художников появились уже через несколько лет. В 1993 году открылись «Идеи вне идеологии», в 1995 — незабываемые «Антитела». Можно сказать, что это время стало для художников периодом формирования их концепции текущей политической ситуации, периодом поиска перспективы. Это эпоха общественно-культурных, экономических и экономически-политических преобразований в Польше. Данные явления и определили тенденции и проблематику художественного творчества представителей критического искусства. Авторы, о которых идет речь, не только откликались на сложившуюся ситуацию, но и показывали ее культурные последствия, обращаясь к темам, связанным с религией, телом, властью, рынком искусства, политикой. Критическое искусство стало областью пересечения самых разных дискурсов. Излюбленным мотивом оказалось тело, которое, будучи использованным в качестве средства коммуникации, эмоционально воздействует на зрителя.

В девяностые годы критическое искусство создавала группа объединившихся художников — Катажина Козыра, Павел Альтхамер, Збигнев Либера, Алиция Жебровская, Артур Жмиевский, Роберт Румус и другие. Эти авторы, весьма известные и по сей день активно работающие, наиболее полно отражали проблемы польской реальности. Благодаря им искусство стало коррелировать с обществом, нередко решаясь на эксперимент — наблюдая за реальной жизнью или даже непосредственно участвуя в ней. Однако с годами творчество этих художников претерпело значительную эволюцию. Каждый пошел своей дорогой, разрабатывая свою

проблематику, однако мотивы их нередко соприкасались. После перемен 1989 года одной из главных тем, затрагиваемых критическим искусством, стал экономико-политический дискурс. Это связано с конституционными изменениями, произошедшими после формирования новой политической власти. Факторы, воздействующие на вышеупомянутый дискурс — плюрализация и демократизация политической жизни, капитализация экономики и либерализация мировоззрения. Это относится как к происходящему в Польше в целом, так и к конкретным вопросам, с которыми сталкивается конкретный поляк — реформам, инфляции, приватизации.

Одна из функций критического искусства — задавать вопросы, а главный инструмент — дискурс, в том числе политический. С его помощью совершается осмысление ситуации с точки зрения экономической и политической, анализ институциональной формы смыслов. Нередко он демонстрирует соотношение власти и информации.

Политический дискурс можно рассмотреть на примере работ, связанных с фигурой Леха Валенсы. Скульптура Гжегожа Клямана 2010 года, которая носит название «Прозрачный», изображает Валенсу. Выполненная из прозрачного пластика, работа озарена ультрафиолетовым светом, создающим впечатление, будто лежащая под ногами Валенсы материя излучает сияние. Прозрачность пластика в сочетании с мерцающим светом производит впечатление нереальности, нематериальности фигуры, которая при этом отсылает к соцреалистическому канону. Скульптура была создана в начальный период обвинений лидера «Солидарности» Леха Валенсы в сотрудничестве с госбезопасностью. Тема, к которой художник обратился в 2010 году, вновь возникла — как политический аспект, а также мотив художественных размышлений — в его работе 2016 года под названием «Вот голова предателя». Установленная на растянутой в зале сети резиновая копия головы Леха Валенсы с торчащими из нее электрическими проводами — художественный образ, отсылающий к продолжающемуся в настоящее время спору, цель которого — дать оценку прошлому Валенсы, решить, кто он — герой или предатель.

Критическое искусство часто указывает на контрасты, выступающие в различных областях реальности, точки напряжения, такие, например, как открытость западной культуре vs постсоциалистическая реальность.

Результатом смены строя в Польше стало — после долгого периода дефицита — массовое потребление услуг и товаров, что породило сосредоточенность на заботе о собственном «я» и деформировало отношения между людьми.

Мы наблюдаем изменения в области смыслов, феномен, описанный Петром Штомпой как социологическая категория нравственной связи, характерной чертой которой является атрофия, заключающаяся в распространении культуры цинизма как антитезы доверия, культуры манипуляции как антитезы лояльности и культуры равнодушия как антитезы солидарности^[3] Разумеется, подобная атрофия нравственных связей не могла не найти отражения в критическом искусстве. Культура потребительства — это также изменения, которые претерпел визуальный код, определяющийся в первую очередь рекламой, столь эмоционально воздействующей на потребителя, а также новая роль СМИ — сначала телевидения, а теперь Интернета. Критика реальности обращала внимание зрителя на существующие конфликты, подчеркивая плюрализм, отход от «единственно верных» принципов, апологию разнородности, релятивизма, децентрализации. Это не могло не вызывать скептической реакции и упреков в разрушении аксиологической гармонии. После обретения Польшей свободы эти изменения бросили искусству новый вызов.

Проблема с интерпретацией

В чем заключается сложность восприятия ангажированного искусства? Как раз в его «ангажированности» в сложные темы, в обращении к явлениям неочевидным, нарушении кодов, ценностей, закономерностей нашего поведения. Творчество светское, дистанцирующееся от Церкви и лишенное национального пафоса публика не всегда приемлет. В настоящее время очень часто слышишь: «Я не понимаю современное искусство» или «Искусство должно быть красивым, а не странным». Сегодняшние сложности с восприятием ангажированного искусства, подобные тем, которые наблюдались ранее с пониманием критического искусства, зачастую связаны с тем, что оно оперирует многозначными образами, порой недоступными интерпретации специалистов из других областей. Нередко интерпретация произведений искусства носит исключительно эстетический характер. Исходя из множественности интерпретаций, художники начинают упрекать в том, что произведение его неуместно, однако, по словам философа Яна Собы, искусство не изображает события, но само является событием, причем по природе своей многозначным, а следовательно — художник не может полностью контролировать смыслы своего произведения, которое зритель порой ассоциирует с совершенно иными ценностями, нежели было задумано. Чтобы искусство воздействовало на общество, необходим четкий, однозначный месседж, что свело бы

искусство к обычной публицистике. Навязывание произведению одного единственно верного значения равнозначно его уничтожению^[4] Искусство не обладает четкой методологией, его невозможно объять набором правил, оно обычно не способствует накоплению знаний, в отличие от науки, а, напротив, склонно их использовать. Будоража публику, оно ставит вопросы и дает ответы. По мнению Яна Соуы, ангажированный художник — подобно гражданину — обязан высказывать свое мнение по значимым проблемам современности, а его творчество зачастую дает гораздо больший эффект, нежели использование автора в сугубо политических целях.

Артур Жмиевский в опубликованном в № 11/12 журнала «Крытыка политычна» манифесте «Прикладное общественное искусство» также говорит об общественной ангажированности искусства, его влиянии на картину общественной жизни посредством выведения зрителя из зоны комфорта, принуждения его к тщетным поискам ответа. Актер также отмечает, что искусство постоянно соглашается и постоянно отказывается служить власти. Однако само по себе искусство не освобождает, а свободным может быть лишь тогда, когда отвергает навязываемый властью дискурс и одномерное мировосприятие. Скандалы вокруг критического искусства могут свидетельствовать о том, что публика не понимает устремлений, которыми руководствуются художники. Многие предсказывали быстрое истощение критического искусства. Но стоит заметить, что ангажированное искусство по-прежнему живо, доказательство чему — экспозиция, о которой идет речь. Можно заметить изменение средств выражения, порой затрагиваемых тем, что говорит об определенной модальности критического искусства, но отнюдь не о ее смерти или молчании.

Важной проблемой являются также условия и обстоятельства создания искусства. На них влияет, в частности, политическая ситуация в том или ином государстве. На общество способно оказывать значительное — в том числе провокационное — воздействие любое искусство, не только критическое. Критическое искусство ведет определенную игру с действительностью при помощи порожденных воображением элементов. Политическое звучание критического искусства чаще всего демонстрирует или гиперболизирует абсурд и парадоксы событий современности. Проблемы, затрагиваемые при помощи жестких и даже шокирующих средств, разрушают схематизм мышления зрителя. Примером может служить созданная в 2004 году скульптура Анны Баумгарт «Бомбардирша». Она представляет собой отлитое из силикона

тело женщины в натуральную величину, на позднем сроке беременности, в узкой юбке на бедрах. Лицо закрывает маска свиньи, бедра выставлены вперед, на них красный фартук, который в сочетании с белизной тела отсылает к национальной идентичности героини. Это полька, отождествляемая со стереотипом матери, понимаемым согласно патриархальному стереотипу женственности. Маска свиньи, ассоциирующаяся с древними масками животных, символизирует силу, плодовитость, осознание женщиной своей способности противостоять общественным стереотипам. Название — «Бомбардирша» — возможно, отсылает к Полонии, аллегории государства, воплощенного в фигуре женщины-матери в образе воительницы. Произведение говорит о нетрадиционном взгляде на польскость.

Цвета радуги

Отличительной чертой любой демократии является или должна являться власть, осуществляемая гражданами. На протяжении многих лет культурная, общественная и политическая жизнь в Польше была связана с конфликтом между левыми и правыми. Эта «баталия» ведется на многих фронтах, часто заключается в попытках предать противника забвению или опорочить. Такая борьба может быть нечистоплотной, бесчестной, уподобляться изощренной игре, принимать форму яркого политического шоу, затрагивающего чувствительные струны крайних эмоций. Она акцентирует мировоззренческие контрасты, заставляя сталкиваться современное и традиционное, либеральное и социальное, светское и религиозное или космополитическое и патриотическое. Позиция конкретного гражданина формируется в контексте политических перипетий. Эстетика, которую он исповедует, зависит от избранной идеологии, предпочитаемой парадигмы. Она может ограничиваться рамками радикально правых взглядов, опирающихся на консервативное мировоззрение; на противоположном полюсе оказывается позиция левых, либеральных, анархических кругов или сексуальных меньшинств. Может иметь место также центристская позиция, черпающая как из одного источника, так и из другого, и выбирающая то, что полагает верным в данный момент. Такие споры и конфликты формируют общественную жизнь Польши. Не станем оценивать эти позиции с точки зрения этики, однако заявленная ими эстетика оставляет желать лучшего. Темой, которая часто вызывает политические споры, многократно затрагивается СМИ, отрицается консервативными кругами и воплощается в искусстве, является гомосексуальность. Декларируемые гомосексуальной

средой принципы вызывают протест у общества, большинства правых политиков и Церкви. Обращение к тому, что лежит в основе человеческой личности — проблемам любви и эротике — оказывается и опытом искусства. Творчество польских художниц после 2000 года выражает как раз политические и психологические тенденции современной интернализованной демократии. Иллюзию демократии очень легко нарушить, если затронуть неудобную тему. Это моментально трактуется как нарушение фундаментальных демократических принципов посредством, к примеру, отдания предпочтения интересам сексуальных меньшинств. Такое искусство, особенно если оно функционирует в публичном пространстве, зритель зачастую отвергает. Примером может служить работа Павла Лешковича под названием «Пусть нас увидят», являющаяся одновременно публичным искусством и политическим актом. Фотопроект — изображение тридцати гомосексуальных пар на рекламных щитах — был осуществлен в 2003 году как воплощение идеи: «Видеть и быть увиденным — вот основа того, чтобы быть гражданином»^[5]. Экспозиция не избежала критики со стороны местных властей, работы портили неизвестные вандалы и были в результате перенесены в галерею. Целью кампании являлось изменение стереотипов мышления и демонстрация инакости, сопутствующей нам в повседневной жизни. Такое искусство публика отвергла.

В последнее время множество копий было сломано в «споре о радуге». Неоднократно сжигавшаяся радужная инсталляция Юлиты Вуйчик на площади Спасителя в Варшаве стала частью экспозиции в Варшавском центре современного искусства в рамках выставки «Поздняя польскость».

Религия vs политика

Критическое искусство анализирует субъект и его зависимость от власти или воздействие на нее. Уже многие годы вызывает споры обращение к темам, связанным с религией, а также использование в произведениях религиозных символов. Достаточно вспомнить известный процесс против Дороты Незнальской в связи с фильмом «Страсть», где в контексте видео, запечатлевшего тренировку мужчины в тренажерном зале, в кадре появляется висящий на цепочке металлический крест, в центре которого мы видим изображение мужских гениталий. Многие зрители сочли фильм оскорблением Католической церкви, художнице был вынесен обвинительный приговор.

Темы, связанные с религией, необязательно затрагиваются столь жестко и эпатажно. Примером является

представленный на выставке «Поздняя польскость. Формы национальной идентичности после 1989 г.» художественно-исследовательский проект под названием «Риза польских грехов». Лукаш Суровец демонстрирует зрителю оклад иконы Ченстоховской Божьей Матери. В восточной иконографии украшенные драгоценными металлами оклады обрамляли образы Богоматери. Работа художника — уже десятый оклад для иконы из Ясногорского монастыря. Риза Лукаша Суровца призвана собрать польские грехи или то, чего мы как поляки стыдимся. Список грехов художник составлял, путешествуя по Польше и опрашивая людей, а затем изготовил из анкет оклад. Искусство без/корыстное

Невозможно изменить восприятие искусства зрителем. Бессильны дидактика, попытки разъяснить суть творчества. По словам Марека Краевского, «проблема не только в безграмотности в области истории искусства и непонимании его языка: существует также гораздо более глубокая проблема отличия и конфликта доминирующей эстетики от того, что предлагает искусство»^[6]. Искусство, особенно критическое, нередко нарушает границы. Это вызывает протест зрителя, не только невосприимчивого к искусству или ксенофоба, но также неуверенного в собственном «я», не чувствующего себя в безопасности. Демонстрация дисгармонии в гармоничном мире и гиперболизация того, о чем должно молчать, рождает внутренний конфликт, нередко подталкивающий публику к явному протесту.

В контексте сегодняшней политической ситуации искусство обречено на поражение, что показывает работа Ядвиги Савицкой «Горькие левые, сладкие правые». Участие в общественной и политической жизни порождает множество эмоций, и у каждой стороны имеются здесь свои аргументы, в зависимости от взглядов. Могут и правые оказаться горькими, а левые — приторно-сладкими.

Художник свободен высказывать собственное мнение, однако вступая вместе со своим произведением в публичное пространство, он нередко оказывается подвергнут несправедливой оценке, неся полную ответственность за характер своей работы, вне зависимости от того, верно или неверно интерпретируется его замысел. Нет никаких четких правил — что можно выставлять, а чего нельзя: решение о допустимости той или иной экспозиции принимает организация, которая ее размещает. Она определяет, что будет показано, а СМИ, нередко под влиянием той или иной политической фракции, определяет, что будет замечено^[7].

Современное искусство должно быть многогранным.
Бескорыстное ангажированное искусство является прекрасным показателем свободы. Оно призвано открывать мышление неизвестному.

1. U-jazdowski, Późna polskość, Formy narodowej tożsamości po 1989 r., Centrum Sztuki Współczesnej Zamek Ujazdowski, Warszawa 2017.
2. J. Dąbrowski, Cenzura w sztuce polskiej po 1989 r., Warszawa 2014, s. 404.
3. P. Sztompka, Kulturowe inponderabilia szybkich zmian społecznych: zaufanie, lojalność, solida [w:] Inponderabilia wielkiej zmiany, s. 271.
4. J. Sowa, Stosowane sztuki społeczne: od syulakrum do aktywizmu (i z powrotem?), „Obieg” 23.02.2007.
5. L. Olszewski, Polis: widzieć i być widzianym [w:] Sztuka w mieście. Zewnętrzna Galeria AMS 1998–2002, katalog wystawowy, 2003, s. 11.
6. U-jazdowski, Późna polskość, Formy narodowej tożsamości po 1989r., Centrum Sztuki Współczesnej Zamek Ujazdowski, Warszawa 2017, s. 31.
7. M.Krajewski, Estetyka podobieństwa. Sztuka wobec trwałości gustów, [w:] Nowe zjawiska w sztuce polskiej po 2000 r., red. G. Borkowski, A. Mazur, M. Branicka, Warszawa 2007, s. 30–31.

Культурная хроника

Как и каждую весну, с 18 по 21 мая проходила Варшавская книжная ярмарка, самое крупное в Польше международное событие такого рода. Традиционную формулу «Варшавскую книжную ярмарку объявляю открытой» произнесла Ханна Кралль, ставшая в нынешнем году лауреатом почетной премии Варшавской ярмарки «Икар». Автор знаменитой книги «Опередить Господа Бога» была отмечена жюри за «умение раскрыть тайны человеческой судьбы».

На Национальном стадионе собралось около 800 экспонентов из 32 стран, 1000 литераторов, было подготовлено 1500 мероприятий — встреч с авторами, дискуссий, конференций, развлечений для детей. Почетным гостем VIII ярмарки была Германия, а в торжественном открытии немецкого стенда приняли участие президенты Федеративной Республики Германии и Республики Польша Франк-Вальтер Штайнмайер и Анджей Дуда. Из Германии в Варшаву прибыло одиннадцать автобусов. Среди гостей — немецкий лауреат Нобелевской премии по литературе Герта Мюллер. Не подвела и публика: павильоны ярмарки приняли около 75 тыс. посетителей.

Во время ярмарки мы узнали имя лауреата 2016 г. премии им. Рышарда Капуцинского, присуждаемой за литературный репортаж. Им стал родившийся в Кентербери в англо-индийской семье Рана Дасгупта, автор книги «Дели. Столица из золота и сна». Как написано в решении жюри под председательством Ольги Станиславской: «В панорамном репортаже-эссе, питаемом великой традицией реалистического романа, Рана Дасгупта осуществляет мастерскую вивисекцию индийской метрополии в мире глобального капитализма». Созданный автором портрет города одновременно увлекает и ужасает. Дели показывается в момент стремительной трансформации, в движении к глобальному капитализму. Цена за это хаотичное развитие — эскалация насилия (особенно в отношении женщин), коррупция, углубляющееся социальное неравенство, распад межчеловеческих связей. И все это на фоне медленного умирания древней культуры и уничтоженного пейзажа. В гигантском мегаполисе расплачиваться приходится всем: и сказочно богатым представителям новых элит, и обитателям

трущоб. А надежд на возврат к прошлому, предупреждает автор, нет никаких.

По традиции суббота на ярмарке — День репортажа. Прошли встречи с финалистами присуждавшей в восьмой раз премии им. Рышарда Капуцинского, на которых присутствовали Мартин Капаррос, автор «Голода», Эд Вульям, номинированный за книгу «Война умерла — да здравствует война. Боснийские счеты», Цезарий Лазаревич, автор расследования «Чтобы не было следов. Дело Гжегожа Пшемька», и Анета Прымака-Онишк, автор репортажа «Исход 1915. Забытые беженцы». На следующий день лауреат премии, Рана Дасгупта, рассказал о своей книге «Дели. Столица из золота и сна» в Доме встреч с историей.

Бурные эмоции вызывает традиционно состоявшееся в ходе Варшавской международной книжной ярмарки оглашение номинаций на литературные премии. На премию «Нике», главную литературную награду в Польше, могут надеяться двадцать авторов. Большая часть номинаций — поэзия (семь книг), кроме того — пять романов и по четыре книги эссе и репортажей. Среди авторов оказались как многоопытные писатели, так и начинающие. Литературная премия «Гдыня» представила своих номинантов в четырех категориях: эссеистика, поэзия, проза, перевод на польский язык. Решение будет сообщено осенью. Премия «Грифия», учрежденная газетой «Курьер щецинский», предназначена только для женщин-литераторов. На нее выдвинуто пять авторов, имя лауреата мы узнаем 1 июля.

В «Старом театре» им. Хелены Моджеевской в Кракове — тревожно. Конкурсная комиссия решила, что Яна Кляту, прежнего директора, заменит театральный критик Марек Микос и Михал Гелета, оперный и театральный режиссер, работавший в основном в Великобритании. Клята проиграл конкурс, и это обеспокоило актерский коллектив. Что такое решение было predetermined, пишет Петр Мухарский в газете «Тыгодник повшехны»: «Как можно было судить по составу конкурсной комиссии, принимающей решение о выборе директора „Старого“, нового директора не просто выбирали, искали конкретно кого-то „вместо Кляты“». Мухарский заканчивает свой текст в минорном тоне: «Министерство и комиссия убили „Старый театр“». Министр культуры Петр Глинский в беседе с труппой театра заявил: «Я должен поступить в соответствии с рекомендациями конкурсной комиссии, и скорее всего, так и сделаю». Похоже, решение уже принято.

Тем временем 20 мая в Кракове прошла манифестация под лозунгом «Это еще не конец», организованная группой из ста человек, называющей себя зрителями „Старого театра” в Кракове. «Посредством манифестации, — заявляли организаторы, — мы хотим выразить свои опасения и беспокойство в связи с запланированными переменами, которые должны произойти на одной из главных польских театральных сцен. По нашему мнению, „Старый театр” в период руководства Яна Кляты был театром с позицией, многоголосным, затрагивающим важные, часто общечеловеческие темы, а выбор репертуара был своего рода приключением — дерзким, неповторимым и мудрым». Ян Клята, срок полномочий которого завершается в конце августа, был назначен на пост директора в 2013 году тогдашним министром культуры Богданом Здроевским.

В такой неблагоприятной атмосфере «Старый театр» представил 12 мая премьеру «Свадьбы» Станислава Выспянского в постановке Яна Кляты. Как пишут критики, «Свадьба» превратилась в поминки. Прощальный (по всей вероятности) спектакль оценивают очень высоко. «В конце своего директорского срока, — пишет Яцек Вакар на портале e-teatr, — Ян Клята дал в краковском Национальном „Старом театре” свой лучший за многие годы спектакль, выдерживающий сравнение даже с его выдающимся „Делом Дантона” в „Театре польском” во Вроцлаве. „Свадьба” в постановке Кляты поражает поэзией и ясностью, рассказывая с заостренной иронией о мире непреодолимых различий, о ярости, нагнетаемой группой блэк-метал «Фурия», музыканты которой все время присутствуют на сцене словно Хохолы, фантастические персонажи пьесы. (...) В „Свадьбе” Яна Кляты все кружится в бешеном ритме, а герои напоминают ожившие трупы, раз за разом целясь друг в друга переделанными из кос пиками. Можно из этого извлечь горький вывод, что построение общности на развалинах старого порядка всегда обречено на неудачу». Зрители приняли спектакль овацией.

В тот же день премьеру представил и столичный театр «Повшехны». Режиссер Кшиштоф Гарбачевский обратился к роману «Мужики» Владислава Реймонта, нобелевского лауреата 1924 года. Реймонт представляет жизнь сельской общины конца XIX века. «Сегодня эта (часто недооцениваемая) книга — не только интересная, почти этнографическая фиксация прошлого, но и указание на корни нашей ментальности и взаимоотношений», — заявляют авторы спектакля. По мнению режиссера, элементы крестьянского

мира все еще живы — в том, например, как ведет себя польский средний класс. Рецензенты отмечают не только замечательную игру актерского состава, но и оригинальность сценографического решения. Так, на сцене вместо традиционных крестьянских изб появляются металлические конструкции, «пустые, лишенные стен остовы коконов». Используется камера, которая подсматривает за героями в интимных сценах, а в роли домашних животных выступают актеры и роботы. Майк Урбаняк свою рецензию в театральном блоге озаглавил «Мужики из космоса». «В самом деле, — пишет он, — трудно поверить, что Кшиштоф Гарбачевский сделал с „Мужиками” то, что он сделал. Что происходит в голове у человека, который столь безумным и вместе с тем блистательным образом поставил на сцене роман нашего литературного лауреата Нобеля, остается неразгаданной тайной. Понятно, однако, то, что у театра „Повшехны” появился очередной хит, что „Повшехны” не собирается уступать театру „Студио” пальму первенства в состязании за самую „горячую” сцену Варшавы, а также то, что не одна учительница польского языка и литературы может на „Мужиках” Гарбачевского получить инфаркт».

Объединение «Кузница», в котором состоят левые интеллектуалы, артисты и политики, присудило свою премию «Наковальня Кузницы» писателю Юзефу Хену «в признание его выдающихся литературных и личных заслуг в деле распространения гуманистического и рационального мышления о Польше». Лауреат получил премию 26 апреля в варшавском «Клубе книжника».

27 апреля во время торжественной церемонии в варшавском театре «Студио» были вручены литературные премии Столичного города Варшавы. Специальную премию для варшавского автора за совокупность творчества получила Ханна Краль — икона польского репортажа, автор таких, в частности, книг, как «Опередить Господа Бога», «На восток от Арбата», «Там нет уже никакой реки», «Белая Мария». Писательница поднимала темы огромной жанровой нагрузки, описывая судьбы людей, которых коснулась жестокость истории — Холокост, сталинизм, коммунистические преступления. Прежде всего, однако, вслушивалась в голоса уцелевших в Катастрофе.

Жюри варшавской премии под председательством Януша Джевуцкого, оценивая вышедшие в прошлом году книги, отметило четырех писателей и художницу-иллюстратора. В категории «проза» лауреатом стал Станислав Александр Новак,

автор книги «Галичане» о нескольких поколениях жителей подкарпатского села, переживших большие исторические события. В категории «поэзия» отмечен Ежи Кронхольд за сборник «Прыжок вдаль» о скорби и ощущении потери после смерти близкого человека. Лауреатами в категории литературы для детей признаны Марцин Щигельский и иллюстратор Магда Восик за книгу «Проклятье девятого дня рождения», рассказывающую о восстановлении столицы после войны. Победителем в категории «варшавское издание» признан Гжегож Пёнтек, автор биографии Стефана Стажинского, опубликованной под названием «Санатор».

Лауреатом познанской литературной премии им. Адама Мицкевича стал Тадеуш Славек — поэт, переводчик, эссеист, литературовед, связанный с Силезским университетом. Премию-стипендию им. Станислава Баранчака для литераторов моложе 35 лет получила Малгожата Лебда — поэт, кандидат гуманитарных наук, автор четырех поэтических сборников.

В нынешнем году в Международном фестивале «Дни церковной музыки в Хайнувке» приняли участие хоры и вокальные ансамбли из Польши, Беларуси, России, Украины, Грузии и Румынии. Гран-при получил мужской хор «Metropolita Joseph Naniescu» из румынского города Яссы.

С 19 мая «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи, один из лучших портретов в мировой живописи и самую ценную картину в польских собраниях, можно увидеть в главном здании Национального музея в Кракове. Ранее, с мая 2012 года, произведение показывали в Вавеле. Через два года — по окончании ремонта — картина вернется во Дворец князей Чарторыйских. В настоящее время картина демонстрируется в несколько большем, чем в Вавеле, помещении, но, как и раньше, зрители останутся один на один с шедевром Леонардо да Винчи. «Дама» помещена в двойную раму и в специальную кассету, которая предохраняет картину, в частности, от колебаний влажности. В зал могут одновременно входить максимально 28 посетителей. Проводится предварительная запись, среди заинтересованных иностранных туристов первое место по численности занимают японцы.

Прощания

20 апреля в Варшаве в возрасте 86 лет умерла Магдалена Абаканович — знаменитый польский скульптор. Она принадлежала к узкой группе лидеров мирового художественного творчества XX века. Ее именем открываются

все энциклопедии современного искусства, а ее монументальные произведения вызывают всеобщее восхищение. Магдалена Абаканович (р. 1930) в 50-е годы окончила Варшавскую академию изящных искусств и Сопотскую государственную высшую школу изобразительного искусства. Мировая слава пришла к художнице в 1965 году в Сан-Паулу, где Абаканович показала мягкие скульптурные формы из тонированного сизаля, которые по ее фамилии получили название абаканы. Художница революционизировала мировое искусство текстиля. Репутацию скульптора укрепили работы 70-х годов, выполненные из конопляных канатов и шпалерного полотна, пропитанных смолой. Всегда множественность — орды, толпы, стада... В 1980 году на Бьеннале в Венеции показала «Эмбриологию», составленную из нескольких десятков яйцевидных набухших мягких глыб. Абаканович — автор многих пространственных композиций под открытым небом, установленных, в частности, в Италии, Израиле, Германии, США, Южной Корее. В Польше — в парке познанской Цитадели («Неопознанные», 2002): более ста двухметровых фигур из чугуна, а также в Варшаве в парке Траугутта («Перепутье 2010»). «Она была одним из главных столпов польского искусства и культуры последнего пятидесятилетия, — писал о Магдалене Абаканович Петр Сажинский. — Необычная, особая, художница-интеллектуалка — открытая миру, а одновременно глубоко погруженная в польскую традицию».

22 апреля в Варшаве умер любимец публики — актер кино и театра Витольд Пыркош, которого называли «королем польского сериала». Огромную популярность принесла ему роль разбойника Ендруся Пыздры в сериале «Яносик» (1974). Незабываемые роли актер сыграл также в фильме «Альтернативы 4» Станислава Барей и в комедиях Юлиуша Махульского «Ва-банк», «Ва-банк 2, или Ответный удар», «Кингсайз», «Киллер 2». С 2000 года постоянно выступал в телевизионном сериале «„Л“, то есть любовь». Витольду Пыркошу было 90 лет.

25 апреля в Варшаве в возрасте 69 лет умер Здзислав Петрасик, кинокритик, театральный рецензент и публицист, многолетний руководитель отдела культуры еженедельника «Политика». В 1987 году он был награжден Золотым крестом за заслуги, а в 2005-м — серебряной медалью за заслуги перед искусством «Gloria Artis». В 2011 году отмечен Кавалерским крестом ордена Возрождения Польши. В течение многих лет Здзислав Петрасик состоял в Союзе польских

кинематографистов, как подчеркивают его коллеги, польское кино «в его лице всегда имело верного союзника».

27 апреля в Варшаве умер Мечислав Гайда, актер театра и кино, связанный с Театром Польского радио. Снимался во многих фильмах, таких, например, как «Скандал из-за Баси», «Общая комната», «Путешествие пана Кляксы». Многие годы занимался озвучиванием. Его голосом говорили герои любимых детских мультфильмов. Актеру было 85 лет.

28 апреля в Варшаве в возрасте 91 года умер Анджей Беньковский — сатирик, поэт, публицист, известный под псевдонимом Анджей Румян. Участник Варшавского восстания, он после войны возобновил довоенную радиопередачу «Вечер у микрофона», пользовавшуюся огромной любовью слушателей. Беньковский вел там цикл «Новости страны и мира», в которой пародировал официальную информацию пропаганды ПНР.

1 мая в Прушкове под Варшавой умер Томаш Бурек, выдающийся литературный критик, эссеист, историк литературы, многолетний сотрудник Института литературных исследований Польской академии наук и сотрудник Польского радио. Ему было 79 лет. В годы ПНР — активный деятель демократической оппозиции и «Солидарности», сотрудник подпольных изданий. Был автором таких книг, как «Вместо романа» (1971), «Какая история литературы нам нужна» (1979), «Никаких мечтаний» (1987), «Ничье дело» (2001), «Карантинный дневник» (2001), «Непростительные сантименты» (2011). Участвовал в политической деятельности, состоял в комитете поддержки Ярослава Качинского на президентских выборах 2010 года и Анджея Дуды в 2015 году. Томаш Бурек бал посмертно награжден президентом Анджеем Дудой Командорским крестом со звездой ордена Возрождения Польши за выдающиеся заслуги в развитии польской культуры, за достижения в научной работе и деятельности в пользу популяризации отечественной литературы.

Насколько Конрад был Коженевским?

Встречи с Конрадом (6)

Пристальное внимание к читательским стратегиям не должно принимать форму идолопоклонничества по отношению к читателю как истине в последней инстанции. Особенно, если ожидания читателя расходятся с его компетентностью. Статьи и опубликованные заметки Вацлава Борового о прозе Конрада наводят на размышления двоякого плана. Этот выдающийся польский литературовед преданно читал Конрада, в оккупированной Варшаве вел тайные семинары, участники которых обсуждали его романы. Во-первых, Боровый защищал Конрада от манипуляций в рамках польского патриотического дискурса. Твердил, что Конрада стоит и следует читать не только потому, что он поляк, потомок повстанцев, наследник этоса борьбы за независимость любой ценой, включая собственную жизнь. Таким образом, Боровый исподволь раскрывал суть литературного процесса: причина популярности произведений — не в происхождении их создателей (во всяком случае, такое случается редко). Конрад завоевал славу в Польше и за рубежом не потому, что был сыном Аполлона Коженёвского, а потому, что являлся мастером художественного слова.

Во-вторых, Боровый — что, может, даже несколько парадоксально — с удивительной интуицией и проницательностью акцентировал те аспекты творчества Конрада, в которых решительно и безоговорочно проявлялся индивидуализм писателя, а следовательно — польскость (!), которая тем самым получала возможность приобрести новый статус в европейском контексте.

Выполнил ли Конрад отцовское завещание? Избрал ли для себя более легкий путь? Мотивы его решения стать мореходом уже сделались самостоятельной областью исследований, на эту тему существует обширная библиография, поэтому в контексте данных размышлений я лишь хочу обратить внимание на тот факт, что Конрад никогда не отграничивался от Польши.

В 1902 году он прислал в пользовавшийся хорошей репутацией в Европе польский журнал «Химера» только что изданный сборник «Юность: повесть, и две другие истории» («Youth: a Narrative, and Two Other Stories»), в который вошло и «Сердце

тьмы». Спустя два года творчество Конрада высоко оценила Мария Коморницкая в рецензии на перевод «Лорда Джима» на польский язык, сделанный Эмилией Венславской. Перевод этот однако не принес роману известности. Еще в 1902 году Игнаций Матушевский в статье «Словацкий и новое искусство» рассуждал об экзотике в творчестве Вацлава Сорошевского, при этом и словом не обмолвившись о Конраде, что с перспективы сегодняшнего дня может показаться удивительным. Казимеж Валишевский напечатал статью «Польский писатель в английской литературе» («Край, 1904, № 3) — польскую версию текста, опубликованного на французском языке («Ревю де Ревю»), дополненную информацией, которую автор получил от самого Конрада. Большой вес имел голос Виктора Гомулицкого, который указывал на символическую идею польскости Конрада в романе «Лорд Джим» («Край», 1905, № 1):

«Я уже закрывал книгу Конрада, совершенно разочаровавшись в ней, уже говорил себе: “Нет! Этот писатель не оторвался от Польши — он никогда к ней не принадлежал...” — когда внезапно что-то во мне встрепенулось: — А может, все это — лишь символ? Этот корабль, обреченный на гибель... Эти путешественники, погруженные в сон, доведенные до нервного истощения религиозным экстазом... эти эгоисты, которых жажда остаться в живых гонит с корабля, за который они в ответе... в особенности этот безумец среди подлецов, благородный, в сущности, юноша, которому всю оставшуюся жизнь станет терзать сердце прометеев орел угрызений совести... это “дворянин”, обретающий на чужой земле благополучие, любовь, доверие, и все же ищущий окончательного избавления от чувства вины в добровольной смерти — является ли все это на самом деле тем, что видит английский читатель?...»^[1].

Эти слова, возможно, были призваны сгладить неловкое высказывание Ожешко о Конраде («Край, 1899, № 16). Замечание Гомулицкого легло в основу предисловия Стефана Жеромского к «Безумству Альмайера» в переводе Анели Загурской в 1923 году. Это предисловие привлекло к себе внимание самого Конрада, который благодарил автора «Пепла» за «делающее ему честь признание Отчизны, молвившей любимым голосом величайшего из Мастеров ее Слова» (письмо от 23 марта 1923 года). Мнение Жеромского ознаменовало перелом в польской критике, обозначив резкий поворот в интерпретации прозы Коженевского.

Барбара Коц^[2] обращает внимание, что один из наиболее страстных польских конрадистов, Стефан Заберовский, в своих работах о восприятии «Лорда Джима» Конрада не отмечает как значимые исследования Вацлава Борового. Возможно, так

происходит потому, что они не нашли продолжения в трудах более поздних польских специалистов по Конраду. Стоит обратиться к ним сегодня. Свое эссе 1942 года Вацлав Боровый начинает с полемики с тезисами Манфреда Кридля. «“Комментарий” Кридля к этому роману поразительно глубок и тонок (...), однако ничто в тексте не подтверждает такой точки зрения»^[3].

Интерпретацию Кридля Боровый сводит к акцентированию случайных замечаний Марлоу, который критикует Джима за то, что тот ушел со своего поста. Боровый говорит о безусловности вины Джима и том, что выбранное им искупление отвечает его характеру — Джим не может находиться там, где попирается его человеческое достоинство, поэтому отступает вплоть до дикого Патюзана и малайцев. Когда грех как будто бы искуплен, неожиданно появляется банда европейских разбойников под предводительством Брауна, который говорит: «Я здесь потому, что один раз в жизни я испугался». Эти слова определяют позицию Джима, он не может осудить Брауна, поскольку тоже «один раз в жизни испугался». То, что разбойники приехали в Патюзан — никакая не рука Провидения, Боровый считает, что это обыкновенная случайность, каких множество, и не стоит искать здесь метафизических предпосылок. Но раз уж разбойники появились, Джим не может вести себя иначе. Спустя столько лет, лет искупления — нельзя полагать, будто счет за историю с «Патной» оплачен. «Пока не исчерпана жизнь, не исчерпаны и последствия вины: такова реальная — а не иллюзорная — правда катастрофы в Патюзане»^[4]. Борового раздражает утверждение Кридля, что более прекрасной романтической смерти для Джима и желать было нельзя.

Если бы повествование в самом деле пробуждало в нас подобные мысли, если бы мы видели в Джиме некую неоромантическую утомленную жизнью личность, его судьба была бы нам гораздо более безразлична. На самом деле Джим так глубоко нас трогает, потому что предстает человеком со здоровым, в сущности, нутром, человеком, способным действовать и любить, человеком, получающим от труда и любви наслаждение и обретающим в этом смысл жизни. Его „романтизм“, о котором несколько раз на протяжении романа говорят мистер Штейн и Марлоу, совершенно ошибочно трактуется в духе современных дефиниций романтизма (к тому же литературных): в действительности же его следует воспринимать скорее в традиционном значении: культ прошлого с его рыцарскими идеалами, так, как его понимает, например, Стопфорд А.Брукс, говоря в «Исследованиях поэзии»

(«Studies in Poetry», London 1920) о «романтических чувствах» (“romantic feeling”) Вальтера Скотта:

“Это романтическое чувство, которое складывается из поклонения, почитания и восхищения — поклонения красоте прошлого [...]; почитания его благородных деяний и подвигов, его рыцарских приключений в борьбе за любовь или честь, его величайшего мужества и верности в минуты войны и мира, его презрения к жизни низкой или сугубо материальной, его равнодушия к богатству, боли, даже смерти, если на другой чаше весов лежит честь”. Разве не эти идеалы исповедует Джим (читатель, в частности — не будем забывать — трагедий Шекспира)^[5].

Боровый выступал против интерпретации появляющихся в Патюзане разбойников в категориях метафизической кары за отречение от Европы. Исследователь утверждал, что поведение героя соответствовало нормам, принятым в его культурном слое. В своей работе Боровый говорит, что романтизм Джима следует понимать «скорее в традиционном значении: культа прошлого с его рыцарскими идеалами»^[6]. По мнению исследователя, Джим — дань Конрада прошлому с его характерным культом: поклонением и почитанием этических норм поведения^[7]. Ему нужна была не польскость, а область взаимопонимания, этоса, универсализации опыта, поэтому он и обратился к романтизму — романтизму в английской трактовке. Лорд Джим, по мнению Борового, любил жизнь так сильно, что не мог лгать о ее цене, не умел ею спекулировать. Он склонял голову перед неотвратимостью, перед неумолимостью последствий, неизбежностью судьбы, но не притворялся, не позировал.

С перспективы сегодняшнего дня замечания Борового поражают своей нетривиальностью, оригинальностью и... простотой. Лишь на их фоне становится очевидна полоноцентрическая тенденция прежнего восприятия творчества Конрада. Отшлифованное за десятилетия несвободы искусство читать между строк, досказывая опущенные цензурой фрагменты, в случае Конрада себя не оправдало, по сути, заслонив ценность аллюзий с Польшей, которым Конрад придал новое качество. Перед Конрадом стояла иная задача: войти в мировую литературу, адресованную мировому читателю, задача избежать идеологических манипуляций. Убеждение, что автор-поляк, о чем бы ни писал, пишет о Польше, аллегорически, символически, при помощи аллюзий и т.д. — закрывало перед польским читателем мир Конрада. Не позволяло почувствовать, заметить то, что в этой польскости писатель универсализировал, перевел, или, может, скорее сделал доступным англоязычному читателю. Все это,

однако, не ускользает от внимания Вацлава Борового. Практически во всех своих работах о Конраде Боровый указывал на неустанную потребность в верификации прежних прочтений, а также необходимость нового прочтения того или иного романа или рассказа. В сущности, первое прочтение Конрада было прочтением того, что мы бы хотели прочитать у Конрада, это зеркало наших ожиданий. Боровый сам признается в том, что его первоначальное прочтение прозы писателя отличалось наивностью и упрощениями, он учился читать текст, учился проверять себя, совершенствовал искусство чтения внимательного, чтобы не сказать — подозрительного, не только по отношению к тексту, но и по отношению к собственному восприятию. Благодаря этому процессу, Боровый разоблачил систему читательской квази-цензуры, которая заставляла искать в Конраде то, что находилось под запретом на родине. Знание о запретном проецировалось на понимание творчества Коженевского. Убеждение, что все, что запрещено, непременно найдет свое выражение на страницах его романов — просто потому, что оно может быть там высказано, а раз может, то и должно — обрекало на разочарования.

1. Cp.: Wiktor Gomułicki, *Polak czy Anglik*. W: *Conrad w oczach krytyki światowej*. Wyboru dokonał Z. Najder, Warszawa 1974, s. 734.
2. Koc Barbara, *Lord Jim Conrada i Joseph Conrad w krytyce*, „Przegląd Humanistyczny” nr 1 (418) R LIV, Warszawa 2010, s. 71–79.
3. Borovery, op. cit., s. 501.
4. Ibidem, s. 503.
5. Ibidem, s. 504.
6. Waclaw Borovery, *O Lordzie Jimie*, [w:] Tegoż, *Studia i szkice literackie*, T. 2, Warszawa 1983, s. 503.
7. Ibidem, s. 503–504.

Выписки из культурной периодики

Я настойчиво ищу в культурной прессе — в ежемесячных и ежеквартальных журналах — какие-либо материалы, касающиеся художественных проблем, однако такого рода тематика не относится сегодня к самой востребованной, и подобных материалов почти нет, а издания превратились или в антологию текстов, или монографические выпуски, посвященные одному автору или проблеме, как это имеет место в последнем номере щецинского ежеквартальника «элеВатор», ведущей темой которого стало творчество Велимира Хлебникова, чему посвящена обширная подборка текстов. А в еженедельниках, которые приятно называть формирующими общественное мнение, доминирует политика и общественные вопросы, что всегда, разумеется, актуально, но не может заменить пищи духовной.

Так что я с интересом обратился к статье Яцека Ковальского «Сарматию прекрасную помощи вернуть нам, Боже»^[1], опубликованной в еженедельнике «В сети» (№ 20/2017). Автор пишет: «Более десяти лет назад известный ученый и педагог проф. Томаш Хахульский сетовал, что «выпускники новых гимназий и лицеев» по-прежнему не будут в состоянии «оценить, в чем состоит своеобразие и необычность двух завершающих великих культурных формаций первой свободной Речи Посполитой», то есть барокко и просвещения. Сегодня все обстоит еще хуже. В нашумевшей статье «Сарматизм и постколониализм» Эва Томпсон утверждала: вырвать мышление поляков из замкнутого круга «постколониальных» ресентиментов, в который нас ввергает наследие разделов, и обрести уверенность в себе, утраченную польской культурой после колонизации страны захватчиками, поможет обращение к сарматской литературе. (...) Речь идет о новых акцентах, новой общей картине сарматского Парнаса, в которой рассеется прежний мрак забвения. Давайте расколдуем легкомысленную стигматизацию сарматской культуры схематичным и искусственно понимаемым «сарматизмом». Чтобы скорректировать эту картину, мы должны донести до сознания учеников, что существует целостность, некогда называемая Сарматией, то есть Речь Посполитая, в которой разделение на «европейское течение» и «сарматское течение»

было, несомненно, более слабым, чем чувство литературного и гражданского единства, из которого поклонники французской или итальянской литературы не только не были исключены, но составляли его элиту». Среди произведений эпохи барокко, которые Ковальский хотел бы сделать фундаментом знаний о сарматской культуре, находится «Польская псалмодия» Веспасиана Коховского: «Сравнительно легкая для восприятия и красивая, прозрачная поэтическая проза рисует картину республиканского государства, гражданского общества и личности, и такая картина дается с точки зрения «веры и свободы», то есть обычного, среднего шляхтича. Оригинально, на европейском фоне показывает специфику Сарматии — столь европейской и одновременно столь отличной от Европы. В этой Сарматии удивляет актуальный по сей день, необычайный союз республики и алтаря вместо союза трона и алтаря, с которым боролось и борется светское республиканство».

Статью Ковальского можно расценить как один из многих голосов, поднимающих два вопроса, захвативших умы польских правых, — вопрос шляхетского республиканства как определенного культурного образца и проблему создания польской цивилизационной самобытности как не только своего рода отличия, но как вклада в европейскую идентичность. В более широком плане, в сфере социальной педагогики, целью является реализация лозунга, сопутствующего нынешним властным элитам, «поднять Польшу с колен». Но такой девиз не может относиться лишь к политической сфере и месту Польши на международной арене — речь идет также об определенных переменах в общественной ментальности: не случайно уже ряд лет в этих кругах ведется дискуссия, касающаяся польской традиции и идентичности, в которой «сарматский» сюжет играет довольно важную роль. Следует, однако, отметить, что как лозунгом республиканства здесь злоупотребляют, так и понятие гражданственности сужается. Польша до периода разделов была республикой одного лишь слоя — шляхты, охватывающего в лучшем случае 15% общества. А что касается культурной элиты Европы, то, конечно, среди выдающихся творцов, полноправных *poeta laureatus*, можно назвать хотя бы Клеменса Яницкого, но как автора, писавшего на латыни. Наиболее же значительные из тех, кто писал на родном языке, в Европе не были известны, а по отношению к сородичам высказывались безжалостно критично, как, например, Кшиштоф Опалинский: «На продажности Польша стоит, кто-то верно сказал, / а другой ответил, что от продажности погибнет, / Господь Бог нас держит за шутов; и то недалеко от

истины, / что меж людьми поляк — Божья игрушка». Первые слова, приведенные здесь, написал ранее другой поэт того времени, Вацлав Потоцкий. Как видим, этому «сарматскому» примеру вряд ли в полной мере надо наследовать, — лучше, пожалуй, задуматься над тем, не применим ли он ко дню нынешнему. И пожалуй, следует читать поэтов более внимательно, чем это делает Ковальский, который, кажется, забывает, что от сарматской «золотой свободы» путь пролегал к разделам Польши.

А на страницах журнала «Одра» (№ 5/2017) Петр Гайдзинский задается вопросом «Куда ведет нас начальник?»: «Ярослава Качинского сегодня считают властителем почти абсолютным, самым сильным лидером в истории Третьей Речи Посполитой. Но хотя его положение кажется неколебимым, на горизонте появляются мели, которые его позицию ослабляют. И этот процесс будет прогрессировать. То, что председателя «Права и справедливости» называют «начальником», верно отражает его нынешнее политическое положение, однако это также пропагандистский прием, аллюзия на звание, которое носил во времена Второй Речи Посполитой маршал Юзеф Пилсудский. (...) Сторонники Качинского любят подчеркивать, что его авторитет проистекает из выдающихся способностей всегда безошибочно анализировать положение вещей и его верных политических оценок. Я дал себе труд перечитать многие архивные интервью председателя «ПИС» и, увы, не сумел найти так уж много суждений, высказанных в прошлом, которые позже нашли свое подтверждение. Две характерные цитаты, причем по фундаментальным вопросам. В 1999 году я спросил Ярослава Качинского о его оценке Лешека Бальцеровича, которого в течение многих лет «Право и справедливость» обвиняет в преступной экономической политике. «С сегодняшней перспективы представляется, что все эти действия были совершенно очевидными, и совершенно очевидным было направление реформ в Польше. Но десять лет назад, на переломе 80-х и 90-х годов, очень многие яркие политики, сегодня фигуры первого плана в политической жизни, апологеты свободного рынка, это направление не поддерживали. Я очень уважаю Бальцеровича за то, что он решительно сделал хирургический надрез. Это была болезненная, но абсолютно необходимая операция», — вот как говорил Качинский. А тремя годами позже он в интервью «Газете wyborczej» представил почти апокалипсическое видение вхождения Польши в Европейский союз: «Мы будем доплачивать за наше членство, наше вхождение в Евросоюз сильно ударит по сельскому хозяйству, особенно по товарному, по традиционным отраслям сельского производства. В лучшем

случае в финансовом отношении мы не получим ничего, зато примем ограничения, которые нас ослабят, — например, снижение квот в продукции сельского хозяйства».

Справедливости ради уточню, что в этом интервью Ярослав Качинский не выступал против вхождения Польши в Евросоюз, он предлагал повременить до более благоприятного момента.

Гайдзинский обращает также внимание на эмоциональное отношение Качинского к общественным вопросам: «Эмоции, как правило, исключают прагматичный подход к политике. Здравый подход тем более исключает, хотя бы некоторые, навязчивые идеи. А политическая навязчивая идея Качинского — это заговоры. Вот некоторые примеры: «сговор», «лжеэлиты», «враги Четвертой Речи Посполитой», «коммунисты и бандиты», армейские информационные службы, наконец, заговор Туска и Путина с целью убийства Леха Качинского. Мне кажется, что поначалу, еще в 90-х годах, Ярослав Качинский пользовался такой риторикой с холодным расчетом как политическим инструментом, позволяющим получить поддержку для едва проталкивающегося на запруженную политическую сцену «Соглашения Центр». Время было для этого идеальное: утверждение, что коммунизм пал в Польше при элегантном круглом столе во дворце на Краковском Предместье, не для всех было убедительным. Мощная, жестокая система, которая рушилась под тягостью собственной дряхлости и драматической неэффективности, утрачивала тогда весь сопровождавший ее все время драматизм. (...) Поэтому легче всего было поверить в сговор коммунистических элит с элитами оппозиции, в точно сконструированный и с железной последовательностью реализованный план уже не красного, но розового порабощения. Я думаю, что сам Ярослав Качинский в это не верил (его брат принимал активное участие в переговорах Круглого Стола). Но со временем поверил. (...) А сейчас председатель «ПИС» неустанно отыскивает новые заговоры, с ничтожным, правда, результатом. (...) Слабость лидерства Ярослава Качинского обусловлена также его незнанием экономики. В сегодняшнем, очень «экономизированном» мире это серьезный недостаток. (...) Еще одна слабая сторона Ярослава Качинского — постоянное стремление к конфликтам. Он управляет таким образом своей партией, а сейчас и всей страной. Но поляков это угнетает и будет угнетать все больше. (...) По большому счету, никто этого не приемлет, в том числе члены собственного лагеря. Даже те, самые близкие, которые удобно устроились на государственных постах, хотят наконец вкушать плоды власти. При Качинском это невозможно. В том числе из-за его подозрительности. Если вождя терзают подозрения и одновременно от него зависит

буквально всё, то имманентным свойством этой среды становятся интриги и бесконечная борьба между теми, которые уже вскарабкались на вершину, и теми, кто туда только еще стремится. Так ослабляется единство и эффективность лагеря власти».

И вот в заключение: «Ярослав Качинский сегодня — воплощение мечтаний его приверженцев о долгом сроке правления правых, о построении «нового общества» и державном положении Польши. Он пробудил большие надежды, которых — и это видно все отчетливее — не сможет оправдать. (...) Отношение к возлюбленному, который разрушил чувство, легко и быстро перерождается в ненависть». Что ж, я лично питаю надежду, что на пути строительства «нового общества» Качинский не обратится к «сарматскому» образцу, хотя можно допустить, что ведущаяся в небывалом темпе реформа системы образования не лишена подобной перспективы и тем самым не в состоянии донести до сознания, что понятие идентичности должно постоянно обновляться. Да и прошлое может видаться по-разному, поскольку, в противоположность «сарматской» модели, приписываемой Ковальским Первой Речи Посполитой, профессор Ежи Бартминский в интервью «Тыгоднику повсехному» (№ 20/2017), опубликованном под заголовком «Отчизна на языке», подчеркивает: «В период Первой Речи Посполитой мы выработали понятие политической нации, надконфессиональной и надэтнической, и это должен быть наш вклад в европейское единство (...). Иоанн Павел II в своей книге «Память и идентичность» говорил даже о европейской родине, о европейском патриотизме». Следует признать, что мы вряд ли обнаружим здесь призыв к молитве о возврате «прекрасной Сарматии».

-
1. Перефразированная строка «Отчизну свободную помоги вернуть нам, Боже» из национально-религиозного гимна «Боже, что Польшу...» — Примеч. пер.

Дети Варшавы в начале XX столетия

Перевод Дениса Пелихова

I

В начале нынешнего столетия Варшава оставалась городом, безусловно, надменным и непокорным, но в то же время была завоевана и подавлена врагом. Ее древние дворцы были покрыты толстым слоем шоколадной краски оттенка Бисмарк *malade*^[1] и превращены в учреждения и казармы. На некоторых поставили золотые купола. Новые районы строили уже на российский манер. Непривычная ширина их улиц призвана была облегчать маневры полиции и препятствовать возведению баррикад.

Улицы кишели мундирами. Штатские чиновники носили мундиры цветов своих ведомств. Многие носили еще «вицмундиры» — род фраков темного сукна с металлическими пуговицами и цветными кантами. Своим внешним видом они напоминали героев петербургских повестей Гоголя. Занятие и ранг чиновников можно было узнать по цвету и знакам различия мундира и военной фуражки с голубым околышем. Учащиеся средних учебных заведений носили мундиры темного сукна с цветами своей школы.

По улицам неустанно кружила полиция: городовые с номерными бляхами на груди, шпики в штатской одежде, жандармы с фиолетовыми нашивками. Когда случались волнения, на улицах появлялись верхом на лошадях казаки в черных бекешах и разгоняли толпу нагайками.

По улице Новы Свят и Аллеям Уяздовским ехали быстрые двуконные пролетки, везущие офицеров в серебристых шинелях в сопровождении так называемых женщин легкого поведения. Эти последние носили корсажи с очень узкой талией и широкие, до щиколоток юбки, под которыми несколько слоев подъюбников издавали шелест, называемый фру-фру. Гражданское население пользовалось более медленными «доружками» — как произносили слово

«дрожки» в Варшаве, — извозчики которых были одеты в зеленые плащи с серебряными пуговицами.

Официальным языком Варшавы был русский. Суды, учреждения и школы не знали другого языка. Даже за пределами школы учащимся нельзя было говорить по-польски. Внезапно появляющийся инспектор говорил: «Вы опять жаргоните по-польски», — и записывал фамилии. Вывески магазинов были на двух языках.

Гнет казался тем более тяжелым, что сила победителей не знала границ. У России была самая большая регулярная армия и наиболее хитрая дипломатия в Европе. Она не опасалась никакого окружения, напротив, сама была главным членом всех возможных коалиций, державы добивались ее расположения, соперничая друг с другом в услужливости. Казалось, что Россия знает секрет централизованной власти и рецепт того, как завоевывать и поработать соседние страны. Народ ее, талантливый и до всего любопытный, стал осознавать свою силу, и ничто не предвещало того, что его победный двухвековой поход задержится на какой-нибудь границе.

Чтобы оказывать сопротивление такой силе, необходима была прежде всего работа независимой критической мысли: нужно было заново оценить возможности врага и освободиться от обаяния его превосходства. «Возьми трость и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем», как говорит ангел Апокалипсиса. Без пересмотра и переоценки сопротивление — как безнадежное — угасло бы само собой.

По этой причине центром сопротивления стала в те годы варшавская интеллигенция. На нее же было направлено внимание и гнет со стороны оккупационных властей. Одетые в чересчур темную одежду, в пенсне, по улицам сновали шпики, ночами их навещали жандармы. На надзор и притеснение интеллигенция отвечала абсолютным эксклюзивизмом, отходом от оппортунистов. Этот тип интеллигенции исчез в период независимости, не оставив ни преемников, ни даже упорядоченной историками традиции.

Образование детей ставило перед интеллигенцией много сложных вопросов. Представители свободных профессий не могли превратить своих детей в деклассированный элемент, лишив их школьных аттестатов. С другой стороны, отдавая их в школы, они посылали своих молодых и впечатлительных отпрысков в пасть крокодила — в любом случае, туда, где давление было наиболее сильным. Воспитанная сама в

подобных условиях, варшавская интеллигенция обладала, однако, в этих делах значительным опытом.

II

Когда мне было 7 лет, я был нервным и строптивым мальчиком. Воспитанный частично в деревне, я был, однако, хорошо развит физически, и отец мой решил, что я уже достаточно взрослый и могу учиться в школе. Мне предстояло начать учебу в приготовительном классе школы Собрания купцов на Валицове.

Учебный год начинался в начале сентября, который в тот год выдался холодным и дождливым. Как все мальчики того времени, я был одет в мундир: длинные черные брюки с зеленым кантом, зеленую суконную куртку и такую же шинель с зелеными нашивками моей школы. На голове у меня была черная фуражка с кожаным козырьком и зеленой каймой, на спине — кожаный ранец.

В таком облачении в половине девятого вместе с отцом я вышел из нашей квартиры на Повислье, направляясь в сторону Нового Свята. Путь этот мне предстояло совершать потом каждый день в одиночку.

С улицы Броварной, бедные и многолюдные домики которой напоминали скорее маленький уездный городок, чем Варшаву, мы свернули на улицу Обозную, идущую круто в гору. Тротуар отдалялся в этом месте от покато́й мостовой и шел вдоль нескольких деревянных домов, до фонтана, бьющего под самым откосом. Напротив фонтана стояло желтое низкое здание со светлым подвалом, где помещалась мастерская известного в то время графика — Феликса Яблчинского. В начале двадцатых годов Яблчинский, которого считали варшавским чудачком, появлялся иногда в кафе «Малая Земянская»^[2].

От фонтана деревянная лестница поднималась на откос. Тротуар снова сходил к там с мостовой и вел к узкой улочке, идущей между двумя рядами высоких домов без входных дверей. Этим узким перешейком Обозная соединялась с Новым Святом, напротив Дворца Сташица, имевшего в то время псевдовизантийский коричневый фасад с золотым куполом наверху.

Когда у меня было больше времени, я шел другой дорогой, через Северинув, где два раза в неделю организовывали ярмарку. Обычно тихие, улицы заполнялись в эти дни рядами лотков, среди которых царила провинциальная ярмарочная суматоха. В одном месте на жердях, опертых на козлы, висели ряды готового платья. Покупатели раздевались прямо на улице, складывали свои лохмотья на мостовой и примеряли новые наряды. Однажды я встретил там Феликса Бродовского, забытого ныне писателя, которого видел у моего отца. С белокурой бородой и очень важной миной Бродовский в белой рубаше и таких же длинных кальсонах примерял каштанового цвета костюм.

На Новом Святе я садился на конный миниатюрный трамвай номер 6, идущий на Гжибовскую площадь. За эту дорогу надо было отдать три копейки — медную, покрытую зеленоватым налетом монету необычной для нынешнего времени величины.

Гжибовская площадь была одним из главных центров торгового района. Мостовая на ней казалась всегда мокрой, покрытой черной, липкой, беспрестанно растаптываемой грязью. В домах, обрамляющих площадь, размещалось несколько десятков небольших магазинчиков, где торговали мануфактурой, обувью, фруктами, инструментом для ремесленников и т. д. На площади и близлежащих улицах господствовало непрерывающееся движение. По средней части мостовой, покрытой гранитной брусчаткой, ехали тяжелые возы с углем и товарами, по тротуару текла целая река спешащих людей.

От Гжибовской площади всего несколько минут отделяли меня от школы, размещавшейся в просторном и светлом, но всё же несколько мрачном здании из темного камня.

III

Первый раз я проделал этот путь с отцом, который, посмотрев с минуту на меня, сказал примерно следующее:

«Провожая тебя в школу, я хотел бы сказать, как тебе следует там себя вести. Прежде всего никогда не забывай, что школа — это инструмент твоего врага, который хочет стереть тебя в мелкий порошок и сделать из тебя нечто иное, чем то, что ты из себя представляешь. С этого дня ты будешь противостоять ему сам, не очень рассчитывая на других. Не дай себя напугать

угрозами или прельстить похвалами и наградами. Будь внимательным и сознательным. Твоя задача — не дать им в руки.

«Твои одноклассники находятся в точно таком же положении. Чего они стоят, как ведут себя под нажимом, об этом ты узнаешь позже, когда познакомишься с ними ближе. А пока помни, что ты несешь за них свою долю ответственности. Не уклоняйся от этой ответственности, пусть даже ты не знаешь, в какой степени можешь рассчитывать на подобное отношение с их стороны. Так ты сможешь узнать их лучше всего».

Я слушал внимательно, время от времени поднимая глаза на отца, который продолжал:

«Латынь и греческий ты выучишь позже. Сейчас я бы не хотел, чтобы ты попал сразу туда, где принуждение и угнетение сильнее всего. Первые годы ты будешь ходить в школу более гуманную».

Тут отец рассказал мне в общих чертах историю школы Общества купцов.

Средние школы в Царстве Польском были русскими, и весь их преподавательский состав выписывался из России. Несмотря на специальную прибавку к окладу за службу в Польше, уважающие себя учителя не соглашались участвовать в русификаторской деятельности. А приезжали из России люди, представляющие собой нечто среднее между учителями и хулиганами, уволенные из других школ за пьянство и отсутствие квалификации, которые в Польше становились послушным инструментом русификаторской политики куратора варшавского учебного округа.

Общество купцов желало иметь школу несколько лучшую, чем правительственные гимназии. С этой целью, преодолев многие препятствия и дав крупные взятки петербургским чиновникам, купцы добились того, что на должность директора школы им назначили уже немолодого русского педагога по фамилии Цветковский, который в течение многих лет был ректором Пажеского корпуса (учебного заведения вроде придворного лицея), где воспитывались великие князья и будущие сановники империи. Пользуясь в силу этого высочайшим покровительством, Цветковский мог не слишком считаться с куратором варшавского учебного округа и формировать педагогический состав по своему усмотрению. Пока Цветковский был жив, школа обладала определенной

независимостью и в ней были несколько иные условия обучения, чем в правительственных гимназиях.

Директора школы я увидел несколькими днями позже в коридоре, где он отчитывал учеников — дело для того времени необычайное — по-польски. Это был человек уже очень пожилой, с белой бородой. Молодость его пришлась, вероятно, на времена Николая I. Из его уст плыла удивительная мешанина русских и польских слов, произносимых как бы на вильнюсский манер.

Значит, в железной машине диктата были и прорехи. Сегодня я бы задался вопросом, в какой степени прорехи эти возникали ввиду сосуществования капиталистической экономики и власти, основывающейся на чистом насилии. Система государственного социализма обладает сегодня несравненно более совершенными механизмами давления, без пробелов и упущений. Но в то время никто не осознавал этого.

Мое первое знакомство с этим в семилетнем возрасте позволило мне узнать сильные и слабые стороны противника. В стоящей передо мной стене были щели и трещины. Сколько их было и насколько они были глубоки?

Вопрос этот пришел мне на ум во время первого урока гимнастики. В наш класс вошел высокого роста офицер в мундире капитана и велел нам идти на двор. Там он начал муштровать нас, как в казармах, строить в шеренги, рушить эти шеренги и строить заново, парами и по четверо. Голос его был звучный, с лица же не сходила улыбка, словно его самого умилял вид этих миниатюрных солдат. Его темные глаза смотрели на нас, однако, с сосредоточенным вниманием. Это был единственный офицер, служащий в Варшаве учителем. Почему Цветковский назначил его на эту должность? Неужели и он состоял в какой-то организации? Вопрос этот не оставлял меня до конца урока, поскольку еще прежде я слышал о декабристах и о Южном обществе в Тульчине. Нашего учителя гимнастики мы видели только несколько раз, потому что зимой уроки гимнастики были заменены — за отсутствием подходящего помещения — уроками труда.

IV

Отец вошел со мной в канцелярию школы, где ему сказали, что я записан в подготовительный класс Б, размещавшийся на первом этаже. Из канцелярии мы снова вышли на улицу, и отец

попрощался со мной у дверей школы. В коридоре было уже полно мальчиков, которые были одеты так же, как я, и тоже искали свои классы.

Дверь с надписью «Приготовительный класс Б» находилась в конце коридора. В течение нескольких минут мальчики заполнили помещение. Места мы выбирали сами, ведомые каким-то неясным инстинктом. Выбор этот сразу обозначил те различия между нами, которые мы осознали лишь спустя какое-то время. Мальчик, оказавшийся впоследствии отличником, сел за первую парту, напротив кафедры. За последними партами очутились сразу те, кто в течение года получал в основном неудовлетворительные отметки. Я сел за предпоследнюю парту, рядом с дверью.

Опоздавшие заняли оставшиеся свободные места. Рядом со мной сел мальчик по имени Адольф Гельбхаар, неплохой ученик, веселый и хороший товарищ. Будучи взрослым, я встретил его только раз — уже под именем Вацлав Дембовский, он был торговцем деревом в Гданьске. Среди других моих однокашников, которых я встречал позже, никто не выбрал купеческого ремесла, которому нас обучали в старших классах нашей школы.

За нами сидел впоследствии известный актер и режиссер Александр Венгерко. Он был тогда блондином с белыми ресницами. На уроках он постоянно тихонько спал, опершись головой на руку. Наш «классный наставник» и учитель русского языка, Балшамов, румяный и невозмутимый, в своем зеленом «вицмундире», вырывал его из дремоты, крича: «Венгерко, вы невнимательны!».

За одной из первых парт, тут же, за отличником, сидел маленький мальчик с темными густыми волосами, усердный и серьезный не по возрасту. Балшамов называл его «Блит». Это был будущий католический писатель, убитый немцами в ноябре 1939 года, Марцелий Рафал Блут.

Первый год ушел у нас на то, чтобы привыкнуть к длинным штанам, освоить чернила, перья, тетради, пенал, ранец и приноровиться к школьной дисциплине. Но уже в следующем учебном году, в 1-м классе, до нас стали доходить веяния, вызванные происходящей тогда русско-японской войной.

Это было время листовок и нелегальных печатных изданий. Один из наших одноклассников принес в школу гектограф^[3], на котором мы решили распространять собственный журнал. Мгновенно образовался редакционный комитет, который

спустя несколько дней, во время перемены, начал совместное чтение представленных на его рассмотрение рукописей.

Я не припомню сегодня содержания этих рукописей. Помню только, что по большей части они были веселыми, шутливыми. Один из фельетонов был подписан псевдонимом Хосенкнопф. Когда мы придумали подписаться таким образом, Гельбхаар, которого я вовлек в комитет, сказал: «Хосенкнопф — это никакой не псевдоним. Это фамилия моего дяди». После этого замечания мы изменили подпись на Унтерхосенкнопф.

V

В школе Общества купцов евреи составляли ровно половину моих одноклассников. Многие из них поначалу плохо говорили по-польски. Большинство варшавских евреев говорило дома на идише, литовцы же часто говорили по-русски. В течение двух с половиной лет, которые я провел в школе купцов, все эти мальчики научились — в русской школе — сносно говорить по-польски. Нас связывало с ними общее положение, гнет распространяющийся поровну на представителей того и другого народа и вытекающие отсюда общие задачи. Первые различия проявились лишь во время школьной стачки, в которой часть учеников-евреев не принимала участия. Различия эти не дали поводов ни для каких дискуссий или инцидентов, поскольку, не посещая школы, я не встречал больше штрейкбрехеров.

Моим одноклассникам-евреям из приготовительного и первого класса я обязан знакомством с вещами, непонимание которых отразилось позже на всём последующем поколении молодежи.

Школьный антисемитизм, которому в независимой Польше предстояло обрести столь болезненные и варварские формы, зиждился на паре ошибочных суждений, которых в пылу борьбы никто не сумел опровергнуть.

Наши молодые антисемиты выросли в убеждении, что евреи способнее, усерднее их, как бы рождены для того, чтобы в условиях свободной конкуренции занимать первые места. Весь этот комплекс неполноценности, свойственный антисемитам, не имеет под собой никакого основания. В школе Общества купцов у меня и моих ровесников не возникало никогда

ощущения, что наши одноклассники-евреи умеют что-то, чего не умеем мы, и могут справляться с задачами, недостижимыми для нас. Если мы и оставляли им без борьбы места отличников, то это было скорее следствием безразличия к соперничеству, которое мы презирали.

Школьный антисемитизм возник тогда, когда учебные заведения заполнила польская молодежь, желающая обучиться в них так называемым прикладным специальностям и пренебрегающая бескорыстными знаниями. В профессиях этих евреи обладали бóльшим опытом, но готовились к ним совершенно иным образом.

Большинство еврейской молодежи пятьдесят лет назад выходило из хедеров^[4], где учащиеся читали и заучивали на память целые главы из Ветхого Завета и Талмуда. Это было образование гуманитарное, дающее примерно такое же представление о Гомере и Платоне, какое получала молодежь в классических гимназиях. Приобретая эти совершенно, казалось бы, бесполезные знания — заветы Моисея и сюжеты из жизни Авраама и Сары — молодые иудеи принимались за торговлю и затмевали на этом поприще конкурентов — выпускников торговых школ и академий.

Каков был секрет их способностей и успеха? Просто у евреев было преимущество, какое во все времена имеет молодежь с гуманитарным образованием перед необразованными носителями титулов и обладателями дипломов.

От одного промышленника я слышал приписываемое Андре Ситроену высказывание, что лучшими руководителями крупных предприятий становятся люди, умеющие и в зрелом возрасте читать латинских авторов. Современные промышленные предприятия устроены таким образом, что тот, кто входит в их подробности, теряет из поля зрения целое. Руководитель может не знать подробностей, но должен уметь ответить на вопрос, зачем данное предприятие вообще существует и какие цели перед собой ставит. Поэтому он должен в какой-то мере дистанцироваться от него, смотреть на него гуманитарным взглядом, который дает знание классиков.

Мало кто задумывался над настоящим эпистемологическим парадоксом, какой кроется в глубине программ специальных и профессиональных школ. Если бы мы точно знали будущее, то могли бы так же точно предугадать, какие знания будут нам нужны. Не зная же будущего, мы не можем об этом сказать

ничего определенного. Сколько учеников школы, где нас обучали на купцов, выбрали впоследствии эту профессию? Из моих одноклассников я знаю только одного, кто пошел по этому пути.

Из хедера и из дома большинство моих друзей-евреев вынесло уважение к так называемому бесполезному знанию, которое поддерживалось авторитетом религии и традиции. Такое отношение к знанию является основой всякого образования. Образованный получает быстро нужные ему практические сведения, на приобретение которых необразованному всей жизни мало.

В меру своей специализации, школы — как в Польше, так и в других областях — предлагали всё больше, казалось бы, практических знаний, а выпускали всё меньше образованной молодежи и наконец отказались от этих амбиций. Из школьных стен выходили поколения молодых людей, разочарованных, понимающих, что безвозвратно упустили время, мучимых комплексом неполноценности и склонных находить компенсацию всего этого в грубости и варварстве.

VI

Уже спустя несколько дней стало известно, что первый ученик нашего класса — мальчик по фамилии Райсс. Это был тот самый ученик, который в первый же день сел на место для отличников. Имени его я не помню, потому что в школах и казармах ни к кому по имени не обращаются, Райссу же это подходило меньше всего. Он выглядел на год или два старше меня.

Это был худой, высокий мальчик с темной шевелюрой, молчаливый и малоподвижный. Даже во время перемен он редко вставал с места. Чаще всего он сидел за своей партой с полужакрытыми глазами. Его книги выглядели так, будто он никогда их не открывал. Он был хорошим товарищем и помогал в учебе своим ближайшим соседям, но не принимал участия ни в играх и разговорах одноклассников, ни в издании нашего журнала. На наши вопросы он отвечал со снисходительной и отстраненной улыбкой, отчего складывалось впечатление, что он обладает какой-то поглощающей его тайной.

Ту же сдержанность он сохранял и по отношению к учителям. Он не рвался вперед и не перебивал других, когда те держали

ответ. Если его спрашивали, он отвечал без спешки, коротко, говоря именно то, чего от него ожидали. Его сочинения были тоже короткими и составляли обычно полторы страницы. Написаны они были без помарок, мелким, разборчивым почерком и наилучшим образом соответствовали тому, чего учитель ожидал от первого ученика. Даже краткость его сочинений носила признаки кокетства и бережного отношения ко времени учителя. За всё время моего пребывания в школе Райсс не получил никакой другой отметки, кроме «отлично».

Оставив школу после стачки, я потерял его из виду. О судьбе его я узнал много лет спустя, встречая бывших одноклассников. Никто из них не мог мне сказать, участвовал ли Райсс в школьной стачке. Отсутствие сведений об этом соответствовало, впрочем, такту, свойственному нашему отличнику. От бывших одноклассников я узнал, что Райсс остался до конца в школе Общества купцов, не получив за всё время никакой другой отметки, кроме «отлично». Спустя несколько месяцев после получения аттестата он покончил с собой.

Когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что такой конец для Райсса был неизбежен, и уже в подготовительном классе мы могли бы об этом догадаться.

Недавно мой молодой приятель, выпускник Морской школы в Гдыне, рассказал мне историю, проливающую свет на Райсса и на других мальчиков, принимающих под давлением правила своей школы.

На несколько десятков мест, коими располагала Морская школа, ежегодно подавали заявления по несколько сотен кандидатов, которые проходили двойной отбор. Сначала смотрели на их аттестаты, и большинство заявлений отсеивалось уже на этом этапе. Остальных приглашали в Гдыню и подвергали вступительному испытанию. У моего молодого приятеля отметки «отлично» стояли только за поведение и физическую культуру, по всем остальным предметам было «удовлетворительно». Никто даже и не надеялся, что он будет допущен к экзамену. Вопреки этим предположениям, его пригласили в Гдыню, где он успешно прошел вступительные испытания.

Некоторое время спустя, разговаривая об этом с директором школы, старым моряком, он услышал от него следующее объяснение: «Опыт показал, что отличники на море ничего не стоят. Поэтому ваш аттестат меня заинтересовал. На этого

мальчика, подумал я, мне хотелось бы посмотреть. Может быть, из него получится сделать моряка».

1951

KULTURA

-
1. Бисмарк malade (больной) — один из оттенков коричневого цвета.
 2. «Малая Земянская» — кафе в Варшаве, популярное среди писателей и художников в 1920 — 1930-е годы.
 3. Множительный прибор, печатающий оттиски с рукописного текста и рисунков при помощи желатиновой массы.
 4. Еврейские религиозные начальные школы.

Свое и чужое

I

В определенных общественных кругах периодически проявляется характерная тенденция, выражающаяся в страхе перед чужим и в усиленно подчеркиваемом стремлении к защите своего. Порой эта тенденция принимает гипертрофированные формы и в особо ярких случаях воплощается в эмоциональной позиции отвержения всего чужого — и приятия, исполненного страсти и пафоса, ценностей, полагаемых своими, то есть отечественными.

Такую позицию мы обнаруживаем прежде всего там, где речь идет об отношении к культурным ценностям. В области этих ценностей проводится, хотя бы исподволь, демаркационная линия между тем, что считается плодом собственной деятельности или коллективного творчества, и тем, что является результатом деятельности других групп. Как правило, предполагается также существование тесной взаимосвязи между характером, формой и содержанием данных ценностей — и характером и особенностями группы, которая признает их своими. В рамках группы насаждается убеждение, порой с исключительными экзальтацией и пафосом, будто собственные ценности следует лелеять, закреплять, укреплять, в то время как чужие — если не все, то, во всяком случае, некоторые — отрицать, отвергать. На более высоких уровнях культуры подобная позиция снабжается рациональными обоснованиями, порой в виде развернутых философских систем, и предпринимаются попытки целенаправленных действий, направленных на защиту от проникновения чужих ценностей и сохранение собственных. Возникает более или менее отчетливо декларируемый идеал культурной автаркии, в рамках которой группа регулирует процесс усвоения и преобразования культурных ценностей. В качестве аргумента для отвержения чужих ценностей используется идея их диаметральной противоположности собственным, неадекватности характерным особенностям данной группы, опасности деструктивного влияния на нее в случае их приятия.

Вопрос о своем и чужом играет значимую роль в жизни современного мира. Как культурная проблема, которая

ставится и решается, он не представляет собой ничего нового. Данная проблема возникла вместе с зарождением и развитием современной категории национальности и уже в начале XIX века воплотилась в творчестве романтиков. Это явилось результатом самого факта формирования современных наций — факта, который нашел свое художественное воплощение именно в романтическом творчестве.

Здесь мы имеем дело с явлением, тесно связанным с процессом образования определенной социальной группы. Сам факт консолидации подразумевает разделение объектов на свои и чужие, и наиболее жесткие формы такое разделение принимает в момент создания группы и в момент окостенения ее рамок. На этапе формирования современных наций от вопроса отвержения чужого была неотделима проблема представления о себе, критериев, на основе которых данная группа могла быть отделена от других. В случае Польши страх перед чужим имел специфическое объяснение — политической ситуацией, в которой происходил процесс формирования польской нации. Ради сохранения национальной самобытности следовало с недоверием относиться к тому, что шло извне. Это было реакцией на планомерную ассимиляционную политику государств, разделивших Польшу. Чужое было, прежде всего, синонимом того, что исходит от захватчиков, насаждается школой, государственными учреждениями, армией. Вспомним, какое исключительное значение придавалось в довоенной литературной критике упрекам в чуждом влиянии. Критики, предъявлявшие подобные обвинения Жеромскому, конечно, привносили в понятие «своего» определенные социально-классовые акценты, однако то, что такой упрек мог оказаться весомым, достаточно много говорит о настроениях эпохи.

В наше время проблема «свое/чужое» встает самым серьезным образом. Наиболее решительно она заявляет о себе в Германии. Но не только в Германии. И у нас ей уделяется немало внимания. На эту тему высказываются литераторы, художники, ученые, политики. Категория своего становится неотъемлемой частью общественно-политических программ. Ее берут на вооружение правые националисты, не свободна от нее и Польская крестьянская партия. И категория эта требует осмысления. Разумеется, здесь трудно рассмотреть вопрос во всей полноте, проанализировать все элементы этой бесконечно сложной социально-культурной проблемы. Поэтому ограничимся анализом своего и чужого, имея в виду, прежде всего, гносеологический ракурс.

II

Одно из изданий крестьянской партии опубликовало статью, в которой в связи с приближающимися праздниками анализировалась проблема рождественской елки. Из этой статьи читатель мог узнать, что обычай ставить елку на Рождество прибыл к нам из Германии, то есть елка — явление чужеродное. А следовательно, ее нужно заменить более близким нам, польским, ритуалом — снопом, украшенным свечками.

Подобный вывод, вероятно, многим покажется гротескным, и автор этих строк не может не согласиться с таким мнением. Безусловно, здесь мы имеем дело со своего рода патологией. Однако именно на примере патологических или особо наглядных случаев легче всего проанализировать данный комплекс вопросов, кроме того, они могут дать нам необходимый материал для размышлений.

В этих размышлениях следует, прежде всего, уделить внимание двум вопросам: что в обиходном представлении заставляет квалифицировать ту или иную ценность как свою или чужую, и какие социальные водоразделы проводятся при классификации ценностей на свои и чужие.

В случае рождественской елки, что́ считать своим, а что́ — чужим, решает происхождение. Свое — то, что идет от нас, что нами было создано. Таким образом, в дефиниции возникает каузативный или генетический момент, на него дефиниция и опирается. Но помимо этого есть и другой момент, который чаще всего косвенно заключен в первом. Своим является то, что с той или иной точки зрения нам свойственно. Разумеется, можно предположить, что «свойственное нам», являющееся плодом нашей деятельности, созданное нами как социумом на протяжении нашей истории как раз и должно соответствовать нашим особенностям и потребностям. Однако оно могло быть в свое время и воспринято нами от кого-то другого. В этом случае, если оно отвечало нашим врожденным особенностям, то в силу обстоятельств стало затем родным, нашим. Если же не отвечало, то существует как вкрапление, инородное тело.

В примере, который послужил исходной точкой наших рассуждений, проблема понимается упрощенно. Елка, хоть и безусловно была в Польше ассимилирована, тем не менее не перестает быть чужой, поскольку имеет немецкое происхождение. Следовательно, здесь решающим оказывается

момент генезиса, он определяет, соответствует ли данная ценность характерным особенностям того или иного социума или же нет. Если она создана в Польше, поляками, то непременно соответствует польской натуре. Если создана не в Польше и не поляками, то натуре этой соответствовать не может.

Здесь, однако, можно предположить наличие более тонких разграничений. Плод деятельности чужой среды не может соответствовать особенностям среды польской, если они носят разный характер. Немецкая среда отличается от польской, следовательно, и плод немецкой культуры не может соответствовать польской культуре. И наоборот, можно предположить, что плоды деятельности среды, сходной по характеру с польской, могут быть ею ассимилированы.

Подобные схемы мышления обнаруживаются, если мы говорим о проблеме критериев, на основе которых ценности квалифицируются как свои или чужие. Дело обстоит проще, если речь идет о преобладании в данной среде своего над чужим или наоборот. В этом случае с точки зрения своего и чужого анализируются ценности, бытующие в данной социальной среде. Как правило, народные ценности противопоставляются ценностям высших слоев: первые считаются более «своими», а вторые — менее. Занимающие такую позицию исходят из принципа, будто высшие слои в силу самой природы своей исторической роли и социального положения подверглись чужим влияниям и приобрели космополитический характер. Отсюда убеждение — опирающееся, впрочем, на верные наблюдения — будто высшие слои следует поставить к позорному столбу за отрыв от родной почвы, за утрату связей с народными массами.

На подобных принципах основывается противопоставление деревенской культуры городской. Город по природе своей космополитичен, оторван от родной почвы культурного творчества, которое обязано своим характером и своеобразием деревне. Городская культура — культура разомкнутая, развивающаяся согласно космополитической модели, а потому, воздействуя на деревню, она нивелирует самобытность последней, уничтожает ее отечественный характер. Отсюда два шага до идей деструктивной роли большого города в истории национальной культуры.

Так формулируется интересующая нас проблема. Мы должны рассмотреть ее и убедиться, не лежит ли в самой ее основе некое недоразумение. Не следует забывать, что всякая теория, если она хочет быть признана верной, должна быть свободна от

внутренних противоречий и... соответствовать действительности.

III

В проблеме своего и чужого особое место занимает субъект, по отношению к которому та или иная ценность воспринимается как своя или чужая. Применительно к современной культуре таким субъектом чаще всего является народ. Таким образом, в этой проблеме решающую роль должна играть концепция народа. Среди имеющихся концепций особенно существенной представляется одна, поскольку она свойственна всем националистическим позициям, то есть тем, для которых особенно значимо противопоставление своего и чужого. Точнее говоря, здесь можно выделить целый ряд представлений, которые, однако, все вращаются вокруг одного фундаментального стержня. Стержень этот — концепция народа как метафизического бытия, персонифицированного в некой надличностной или внеличностной индивидуальности. Эта концепция восходит к идеалистической философии и романтизму, ее предзнаменовали идеи Гердера и Фихте, упрочила метафизика Гегеля и, наконец, с другой стороны, подкрепило влияние органических концепций. На эту тему существует богатая теоретическая литература, а в своей популярной форме данная идея служит основой всевозможных вариантов политического и культурного национализма.

В наиболее примитивном и одновременно наиболее распространенном понимании национальная индивидуальность возникла на исторической сцене со всем присущим ей комплексом психических или моральных черт, определяющих ее и характеризующих именно как личность. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, необычайно популярной, начиная с эпохи романтизма — проблемой национальной характерологии. Каждый народ обладает своими базовыми психическими особенностями, которые отличают его от других народов, определяют его бытие и развитие. Эти особенности словно бы заданы ему априори, это некий задел, с которым он входит в историю и согласно которому станет развиваться его судьба. Сохранение этих особенностей является миссией народа, которую он должен исполнить, поскольку эти особенности являются условием существования его как определенной индивидуальности.

Вся эта концепция, импонирующая своей поэтичностью, вызывает серьезные сомнения, если применить к ней аппарат

критической мысли. Наиболее сомнительна метафизическая персонификация. Попытки ее рациональной аргументации, как правило, ни к чему не приводят. Попросту говоря, никому еще не удалось представить логическое доказательство того, что такая личность существует, что она является не поэтическим гипостасисом, а реальным эмпирическим фактом. Даже наиболее рациональная попытка анализа, предпринятая Спенсером, не принесла никаких плодов. Спенсер оперировал здесь методом аналогии, имеющим большую ценность с точки зрения демонстрации явления, и минимальную — с точки зрения познавательной. Приверженцы идеи коллективной личности также обычно избегают аргументации и используют данный подход априори, точнее, как акт веры. Но в этом случае никакой научной дискуссии нет и быть не может. Если человек верит в миф национальной личности, и верит искренне, то никакие логические контраргументы его не переубедят. Таким образом, возникает ситуация, в которой можно или принимать данную концепцию на веру, или не принимать и искать для нее рациональной аргументации. Во втором случае ее будет нетрудно опровергнуть при помощи логических рассуждений и эмпирического опыта.

Однако во всей этой проблематике важное место занимает вопрос национальной характерологии. Речь здесь идет о базовых психических чертах. Напомним еще раз, что они должны быть даны априори и выражаться на протяжении всей истории нации. Идея базовых национальных черт выводит нас на весьма зыбкую почву. О каких именно чертах мы говорим?

Сама концепция психических особенностей, с которыми народ входит в историю, представляется чрезвычайно расплывчатой. Она предполагает наличие некой мистической начальной точки существования нации, в которой из архаического тумана истории выступает народ, обладающий определенными чертами, дарованными ему в результате какого-то таинственного и непознаваемого акта. Этот архаический туман истории, столь милый сердцу метафизиков, совершенно несовместим с уровнем современного научного знания.

Возможна, однако, еще одна позиция, на первый взгляд, более свободная от метафизики: эти национальные черты являются плодом хода истории, результатом определенных общественно-исторических процессов. Хотя они не перестают быть базовыми и не перестают определять «духовность» народа. Упрямый формалист не может не заметить в подобной позиции внутренних противоречий. Ведь если духовность

народа представляет собой результат его истории, то есть социально-психической эволюции, совершившейся во времени, то теряется смысл понятия базовых черт как фундамента, определяющего развитие народа. В этом случае остается скорректировать понятие базовых черт и ограничиться понятием национального характера, понимая под ним набор наиболее характерных черт и особенностей. Тогда рушится вся метафизическая основа данной концепции. Мы, впрочем, еще будем иметь повод убедиться, что даже будучи разрушенной, она все же пытается заявить о себе.

Что мы знаем о так называемых национальных чертах? Казалось бы, все говорит о том, что знаем мы о них много и что есть масса источников, которые позволяют нам такие знания получить. Однако можно ли утверждать это со всей определенностью? Конечно, существует целый ряд характеристик отдельных народов, бытует множество популярных суждений, описывающих характерные особенности данного национального сообщества. Впрочем, познавательная ценность такого материала минимальна. Если сравнить то, что поляк говорит о поляках, немец — о немцах, француз — о французах, а итальянец — об итальянцах, то, не считая фразеологического балласта, окажется, что все эти обиходные характеристики, в общем и целом, весьма схожи, а национальная специфика, выраженная в словесной форме, теряет свою четкость. В результате мы получаем ряд общих мест, которые никак не могут служить исходной точкой для научного исследования. Безусловно англичанин сильно отличается от поляка, а парижская улица обладает особенностями, которые неведомы улице берлинской. Каждая среда имеет свои характерные черты, свои психические особенности, отрицать это никоим образом невозможно. Однако путь от признания этого факта до концепции таинственной национальной духовности весьма далек, поскольку подобные концепции, даже отказываясь от метафизических предпосылок, все же не могут полностью без них обойтись. Ведь нам приходится согласиться с тем, что каждый народ как единое целое обладает ему только свойственным духовным обликом, что этот образ является не только результатом общественно-исторических процессов, но и доминантой этих процессов, их двигателем. Другими словами, невозможно избежать идеи примата этих черт и их своеобразной исключительности. Повторим еще раз — своеобразной исключительности, которая неотделима от вновь заявляющей о себе идеи индивидуальности или личности народа.

Все это далеко от позиции исследователя, стремящегося проанализировать психические черты той или иной среды в контексте общественно-исторических процессов, в контексте которых данные особенности сложились. Пользуясь сравнительным методом, анализируя психосоциальные комплексы разных социумов, относящихся иной раз к различным эпохам и территориям, мы приходим к выводам, которые решительным образом перечеркивают наивные характеристики и популярные стереотипы. С точки зрения своих психических особенностей, польская аристократическая среда оказывается гораздо ближе к среде французской аристократии, чем к польскому крестьянству. Грубоватый английский дворянин XVI века и его потомок в XIX веке — совершенно разные типы личности. Германец Тацита имеет значительно больше сходства с краснокожим американцем XVII века, нежели с современным немцем, если у них вообще есть что-либо общее. Более того, говорить о сходстве вообще следует с осторожностью. Если некоторые гитлеровские идеологи с гордостью заявляют, что немецкая молодежь уподобляется вандалам, то и здесь, если сходство в самом деле имеется, нужно избегать преувеличения. Вместо того, чтобы утверждать, будто в немецкой молодежи внезапно проснулись черты древних вандалов, нужно проанализировать, какие обстоятельства породили именно такие, а не иные психические черты этой молодежи, и каким обстоятельствам обязаны своими характерными особенностями вандалы. Скорее всего, в результате окажется, что вопрос не так прост, как это представляется на уровне наивной фразеологии.

Коллективная психология пока что является наукой *in statu nascendi*. Она блуждает впотьмах и будет блуждать, пока не возьмет на вооружение современный научный аппарат, пока не начнет исследовать интересующие ее явления как социальные феномены, пока не предпримет сравнительный анализ сообществ с точки зрения их социального положения.

Все эти размышления имеют фундаментальное значение для занимающей нас проблемы «свое/чужое». Только теперь мы можем подойти к ней с другой стороны.

IV

Стефан Чарновский в своем глубоком исследовании под названием «Культура» (журнал «Ведза и Жиче», 1932, тетрадь 10) проанализировал внегрупповой характер культуры и ее способность к распространению в пространстве. Этот феномен

как раз и является одним из основных моментов, определяющих сам факт ее существования. Будь то проявление так называемой материальной культуры (некое орудие) или так называемой культуры духовной (обычай, литературный сюжет, художественный мотив) — элементы культуры способны перемещаться с места на место, оказываться включенными в наследие различных групп, становиться частью их собственного культурного содержания.

Этот вывод может послужить исходной точкой для дальнейших размышлений. Каждая ценность, бытующая в данной среде, вошедшая в ее бытие — становится ценностью «своей». Всегда ли она была таковой? Вне всяких сомнений, подавляющее большинство ценностей, которыми живет в настоящее время данная среда, когда-то являлось не своими, а чужими. Но это не имеет значения. Для культуры данной среды совершенно неважно, откуда происходит данная ценность, важно лишь то, что она была воспринята и сделалась элементом наследия этой среды. А став локальной ценностью, включившись в ряд ценностей, бытующих в данном месте и в данное время, она приобрела самобытность, являющуюся результатом всего исторического процесса, всех общественно-исторических преобразований, которые происходили в данном месте, в данной среде. Мы говорим здесь о *couleur locale*, используем поэтическое понятие *genius loci* — и то, и другое определяет факт адаптации данной ценности средой, преобразование ее из чужой в свою.

Вся история культуры есть долгий процесс передачи и одновременно масштабный процесс усвоения ценностей. В этом масштабном процессе теряет свою значимость вопрос об их происхождении, и сам вопрос о генезисе оказывается совершенно беспредметным. Беспредметным, разумеется, лишь в одном смысле. Для историка культуры и для этнографа анализ перемещения культурных ценностей, проблема их преобразования во времени и пространстве — познавательная проблема первостепенной значимости. Но в области повседневной культурной жизни и повседневного культурного творчества проблема происхождения ценностей не имеет никакого смысла, а увлечение ею может легко привести к головоломным последствиям.

Несколько десятков лет назад, в эпоху Молодой Польши, мы искали наиболее «свое», наиболее польское проявление нашей культуры. Основываясь на критериях генезиса, мы предположили, что его следует искать там, где дольше всего сохранялась наиболее древняя, архаическая племенная

культура, менее всего подвергшаяся искажениям. Где же это могло быть, как не на Подгале, отгороженном горами от всего мира? В искусстве Подгале Виткевич, Мициньский и другие видели проявление вечной польскости, подлинной лехитской культуры.

Это оказалось недоразумением. Последующие исследования карпатских пастушеских культур показали, что по своему происхождению подгальская культура далека от исконного племенного польского наследия. Показали, насколько хронологически поздно прибыли на Подгале те ценности, которые в эпоху Молодой Польши считались лехитскими, что они восходят не только к непольским, но и вовсе неславянским источникам.

Трагедия ли это? Возможно, вышитые штаны были позаимствованы в XIX веке у венгерских гусар, но традиция эта стала частью местной культуры, была прекрасно усвоена гуралами, и как художественная и культурная ценность ничего по причине такого своего происхождения не теряет.

Мы говорили об огорчении автора статьи немецким происхождением елки. Удивительно это огорчение. Совершенно неважно, откуда она к нам пришла. Быть может, елка восходит к греческой ирезиионе? Пускай над этим ломают голову специалисты-исследователи. Для нас важно то, что елка стала или становится элементом польской обрядности (как и обрядности некоторых других народов), что она связана с определенными эмоциями и вызывает определенные переживания.

Повторим еще раз: нет такого «чужого», которое при определенных условиях не могло бы стать своим, и, с другой стороны, любое «свое» когда-то могло являться чужим. Нет никакого смысла ссылаться здесь на критерий генезиса. Игра в психологические и характерологические исследования приведет нас на бездорожье туманной метафизики. Жизнеспособная культура черпает свои соки из разных источников, вбирает и преобразует себе во благо самые разные ценности. Периоды величайшей культурной экспансии являлись одновременно периодами всестороннего и смелого использования всех «чужих» ценностей. Безусловно некоторые «свои» ценности в это время дремали или воспринимались как архаичные. Но развитие культуры есть постоянная переоценка ценностей, творческий приток одних и отток других. Страх перед чужим, если он не представляет собой средство самозащиты, лишь в некоторых случаях оправданное, сопровождается культурным застоєм, ослаблением творческой

потенции данной среды. В каждую эпоху живые и прогрессивные элементы жадно улавливают «новинки», элементы же старческие консервируются, замыкаются в кругу так называемого «своего».

Как правило, это защищаемое «свое» на самом деле еще недавно являлось чужим. Иные наши художники и критики искусства, борющиеся с современной французской живописью как якобы духовно нам чуждой, противопоставляют ей как пример проявления «своего» импрессионистскую или предимпрессионистскую живопись, которая пришла к нам из Парижа и Мюнхена, только на несколько десятков лет раньше. Старошляхетский сарматизм видел воплощение польскости в подбритых чубах, в кривых саблях, в контушах, то есть во всем том, что, безусловно, имеет отнюдь не польское происхождение.

Своим и отечественным считается то, что данная среда в свое время приняла и ассимилировала. Чем меньше она способна к дальнейшей культурной экспансии, с тем большим недоверием относится к новым ценностям, трактуя их как чуждые. Ранее принятый набор ценностей определил характер среды, ее облик, стал формой, в которой она воплотилась.

Лозунг борьбы с чуждыми ценностями зачастую декларируется как выражение страстной заботы о развитии культуры. Это забота фальшивая, и результатов она не даст. Жизнеспособное общество будет впитывать ценности вне зависимости от их происхождения. Общество нежизнеспособное замкнется в имеющихся и, возможно, защитит «свое», однако окажется не способно к развитию. Сознательная и целенаправленная борьба с чуждостью приводит к антикультурным последствиям и становится орудием, чаще всего невольным, прогрессирующего варварства.

Перевод Ирины Адельгейм

A.Hertz. *Swojskość i obcość*, „Wiedza i życie”, 1934, nr.2, s.121-129.

Александр Герц

Александр Герц родился в 1895 г. в Варшаве, а умер в 1983 г. в Нью-Йорке. Половину жизни он провел в США, где поселился в 1939 г. Изучал философию в Варшавском университете, преподавал социологию в Государственном институте театрального искусства (Варшава), в виленской Школе политических наук при Институте исследований Восточной Европы, а также в варшавском Государственном институте специальной педагогики. Научная деятельность переплеталась у него с популяризаторской — Герц сотрудничал с Польским радио (конкретнее, с редакцией просветительского вещания) и с такими журналами, как «Ведза и жиче» и «Дрога». Был, кроме того, инициатором исследований по социологии театра в Польше, но его социологические интересы были, безусловно, гораздо более широкими. Герц занимался также тематикой национализма, вождизма, антисемитизма и политики (книга «Миссия вождя», 1936). После эмиграции он печатался в парижской «Культуре» и опубликовал, среди прочего, книги «Американские политические партии» (1957), «Евреи в польской культуре» (1961), «Очерки об идеологиях» (1967) и автобиографию «Признания старого человека», над которой работал в 1976–1977 гг. Кроме того, уже после смерти Герца вышли два сборника его публицистики: «Социология без срока давности» (1992) и «Очерки о тоталитаризме» (1994).

Как подчеркивает Ян Гурский в «Предисловии» к наиболее важной работе Герца, книге «Евреи в польской культуре» (1988), характерный для ученого синтез научной и популяризаторской деятельности, а также ясность умозаключений и аргументации должны были служить построению гражданского общества и демократии: «Демократическое общество — это общество людей информированных и понимающих друг друга, это открытое общество, в котором различия в образовании не порождают замкнутости каст мудрецов и специалистов». В этом стремлении к ясности и точности можно видеть влияние руководителя кандидатской диссертации Герца, видного польского философа и логика Тадеуша Котарбинского, а шире — львовско-варшавской школы (Герц изучал философию в Варшавском университете, где в 1923 г. защитил диссертацию о Гегеле). Сам Герц дистанцировался от данного философского направления, ценя значимость связи между

иррациональностью и рационализмом как в жизни человека, так и в общественных формациях. Будучи свидетелем нескольких тоталитаризмов, он понимал, что объяснение проблем не означает их решения и что «история мысли есть прежде всего история человеческого безумия» (Ян Гаревич, «Введение» к сборнику «Социология без срока давности», 1992), но одновременно осознавал, что отсутствие или недостаточность знаний позволяет манипулировать людьми.

После смерти Герца Александр Матейко в 1983 г. подчеркивал в парижской «Культуре»: «Драма Герца заключалась в том, что, будучи евреем по происхождению, но одновременно человеком, глубоко преданным польской культуре, он болезненно переживал антисемитизм, который как бы сталкивал его на обочину, не позволял окружению в полной мере принимать его и позиционировал его в родной среде как чужого». Между прочим, именно по этой причине Герц столь ценил американское общество, которое было открыто эмиграции, и в то же время он поднимал в США национальную проблематику. В своем последнем тексте, написанном в 1981 г. для Конгресса польской культуры, который из-за военного положения так и не был прочитан, Герц утверждал: «Сегодняшняя Польша единообразна в национальном смысле. Она далека от национального — или же этнически-культурного — плюрализма прежней Речи Посполитой. [...] Я с беспокойством думаю, что такая чистота, что такой монолит несут в себе большие опасности для будущего. [...] Программное неизолирование других культур, программное обращение к огромному вкладу непольских культур бывшей Речи Посполитой — вот путь к оригинальности и богатству национальной культуры».

О книге Мечислава Порембского «Польскость и размышления»

Когда-то Анна Порембская, описывая в письме к подруге занятия своих ученых знакомых, обозначила профессию своего мужа так: «что касается Метека, то он занимается тем, что размышляет».

Чем же за свою долгую жизнь «занимался» профессор Мечислав Порембский? Теорией искусства и теорией информации, логикой и театром «Крико», семиотикой и Гроттгером, математикой и Матейко, всегда и неизменно рождающимся вокруг него и часто с его вдохновляющим участием — искусством. Искусством близких друзей: Кантора, Новосельского, Бжозовского, художников Краковской группы, членом которой он сам являлся. И искусством более дальним, например, Пикассо, с которым он в какой-то момент расстался. А кроме того, он жил «в этой стране» с ее культурой, историей, судьбой. Во всем этом, однако, он, по сути, «занимался тем, что размышлял».

Здесь я подвожу генеральный итог. Краковское «Выдавництво литерацке» запланировало целый цикл книг, составленных из давних, недавних и самых последних статей Мечислава Порембского. Первая книга цикла вышла под названием «Польскость как ситуация».

Сфера польскости

Кто сегодня пишет о «польскости»? В годы военного положения по инициативе независимых кругов среди художников провели опрос, в котором спрашивали о чувстве «польскости». Кто сегодня задает такие рискованные вопросы? «Польскость», как кажется, скомпрометирована популистскими лозунгами и лепперовским галстуком^[1], присвоена католическо-патриотической риторикой, сплавлена с ксенофобскими страхами, выветрена, как флаги, которые вывешиваются по поводу любого площадного протеста, расхватаана на нужды публицистики, в лучшем случае — пристыжена

припоминаемыми ей грехами. Однако вопрос о польскости нужно поднимать, особенно сейчас, ведь чтобы «войти в Европу» необходимо определить собственную идентичность. Не для того, чтобы защищаться ею от предполагаемой угрозы. Просто чтобы знать и чувствовать. Понимать, кто ты, особенно при встрече с другими.

Кажется, Мечислав Порембский пишет о «польскости» не обращая внимания на повсеместное злоупотребление этим словом. Если, как он, смотреть на «сферу польскости в мире событий» с широкой перспективы тысячелетней истории и охватывать взглядом пространство от рыцарских замков до кресовых боевых отрядов, то они, действительно, могут показаться незначительными инцидентами. «Ситуацию, называемую польскостью, — пишет Порембский, — обуславливает — по крайней мере, как я это вижу — существование (частично единой, частично живущей в диаспоре) духовной общности, которую сплачивают некие исторически сложившиеся символы, с которыми она отождествляет свое настоящее, свое будущее и свое достоинство». Символы, соопределяющие границы и сферу польскости, это МЕСТА, КНИГИ, КАРТИНЫ, ЗВУКИ, ВКУСЫ, ЦВЕТА. Рефлексия над ними приобретает различный характер, поскольку размышления Порембского никогда не ограничиваются одной областью, одним методом, одной системой.

МЕСТА называет топография изобильного края Длугоша^[2]. КНИГИ указывают на символообразующую роль языка, а также напоминают о том, что самую лучшую, не только нашу, фантазмагорию просвещения написал по-французски граф Ян Потоцкий, а наш кодекс моральных обязанностей Конрад сформулировал на английском. И что «современные живые и мертвые границы нашей польскости расширяют не только Парницкий и Кусьневич, Милош и Конвицкий, не только Бучковский и Стрыйковский, но и написанные на идише рассказы Исаака Зингера, а также формально принадлежащий к немецкой литературе «Жестяной барабан» уроженца Гданьска Гюнтера Грасса». Этот пример лучше всего показывает, что «польскость» в понимании Порембского — это часть европейского сообщества, никогда не определяемая по принципу свое/чужое.

С КАРТИНАМИ у нас не особенно сложилось — не без сожаления констатирует Порембский-искусствовед. Но несмотря на эту нехватку он пытается очертить сферу польской иконографии, начиная от сакральных образов Ченстоховской

и Остробрамской мадонн до XIX века, когда живопись была у нас возведена в ранг национального и пророческого искусства, и наконец, до современности: «карнавально-поминального Кантора, сарматского Бжозовского, православного Новосельского» и других близких ему художников. Что касается ЦВЕТА — Порембский напоминает, как давно и как многие считали красно-белый своим гербом, однако нашими национальными цветами они стали сравнительно недавно, только при последнем сейме Царства Польского, который утвердил их 4 февраля 1831 года, спустя две недели после свержения династии Романовых.

В этом проявляется любовь профессора к точным наукам: «белый — реакция на солнечный свет физической субстанции, которая рассеивает и отражает все виды солнечного излучения; красный — подобная реакция субстанции, которая рассеивает и отражает только излучение в пределах от 620 до 700 мм». Но цвета — это не только физические явления, существует также соответствующая категория психических и логически-языковых явлений, наконец, существует еще одна сфера — «та, в которой красно-белый холст, знак, графика становятся символами, объединяющими вокруг себя — а в каких-то случаях и создающими — определенное более или менее крупное человеческое сообщество». Лишь упомянув о ВКУСАХ и ЗАПАХАХ, особым вниманием Порембский их как-то не удостоил. Может, и к лучшему. Что в этих сферах спланирует наше сообщество? Вкус водяры и «чудный аромат» бигоса?

«Грех уныния»

Но вернемся к серьезным вещам. «Наше особое положение в Европе, — пишет далее Порембский, — обусловило формирование одной существенной черты, характерной для таких, как наша, исторически сложившихся ситуаций — постоянного чувства угрозы». Здесь же он всячески предостерегает от одностороннего понимания этой угрозы, которая составляет также существенный элемент польского «культа мученичества». Порембский указывает на то, что наряду с угрозой польскости существует также опасность со стороны самой польскости, опасность, которую наша апологетическая история не замечала и замечать не хотела, и которую мы начинаем осознавать только сейчас, видя обиды и травмы наших соседей — «молодых государств». Речь идет не только об угрозе экспансии. Это также опасность привлекательности, в основном, культурной, которая не переставала иметь значение даже во время разделов Польши.

И наконец, самая большая опасность — угроза польскости со стороны самой польскости и угроза польскости как отказ от нее. Что касается первой — «мало что здесь можно было бы дописать после Гомбровича, Виткация». А вторая? Это бегство — внутри страны или за ее пределами — в мещанскую приземленность или в «грех уныния». Удушливый в своей безнадежности фрагмент «Живых камней» Берента замыкает рассуждения о «польскости как ситуации». Диагноз ли это? Или предостережение? Ответа нет. «Такова ситуация — »?

В поисках гармонии

Ответ можно искать в других текстах книги. Перед нами — своего рода солилоквиум, монолог, разговор с самим собой, который автор ведет на протяжении двадцати лет. Книгу открывает речь, которую Мечислав Порембский успел произнести на прерванном введении военного положения Конгрессе польской культуры. Успел, поскольку в программе оно стояло в субботу, 12 декабря. Сейчас мы читаем этот текст с особым чувством, осознавая драматизм момента (в отсутствии этого понимания обвинял собравшихся выступавший в тот же день Анджей Вайда). И мы не перестаем задавать вопрос: насколько «эта страна», представленная тогда Порембским как «гигантский банкрот», изменилась? Вернули ли мы — как он говорил — хотя бы какую-то пространственную и духовную («по сути, это одно и то же») гармонию?

Но — спросим, выходя за пределы рассуждений Порембского — было ли что возвращать? Где и когда искать в Польше эту гармонию, которая заставляет прокладывать улицы и дороги, планировать площади, ровно возводить трубы, огораживать, наводить порядок, заботиться о том, что есть, проявляя уважение к старому, вместо того, чтобы с гордыней нуворишей вводить новое? В средневековых городах, построенных по немецкому уставу? В Комиссии доброго порядка^[3], в недолговечных урбанистических инициативах, предпринятых в первые годы Царства Польского? Порембский указывает на «градоборческие» факторы. А существует ли вообще польская «градотворческая» традиция? В чем причина пространственного хаоса Варшавы? Только ли в недоразвитости в XIX веке, в военных разрушениях и в «скоростных» автодорогах, построенных Гереком, кстати, рассыпающихся на глазах? Двадцать лет тому назад Порембский на конгрессе говорил о необходимости тотальной

инспекции страны «от замусоренных вершин Татр до загрязненных волн синей Балтики». Что сделано в этом направлении в Третьей Речи Посполитой?

Рисуя «этой страны картину (двенадцать лет спустя)», Порембский, как и все тогда, был полон веры: «что бросается в глаза, так это то, что багаж, кровью, потом ли, мухлежом ли вырванный у той обанкротившейся страны, начинает как-то заново укладываться, упорядочиваться, стабилизироваться». Бетонитовые стены штукатурятся, примитивные «кубики» домов, уродующие деревенские пейзажи, меняют форму, обстраиваются, накрываются крышей, многополосные магистрали, которые так не любил Порембский, обрастают «вполне приемлемо» заправками, гостиницами, барами. «В этом чувствуется какая-то мысль о будущем, какая-то возвращающаяся вера в то, что можно выжить». Хуже обстоят дела в архитектуре, где «шанс — и такое в истории случается редко — получили лишь создатели сакральных объектов. И в пейзаж страны прочно вошли удивительные сооружения. Костелы-районы и костелы-крепости, костелы-бункеры и костелы-палатки, костелы-лодки и костелы-дискотеки. Ежи Новосельский, который в этом разбирается, уверяет, что это костелы времен апокалипсиса, огражденные от зла, места самообороны, размноженная версия *Urbs Jerusalem Beata*^[4] конца света». И они останутся, даже когда развалятся массивы многоэтажек.

Страна халтуры?

Такой (не слишком лучезарный) оптимизм просвечивал у Порембского 10 лет назад. А сегодня? «Сегодня — это когда?» — спрашивал он на искусствоведческой конференции, посвященной «Искусству сегодня». Профессор вернулся здесь к своим давним рассуждениям о «границах современности», которые спустя несколько десятков лет нуждаются в пересмотре. Произнося свою речь в ноябре 2001 года, он хотя и говорил в основном об искусстве последних пятидесяти лет, но задавал вопрос, «которого сложно избежать. Вопрос, как все это соотносится с тем, что произошло недавно, 11 сентября 2001 года. Что это означало. Для меня, по крайней мере, знаменитая фраза из «Мертвого класса» Кантора — «вот и война» — прозвучала так, как будто ничего с той поры, со времени первой, потом второй войны, со времени самого спектакля не изменилось. Хотя изменилось все. Все. Изменился

и постоянно меняется окружающий нас мир, меняется его иконосфера». Так видит Порембский новую польскую иконосферу (напомним, это понятие когда-то ввел именно он): «Наши новые метрополии пока все еще не окрепли, в становлении их пространства — живительный хаос, полнейший переход к сверхкоду. Не надо далеко ходить. Достаточно, если вам это по пути, заглянуть на варшавские окраины, хоть бы в Тархомин. Здесь все стоит поперек, пост-корбюзьеровский спальный район обрастает постмодернистским эклектизмом. Есть и более престижное, индивидуальное жилье. Целые районы. Я когда-то следил за его трансформациями, сегодня и здесь я вижу много нового. Уже не виллы «в пикассах», не аркады лоджий, недавно еще модные. Теперь преобладает дворянская тема. Крыльцо, колонны. «Старопольское поместье по американской лицензии» — рекламирует строительная фирма.

Может быть, этот рекламный щит — суть новой польской ситуации? Пытаясь описать этот новый «непредставленный мир» (беспомощность литературы и кино перед «процессом трансформации» — это отдельная тема), Порембский не останавливается на внешнем виде. «Я хожу по этим прекрасным районам, в самой Варшаве или в далекой провинции, и думаю: это снаружи. А что внутри? Есть ли там место для картин?». Это вопрос критика, внимательного к судьбе современного искусства. Но хотелось бы спрашивать дальше. Что в головах? Что в сердцах? Старопольскость по американской лицензии? Или — как пишет Порембский в другом месте — «самодовольная самомистификация»? «Мы остались «среди своих», и нам немного страшно» — говорил он много лет назад. Как сегодня выглядит «свое», этот невралгический пункт нашей идентичности? Или, если позаимствовать выражение друга профессора, Тадеуша Ружевица, сегодня эта страна — «помойка, полная жизни и сюрпризов»? Или, скорее, страна вездесущей халтуры, в том числе и духовной, где «все поперек»?

Рассуждая о «польскости» и ее стереотипах, не обойтись без романтических мотивов. Их мы найдем в обширной рецензии на экранизацию «Пана Тадеуша». «Что такое романтизм в представлении современных поляков — прошу не спрашивать. Не знаю». Но — «жаль было бы, если бы его у них совсем не было» (кстати, здесь могла бы получиться очень интересная дискуссия Порембского с Марией Янион). Но что сделать, чтобы примером молодого польского романтизма был не Пимко^[5], а Пигонь^[6] и его советы? В этом исключительно теплом, сердечном тексте взгляды Порембского на «польскость»

сопоставляются с архипольской архипоэмой в той форме, в которой снял ее Вайда и сыграли актеры, возвращающиеся — он это подчеркивает — к своей «публичной» роли. Однако польскость всегда оказывается частью великой традиции, как возвращение Яцека Соплицы — возвращением Одиссея или бальзаковского Вотрена.

Польские гномы

Эти сюжеты, выдернутые из богатой и разнородной книги, могут создать впечатление, что Порембский склоняется к текущей, чуть ли не злободневной публицистике. Ничего подобного. Прежде всего, он сторонится идеологии и политики. «Что-что, а понятие родины не должно быть политизировано» — утверждает он, и это мнение парадоксальное лишь на первый взгляд. Но даже схватывая лежащие на поверхности эфемерные явления современности, профессор остается ученым, «занимающимся размышлениями». Ученым с невероятной разносторонней эрудицией, которой он сам полусуто, полусерьезно играет.

Уникальные черты его слога и мысли видны на примере рассуждения о логике гномов. Исходной точкой для них служат детские книги, прежде всего — «История о гномах и сиротке Марысе»^[7]. Порембский зачисляет гномов в область «четвертой религии», где нашли приют разные стародавние поверья, предрассудки, предчувствия, обряды». А затем приводятся Гуссерль, Ингарден, Хвистек, Виткаций, Левинас... За ними следует внучка профессора, согласная, как это свойственно детям, принять к сведению особый статус гномов.

Трехзначные (и более) логические высказывания — идея Яна Лукасевича^[8]. «Для описания мира гномов, однако, — заявляет Порембский, — эта система не особенно годится. Кажется, здесь подошла бы трехзначная, но иная, чем у Лукасевича, логика. Чтобы ее охарактеризовать, я буду, как обычно в таких случаях, использовать таблицу, в которой ноль (0) будет означать ложь, единица (1) — истину, а половина (1/2) — третье значение. Ее в крайнем случае можно назвать полуистиной, хотя речь идет вовсе не о половинчатости, а именно о чем-то третьем, что не является ни ложью, ни истиной, но о чем говорят». Профессор всегда любил графики и таблицы. Его студенты никогда не забудут схему «стилеобразующего, четырехмерного, 16-тифазного, бинарного (0,1), нормализованного пространства»,

описывающую «программы, поэтики, позиции, стили» современности в рамках довольно сложной идеальной структуры. Логические матрицы, описывающие гномов, гораздо проще. Вывод же — бесспорный: Конопницкая была права, «гномы есть на свете». Добавим — польские, разумеется. Какие еще могли столько натворить.

2002

Перевод Анастасии Векшиной

Мария Попшенцкая (1942) – историк-искусствовед, специалист в области искусства XIX века

Мечислав Порембский (1921 – 2012) – критик, теоретик и историк искусства XIX и XX веков

TYGODNIK POWSZECHNY

-
1. Анджей Леппер (1954–2011) — оппозиционный политик, лидер партии «Самооборона Республики Польша», носивший характерный патриотический — красно-белый, отсылающий к цветам национального флага — галстук. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Ян Длугош (1415–1480) — польский историк, дипломат, католический иерарх, автор «Истории Польши» в 12 томах.
 3. Комиссия доброго порядка — орган местной администрации в городах с королевской юрисдикцией Речи Посполитой (XVIII в.).
 4. «Блаженный град Иерусалим» (лат.)
 5. Пимко — герой пьесы Витольда Гомбровича «Фердидурка», учитель, лицемерный консерватор.
 6. Станислав Пигонь (1885–1968) — польский историк литературы романтизма, издатель и педагог.
 7. Книга польской писательницы Марии Конопницкой.
 8. Ян Лукасевич (1878–1956) — польский логик, один из главных представителей львовско-варшавской школы.

Пшибыльский: прочтение Мандельштама

Год тому назад скончался Рышард Пшибыльский, выдающийся польский литературовед, знаток творчества Федора Достоевского и Осипа Мандельштама. Мы публикуем текст молодого филолога Павла Мицнаса, который будет опубликован в готовящемся в издательстве “Sic!” сборнике, посвященном Рышарду Пшибыльскому.

Ред.

Мандельштам называл готовые стихи буквенницей. Записанное произведение вызывало у него отвращение. Неизменный и готовый текст — это текст мертвый и безличный. Ведь к буквам не добавить ни мимики, ни жестов, ни оттенков авторского голоса. А в одном из своих эссе он сравнивал произведение с брошенным в море письмом — письмом к людям будущих поколений, десятилетий, веков. В обоих этих высказываниях сквозит убежденность в том, что поэзия — это форма общения между людьми, разделенными в пространстве и времени. А может быть, даже больше — это встреча, в полном смысле этого слова — двоих людей. Ведь буквенница обладает таким свойством, что при ее прочтении оживает сам автор. «Чтение текста, который, в общем, представляет собой форму беседы — отмечает Рышард Пшибыльский — всегда происходит в настоящем времени, и потому «я» поэта, преобразованное в текст, всегда существует в Вечном Сейчас»^[1]. А если единственно доступная человеку вечность — это непрерывное общение, то таким образом одерживается победа над временем — ибо время, конечно, поглотит всех, но окажется бессильным перед духовным общением людей разных поколений, которое происходит именно в ходе обмена текстами.

Поэтому, хотя в физической реальности встреча Мандельштама с Пшибыльским не состоялась, после чтения текстов Профессора не остается сомнений в том, что эти двое очень хорошо узнали друг друга. След этого обмена мыслями

остался в таких текстах как «Благодарный гость Бога», «Et in Arcadia ego», «Вечная Россия. Мандельштам в 1917 году», а также в комментариях и примечаниях, разбросанных по различным изданиям сборников поэзии, писем и прозы, которые Пшибыльский готовил к публикации. Рассматривая это небольшое по объему, но богатейшее по содержанию наследие, можно заметить, что Пшибыльский искал тему, вокруг которой должна была вращаться поэзия русского акмеиста. Этот стержень творчества, эта *axis mundi*^[2] изменялась на очередных этапах жизни Мандельштама.

Еще до начала Первой мировой войны, на заре поэтической карьеры, Мандельштам усматривал центр мира в Риме. Это традиционный мотив классической или классицистической поэзии, которая в своих различных воплощениях всегда обращалась к началам европейской культуры. Достаточно очевидный троп, который может запутать читателя, сбить с истинного пути интерпретации. Пшибыльский, конечно, не позволяет себя обмануть. Мандельштам — это не еще один эпигон или сторонник аполлонического представления о древности, а творец, который хотел приспособить мир древних ценностей к миру современному. Этого нельзя было сделать простым способом — по принципу перенесения. Скорее, речь шла о таком преобразовании древнеримской, древнегреческой и христианской традиций, которое позволило бы им совместно функционировать в современности.

Кроме того, Профессор сохраняет недоверие к самой классификации и популярной дихотомии «классик — романтик». Он ссылается, например, на Эдгара Аллана По — ортодоксального романтика, который считал, что поэзия — это одновременно творение логики и воображения, мистицизма и расчета. Фигура Мандельштама также заставляет отбросить эту дихотомию. Пшибыльский указывает, что именно он (вслед за Андре Шенье) вернулся к истинной традиции классицизма, в которой труд и экстаз — две равноценных составляющих поэтического творчества.

К мотиву Рима Пшибыльский обращается как в эссе «Et in Arcadia ego», так и в книге «Благодарный гость Бога». Древний мир в обоих случаях функционирует как аркадия, то есть регрессивная утопия, в которую уже не войдешь, но на которую можно оглядываться с ностальгией. Память — это ключ для блужданий по лабиринтам современности. Воскресить прежний мир невозможно. Но, находясь в изгнании — подобно Овидию — можно воскресить Рим в памяти и в ее особой форме, то есть поэзии. Речь, конечно, идет не о Риме как месте

на политической или физической карте. Рим функционирует у Мандельштама как образ «всеединства» всех людей. Дадим слово самому профессору Пшибыльскому:

В будничном шуме Рима по-прежнему звучат все голоса космоса, в них по-прежнему слышится усталое дыхание Леонида, обороняющего Фермопилы, пение соловьев в чаще леса, осеняющего могилу Эдипа в Колоне, крик Виргиния, убивающего свою дочь.^[3]

Изгнание из Рима, таким образом, означает извлечение человека из священного сообщества, созданного памятью человечества. Пшибыльский рассматривает Рим у Мандельштама как «судьбу человечества», «весь мир», «парадигму единства», а также как пример действительности, в которой культура основывается на природе^[4]. В ранних стихах Мандельштама появляется и христианский Рим. В России с XIX века существовало два главных течения в размышлениях о католицизме. Первое выступало за изоляционизм и братство людей православного вероисповедания (наиболее выразительным примером может послужить здесь творчество Федора Достоевского после возвращения из ссылки). Представители второго течения были восхищены Римом, в котором они видели место, где поистине царствует Богочеловек Христос (к этому кругу можно причислить, например, Соловьева). Именно под влиянием Соловьева Мандельштам написал стихи о Риме из сборника «Камень». Появляющаяся там символика купола («Поговорим о Риме — дивный град! / Он утвердился купола победой») означает духовную общность нашей цивилизации, христианскую койнонию^[5].

Как Рим языческий (до Константина I Великого), так и Рим католический с Ватиканом в качестве столицы, были образцом политического уклада и четкой иерархии. Так понимает их и Мандельштам. Однако, что интересно, в его стихах можно почувствовать глубокую убежденность в том, что характерная для Рима дисциплина не ограничивает свободу, иерархия не унижает человеческое достоинство, а порядок — это источник животворного движения. Рим функционирует как надгосударственный сакральный центр, поэтому вносимый им порядок не может быть источником угнетения. Начало Первой мировой войны, а также октябрьская революция и захват

власти большевиками вынудили Мандельштама пересмотреть миф о Риме. Ведь оказалось, что теократическое светское правительство, обратившись к аналогичным аргументам, отсылающим к высоким понятиям, вместо того, чтобы действовать во имя свободы личности, присвоило ее себе ради потребностей системы.

Поэтому в следующей фазе творчества Мандельштама мы наблюдаем перенесение центра из Рима в направлении эллинизма, а затем в направлении каждого человеческого существа. Мандельштам понимал эллинизм как систему в бергсоновском смысле слова, то есть: «развернутый человеком вокруг себя веер явлений, освобожденных от временной зависимости и через его «я» соподчиненных внутренней связи». Задачей такой системы является раскрытие структуры сознания — а поскольку Мандельштам отождествлял сознание с мыслью, выраженной в языке — с этого момента он сосредоточился, главным образом, на вопросах, связанных с языковой коммуникацией.

Одним из главных элементов эллинизма является слово как таковое. Уважающий себя человек должен любить слово, поскольку сущность человека сокрыта в языке. Поэтому эллинизм — это любовь к филологии. Слово Мандельштам понимал как хлеб, растущий на опаре времени; а в одном из его стихотворений слово «растет как бы шатер иль храм» — то есть медленно, и с каждой секундой обрастая смыслами. Если слова наполняются содержанием музыки эпох, это значит, что поэт, умело пользующийся ими, способен оживить минувшие столетия.

Эллинизм как система, в представлении Мандельштама, заставляет смотреть на окружающую человека действительность, словно на дом. Эллинизм превращает безразличные предметы в орудия. Символы объединяют людей в борьбе против небытия и ничтожности. Они соединяют людей в «культуре, ставшей церковью»^[6], то есть являются функцией приобретения людьми исторического опыта. Отсюда уже очень недалеко до интереса к суровой, нагой жизни — ведь даже самый жестокий опыт обращается эллинизмом в опыт домашний. Наверное, это лучше всего показано в стихотворении о мытье в бочке:

Умывался ночью на дворе, —
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч — как соль на топоре,

Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова, —
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Таёт в бочке, словно соль, звезда,
И вода студёная чернее,
Чище смерть, солёнее беда,
И земля правдивей и страшнее.

Это произведение Надежда Мандельштам считала некой цезурой в поэтическом наследии своего мужа — с этого момента в стихах акмеиста стало появляться всё больше жизненных переживаний и всё меньше отсылок к хорошо известным классическим топосам. Что интересно, как бы часто ни менялись сюжеты, занимавшие мысли поэта, Мандельштам в течение более чем двух десятилетий так и не отошел от усвоенных в юности принципов творческого процесса. Его поэтическое воображение было особенным. Пшибыльский отмечает, что составляющими каждого стихотворения акмеиста были: во-первых, тема, выбиравшаяся абсолютно сознательно (например, Рим); во-вторых, иррациональный транс, становившийся возможным благодаря чародейству и заклинаниям (поэтому размер у Мандельштама очень часто традиционен, далек от экспериментов — ведь он должен раскачать воображение поэта, настроить на песенный лад).

В предисловии к одному из польских изданий сборников Мандельштама Пшибыльский пишет о воображении и образовании, которые представляют собой не противоположные, а взаимно дополняющие явления. Образование — это обживание культуры, необходимое условие для пресуществления поэтической материи и человеческого общения.

Звучание и значение слова воздействуют на образование, как искра на сухой хворост. Не бывает пожара воображения без предварительного культурного переживания. Не бывает новой жизни без старой традиции. Традиция — это движущая сила воображения. Поэт, прежде чем начать петь, должен подготовиться^[7].

Сила этой поэзии в соединении двух внешне противоположных составляющих — поэтического безумия и поэтического

ремесла. Мандельштаму всю жизнь сопутствовала убежденность в том, что стихотворение живет как музыкальная модель формы, предшествующая самому написанному произведению. Еще нет ни единого слова, а стихотворение уже звучит. О том, сколь важной для поэта была мелодия, возможно, лучше всего свидетельствует чудом сохранившийся фрагмент записи, на которой он декламирует свое стихотворение (фрагмент доступен на сайте «Двуйки», второй программы Польского радио) — мелодекламация местами переходит в пение.

Почти все стихи Мандельштама написаны в классических размерах. Четкий ритм, основанный на числе, был выражением акмеистического благоговения перед жизнью. Ведь Боги послали людям Пифагора, который установил, что основой музыки является математика, а форма — это мера и порядок. Из воспоминаний Надежды Мандельштам можно узнать, что все стихотворения Осип создал на ходу. Перипатетизм вовсе не был ни причудой, ни проявлением каких-то маловажных привычек. Его следует признать сознательным выбором — шаг есть мера и ритм; шаг позволяет физически, всем телом, войти в мелодию стихотворения.

Даже тишина у Мандельштама носит музыкальный характер. Иначе, нежели, к примеру, у Тютчева и романтиков, где молчание всегда означало критику языка как способа коммуникации (по их мнению, существовали некие эмоции, какие-то закоулки души, которые невозможно выразить словом). У Мандельштама тишина — это явление, в котором скрыта форма. Как Афродита рождается из пены, так музыка поэзии пробуждается из молчания.

Преклонение перед музыкой тоже имело программный характер. Выступая против модели поэзии, навязываемой неопарнасцами, Мандельштам отверг традицию *ut pictura poesis*^[8]. Как известно, для парнасцев (и их русских подражателей) картина греческого рая была разновидностью идеального, аркадийского пейзажа. С одной стороны, это увязывалось с античными буколиками, с другой — с прекрасной Темпейской долиной, великим вдохновением Пуссена, очарование которой пытались передать парнасцы во всей Европе. Мандельштам обращался к иной традиции классической поэзии, к мольбе (что по-древнегречески означало «танец-и-пение»). Согласно ей, слова всегда были связаны с музыкой и танцевальным ритмом. Таким образом, поэт не только напомнил о музыкальных началах поэзии, но и сформулировал своего рода манифест возвращения к

подлинной классической традиции, о которой не вспоминалось в течение многих веков.

Всему этому сопутствовало убеждение, фундаментальное для поэтики Мандельштама — убеждение в том, что стихотворение представляет собой акт любви. Поэзия — это подражание Богу, который сотворил мир именно из любви. Стихотворение всегда является свидетельством любви к человеческому существу (в частности, поэтому среди произведений поэта можно обнаружить множество посвящений самым разным женщинам).

Помимо этого, появляется немало других религиозных сюжетов, благодаря которым можно говорить о христианских корнях творчества Мандельштама. Такой темой является, например, интерес к ономатодоксии, ереси конца XIX — начала XX века (я употребляю это слово не в негативном смысле, ереси интеллектуально плодотворны, и за ними часто стоят свидетельства необыкновенной веры). Творцы имяславия, православные мистики, считали, что главным средством в борьбе за обожение человека является имя Иисуса. Это убеждение сопровождалось верой в то, что в самом имени Бога присутствует Бог. В этой христианской традиции нетрудно заметить элементы, родственные философии, последователем которой был Мандельштам, и которая усматривала сущность человека в речи. Сила слова и имени столь велика, что любовь обязана своим существованием именно им.

Поэт питал большую неприязнь к буддизму. Однако он не вникал в тайны этой дальневосточной религии, чтобы подвергать критике ее догмы, а, скорее, сделал из нее клише, которым определял все явления современности, которыми увенчались секуляризационные устремления современной промышленной цивилизации. Буддизм ассоциировался у Мандельштама с культом небытия, с бесплодностью. Проявлением буддизма был, например, позитивизм в науке. В этом месте проясняется также, почему Пшибыльский называл Мандельштама «благодарным гостем Бога» — потому что стихотворение представляет собой акт любви. Творить, строить, писать означает бороться с пустотой, гипнотизировать пространство, вслушиваться в музыку поколений; поэзия — это межчеловеческая связь поверх поколений. Стихотворение обладает силой воскрешения — ведь поэт был убежден, что, когда он пишет, то прогуливается среди «милых теней», то есть людей, которые ушли, но благодаря поэзии, пусть лишь на мгновение, появляются вновь.

При этом нужно отметить, что метафизический горизонт Мандельштама не описывал более широкий круг, нежели горизонт физический. Поэт считал благословением три измерения пространства. Он никогда не тосковал по иному миру или сверхчувственной действительности. Мир он рассматривал как дар Бога. Все, кто его отвергает, были для него неблагодарными по отношению к Создателю — как же можно жить за счет хозяина и не благодарить его? Хвалу видимому миру можно наблюдать уже в самых ранних стихотворениях поэта, например, «Только детские книги читать...» или «Дано мне тело — что мне делать с ним...». Поэтому Мандельштам с таким презрением относился к символистам, для которых действительность и настоящая жизнь всегда простирались где-то «там», «за завесой». Символизм оскорблял Создателя, потому что нельзя любить Художника и в то же время пренебрегать его творением.

Мне также кажется, что это как раз та точка, в которой берет свое начало знакомство Рышарда Пшибыльского и Осипа Мандельштама. Ведь о похожих убеждениях польского Профессора свидетельствует не только вдумчивая интерпретация произведений акмеиста, но и другие тексты, например, «Пустынники и демоны», в котором Пшибыльский не представляет анахоретов в качестве праведных священнослужителей, но, скорее, показывает, что отшельники, отвергая телесность этого мира, отвергали дары Создателя. Аскеза ведет к безумию, которое не соединяет с Богом, ибо отсекает человека от мира. Так что во времена, когда людям нравится приписывать все заслуги своим возможностям, своему потенциалу, два героя моего текста проявляют себя как великие учителя необыкновенно трудного искусства — искусства благодарности.

-
1. R. Przybylski, «Wdzięczny gość Boga. Esej o poezji Osipa Mandelsztama», Paris 1980, s. 127.
 2. Axis mundi (лат.) – ось мира – Примеч. пер.
 3. Там же, стр. 17.
 4. Здесь речь идет о строках из стихотворения «Природа — тот же Рим...», где три символических элемента древнеримской культуры (цирк, колоннада и форум) соответствуют трем элементам природы (голубой купол неба, роща и поле).
 5. Койнония — в ранней христианской церкви общение с Богом, Иисусом Христом, Святым Духом и между собой – Примеч. пер.
 6. Из статьи О.Мандельштама „Слово и культура».

7. R. Przybylski, Uwagi o poezji Mandelsztama, [w:] O. Mandelsztam, Poezje..., op.cit., s. 6.
8. Ut pictura poesis (лат.) – Поэзия – как живопись (Гораций, "Наука поэзии") — Примеч. пер.

Споры о Достоевском

Ежи Стемповский о книге Рышарда Пшибыльского

В архиве Литературного института в Мезон-Лаффите, в одной из папок, содержащих часть наследия Ежи Стемповского, находится его до сих пор не опубликованный фельетон, прозвучавший 6 сентября 1966 года по «Радио Свободная Европа» и подписанный, как обычно, псевдонимом Павел Гостовец.

*

В сегодняшнем выпуске нашей программы, посвященном культуре, вы услышите вначале литературный фельетон Павла Гостовца о книге Рышарда Пшибыльского «Достоевский и “проклятые вопросы”». Затем Станислав Балинский из Лондона расскажет о новых изданиях, недавно появившихся на книжных полках в Англии. В конце выпуска мы вместе с вами перелистаем новый, сдвоенный номер лондонских «Ведомостей», датированный 28 августа – 4 сентября.

Несмотря на близкое соседство с Россией и распространенность знания ее языка, в Польше интерес к русской литературе всегда был невелик. Ученые-специалисты по ней были редкостью. В межвоенный период их насчитывалось трое. Это были: Мариан Здзеховский в Вильно, Вацлав Ледницкий в Кракове и Кароль Заводзинский в Варшаве. Единственная кафедра русистики находилась в Кракове, где Ледницкий, прекрасный преподаватель, собрал небольшую группу слушателей. Должно быть, с тех времен мало что изменилось, так как ученые знатоки русской литературы по-прежнему немногочисленны. Мы уже обсуждали здесь книги Анджея Валицкого и Виктора Ворошильского. Недавно к ним прибавилось новое имя. Это Рышард Пшибыльский, чья работа о Достоевском сразу же получила признание славистов. Недавно я слышал, что ее автор был приглашен читать лекции в один из крупных американских университетов.

Книга Пшибыльского озаглавлена: «Достоевский и “проклятые вопросы”». Мы находим в ней портрет русского писателя как мыслителя, свидетеля и участника философских и

идеологических дискуссий середины XIX века. Автор не занимается подробно ни биографией Достоевского, ни художественной стороной его произведений. Несмотря на тематическую ограниченность, труд Пшибыльского весьма обширен. Вышедший сейчас том представляет собой первую его часть, охватывающую произведения Достоевского до 1866 года, то есть до «Преступления и наказания».

На польском языке труд такого рода — это нечто новое. Он более соответствовал бы интересам читателей западного мира. Ведь между восприятием Достоевского в Западной и Восточной Европе сразу наметились некоторые различия.

Русских и польских читателей Достоевский привлекал своим стихийным талантом и полным неожиданных поворотов повествованием. В то же время, мир его идей вызывал многочисленные возражения. Для либеральной и увлеченной революционными течениями интеллигенции Достоевский был писателем реакционным, писателем из враждебного лагеря. Различия в оценках Достоевского в Восточной и Западной Европе стали мне ясны при разговоре с Дмитрием Философовым, большим знатоком литературных вопросов, другом Мережковского и одним из основателей Религиозно-философского общества в Петербурге. Как раз приближалась пятидесятая годовщина со дня смерти знаменитого русского писателя, и я спросил у Философова, не будет ли уместным посвятить автору «Бесов» один вечер в литературном клубе, в котором мы состояли. Философов ответил на это: «На мой вкус, я бы оставил Достоевского в покое. Мы читали его в наши гимназические годы, провели над ним немало бессонных ночей. Мне и, наверняка, вам этого достаточно. Оставим его французам и немцам. Пусть исследуют его, углубляют, обсуждают». Философов относил Достоевского к категории явлений, называемых им „*cuir de Russie*”^[1], к предмету, который для русских пахнет юфтью, а у французов является названием изысканных духов.

С Достоевским и русской литературой вообще западные читатели познакомились в конце прошлого столетия, когда Эжен-Мельхиор маркиз де Вогюэ издал первую в своем роде книгу о русском романе^[2]. Это было вскоре после создания франко-русского альянса. Франция заключила союз с Николаем II и рассчитывала на долговечность монархии в России. На русские свободолобивые движения смотрели с подозрением. Так что реакционность Достоевского не вызывала никаких возражений.

Художественная сторона романов Достоевского не содержала никаких откровений для западных читателей. Если бы нам захотелось отнести их к какому-либо определенному виду романа, мы поместили бы их среди популярных романов, предназначенных для самой широкой публики. Автором такого рода был Дефо, который первым попытался жить с продажи книг, обходясь без меценатов. Чтобы привлечь публику, такие романы должны были отвечать трем требованиям: обладать занимательным, стремительно развивающимся сюжетом, создавать иллюзию реальности и волновать читателя. Романы такого типа редко принадлежат к великой литературе.

В творчестве Достоевского западные читатели видели, прежде всего, документ, освещавший внутреннюю жизнь человека бунтующего, кающегося, наконец, смирившегося с ненавидимым всеми царизмом. Достоевский был для них ключом к пониманию непрозрачной для Запада так называемой русской души. Этот ключ используется до сих пор. Например, то, как на Западе объяснялось поведение обвиняемых на знаменитых московских процессах, имело, кажется, свой источник в чтении Достоевского. Наконец, Достоевский был вовлечен в область современных философских дискуссий и признан, наряду с Кьеркегором, одним из предтеч экзистенциализма.

Для своей работы Пшибыльский просмотрел огромный массив литературы по предмету. Как упоминает он сам, это заняло у него восемь лет. Не уверен, полностью ли он использовал с таким трудом собранный материал. Превыше всего Пшибыльский ценит книги, отвечающие научным правилам марксистской школы, и неоднократно с пренебрежением отзывается о том, что называет вольными рассуждениями на тему Достоевского. Благодаря такой установке, он легко проходит мимо заслуживающих внимания проблем.

Так, например, он едва упоминает проблему действительного или мнимого родства Достоевского со школой экзистенциалистов. Возможно, он считает эту тему недостаточно марксистской, либо относит ее к низкопробным досужим рассуждениям. Недооценка этой темы влечет за собой пробелы в его библиографическом материале. Например, ему незнакома дореволюционная книга Льва Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», хотя она могла бы, по разным причинам, его заинтересовать. Впрочем, она незнакома не только Пшибыльскому. Правила дисциплины запрещали советским исследователям ссылаться на

дореволюционные работы. В неразрывности литературы возник чувствительный пробел, и многие книги исчезли из памяти нынешних поколений. Так что мы прощаем автору эти, быть может, невольные недомолвки и недосмотры.

Книга Пшибыльского – прекрасный путеводитель по литературным и философским дискуссиям в России времен молодости Достоевского. Продираясь сквозь чащу цитат, читатель получает некую, возможно, немного хаотичную, картину интеллектуальной жизни николаевской России и даже может приблизительно представить себе дискуссии Достоевского с друзьями. Автор уделяет особое внимание следам мыслей Канта, Гегеля, Штирнера и Фейербаха в творчестве Достоевского. Содержание книги складывается в следующие циклы вопросов: романтические традиции, начала консерватизма, критика социализма и христианские идеи в произведениях Достоевского. Книга заканчивается пространным анализом «Преступления и наказания» как конфликта между Истиной разума и Истиной веры.

Это был фельетон Павла Гостовца на тему культуры.

Говорит польская радиостанция – «Радио Свободная Европа».

*

Иногда то, как выносит свои суждения Ежи Стемповский, может показаться загадочным. Трудно согласиться с часто повторяемым в отношении Стемповского мнением, будто он всегда был безразличным и объективным наблюдателем, хладнокровно и осторожно выражавшим свое мнение так, чтобы не исказить общей картины вещей. Скорее, будучи ценителем искусства и литературы, он просто руководствовался собственным вкусом и читательским опытом, выбирая и оценивая с этой перспективы прочитанные книги, не как профессиональный рецензент, зависимый от всей издательской машины, подчиненной жестким правилам конъюмеризма, а скорее, как читатель по своему выбору и убеждениям, который, как сам он писал, «в половодье выходящих книг уклоняется от принятия на себя обязанности читать все новинки»^[3]. Уклоняясь от этой обязанности, он протестовал против коммерциализации литературы в целом, но обращал внимание и на то, что сама функция рецензии как формы критически-литературного высказывания постепенно сводилась, как мы сказали бы сегодня, к маркетинговой роли.

Ежи Тимошевич в «Заметке редактора» к «Очеркам для «Радио Свободная Европа» писал, что: «В радийных рецензиях [Стемповский] был, скорее, сдержан в оценках, самым важным для него было представить книгу (порой с помощью обильных цитат) и определить ее место в литературной традиции, а также в предшествующем творчестве автора. Он редко вступал в полемику, а критические замечания высказывал тактично, иногда с легкой иронией»^[4]. Действительно, обычно так и бывало, если Стемповский ограничивался лишь ролью рецензента. Делал он это время от времени, скорее, по особой просьбе, либо во имя т.н. высших целей. А тогда речь шла о вопросах, принципиальных для Стемповского как литератора эмиграции, об информировании польских читателей, в особенности эмигрантов, и ознакомлении их с новыми произведениями отечественной литературы.

В письме от 6 мая 1961 года, о котором Ежи Тимошевич также упоминал в «Заметке редактора», Стемповский писал Марии Домбровской о жалком, в общем, состоянии разделов рецензий в эмигрантских журналах: «Эмигрантские новинки обсуждаются как бы вынужденно, из чувства солидарности и ощущения угрозы для существующих издательств, но отечественные новинки являются постоянным предметом разговоров и интереса». Одновременно он информировал писательницу о выгодном предложении РСЕ, заказавшего ему рецензирование книг из-за железного занавеса.

Среди нескольких десятков позиций, которым уделил внимание Стемповский, оказались романы, рассказы, сборники стихов, дневники, воспоминания и научные публикации. А среди авторов, отмеченных эссеистом, особое место заняли: Леопольд Бучковский, Марек Хласко, Станислав Пентак, Виктор Ворошильский, Изабелла Чайка-Стахович, Анна Ковальская, Станислав Лем, Генрик Гринберг, Ян Котт, Анджей Валицкий и еще многие, кого стоило бы упомянуть, но уже в другой раз.

Трудно однозначно определить, действительно ли, с точки зрения формальной структуры, рецензии, написанные Стемповским для РСЕ, соответствовали всем жанровым требованиям, предъявляемым именно к этой форме публицистического высказывания. Не определил этого в своей «Заметке редактора» и Ежи Тимошевич, который, характеризуя обсуждаемые Стемповским отечественные

книги, попеременно использовал и, из чего можно заключить, рассматривал как равнозначные, термины «рецензия» и «фельетон». Редакция РСЕ, о чем свидетельствуют машинописные копии, содержащие объявления диктора, использовала весьма произвольную терминологию, называя передачу то «фельетоном», то – «литературным фельетоном», или же, ни к чему не обязывая, «разговором». Столь же либеральным в этом вопросе был и сам Стемповский, для которого рецензия фельетоном не была, но всегда могла в него переродиться. Так, похоже, произошло и в случае обсуждаемой Стемповским книги Рышарда Пшибыльского «Достоевский и “проклятые вопросы”».

Чтение этой «рецензии» может вызвать у читателя некоторое замешательство. Она производит впечатление текста, еще окончательно не отредактированного, неполного, к тому же написанного автором на скорую руку, и в точности неизвестно, о книге ли Пшибыльского, на что явно намекает первый абзац. Удивляет непропорциональная расстановка акцентов между отдельными сюжетами. Может даже показаться, что к труду Пшибыльского отношение здесь снисходительное, что он, в принципе, послужил Стемповскому лишь предлогом для разговора о фундаментальных для него вопросах, если вести речь об одной из многих стихий, в которую он был глубоко погружен, а именно о русской культуре со всей массой писателей, мыслителей, живых и вымышленных героев, столь важных для Стемповского – мыслителя, эссеиста и, наконец, представителя интеллигенции.

Каждый из нас в большей или меньшей степени одержим. Часто, говоря о принципиальных для нас вещах, мы повторяемся, иногда бессознательно, в другой раз с полным осознанием жеста повторения и его роли. То же происходило и со Стемповским. Время от времени, читая его письма, эссе, театральные рецензии или литературные очерки, мы встречаем одни и те же или подобным образом звучащие фрагменты. Они касаются всех сфер жизни, близких эссеисту, которые впоследствии приобретали соответствующую форму в его творчестве. Что-то также нашлось бы для литературоведов и культурологов, историков идей, театроведов и меломанов. Возможно, кто-то когда-нибудь возьмется за их упорядочение, чтобы создать нечто вроде словаря Стемповского или каталога его нереализованных проектов, определенно нуждающегося в специальном и широком изучении.

В этом случае «рецензия» Стемповского кажется собранием многих не исчерпанных им тем, которые вдруг напомнили о

себе в контексте чтения «Достоевского и “проклятых вопросов”». Стоит приглядеться к ним поближе, поскольку они нуждаются в развитии и дополнении, лучше всего в виде глоссы. Естественно, она не будет иметь решающего характера. Не станет вкладом в пропедевтику процесса суждения у Стемповского, не раскроет досконально причин, по которым один из наиболее выдающихся польских эссеистов не высказывался во весь голос о явлениях, признаваемых специалистами бесценными для современной литературы, а, скорее, упрямо цеплялся за «свои темы», порой отдающие нафталином. В лучшем случае, у читателя возникнет несколько иное представление об отношении Стемповского к книге Пшибыльского, более непосредственное. Для порядка, имея в виду ярко выраженный полемический элемент, на котором зиждется дискурс Стемповского о книге Пшибыльского, следует признать, что перед читателем именно фельетон.

Выражался он о ней неоднозначно, можно даже сказать, немного причудливо. Она вызывала у него смешанные чувства. Он неуверенно причислил Пшибыльского к узкому кругу польских знатоков русской литературы, ссылаясь больше на «признание прочих славистов». И без особой убежденности, поскольку апеллировал к аксиологически сомнительной для себя категории новинок. В некотором смысле, он маргинализировал эту книгу, приписывая ей мнимую ценность. В одном из абзацев он явно подчеркивал, что, хотя публикация Пшибыльского и обладает достоинствами новинки, если говорить о работах такого типа на польском языке, но все же она не может рассчитывать на глубокий интерес польского читателя. Почему? Ответ на этот вопрос без труда можно найти в следующих абзацах фельетона Стемповского. Речь идет о причинах, по которым он занял наступательную позицию в отношении «Достоевского и “проклятых вопросов”».

На прочтение книги Пшибыльского повлиял кругозор опыта Стемповского, непосредственно основанного на его личном восприятии произведений Достоевского, а также на взаимоотношениях с живыми людьми, авторитетами и духовными лидерами, имевшими значительное влияние на становление сознания Стемповского, причем не только в аспекте отсылок к пространству, подпадающему под русскую идиоматику. Речь, конечно, идет об упомянутых в фельетоне Дмитрие Философове, одном из создателей польско-русского дискуссионного клуба «Домик в Коломне», и Льве Шестове, которого эссеист считал одним из «самых глубоких знатоков» творчества автора «Преступления и наказания», и который, на

что указывал Цезарий Водзинский, «рассматривал интерпретируемые явления инструментально, используя их как средство для собственного философского высказывания»^[5].

Беседа с Философовым, основные контуры которой представлены в фельетоне, должна была происходить в «литературном клубе, в котором мы состояли», то есть в «Домике в Коломне». По-видимому, она случилась между 1934 и 1936 годами, когда проходили встречи на ул. Хотимской. В таком случае, память немного подвела Стемповского. Некоторые приведенные им факты взаимно исключают друг друга. Вероятно, этот разговор имел место значительно раньше. А именно, скорее всего, незадолго до 50-й годовщины со дня смерти Достоевского, в середине 1931 года в Кракове, во время симпозиума о Достоевском, организованного Вацлавом Ледницким и Марианом Здзеховским, на котором Стемповский был одним из выступавших. В тот раз он прочитал лекцию под названием «Поляки в романах Достоевского»^[6]. Возможно, уже тогда, во время дискуссий в кулуарах, у Философова мелькнула мысль о необходимости создания удобного места для встреч поляков и русских.

В своем фельетоне Стемповский не признается, что в 30-е годы он все еще живо интересовался вопросами, которые для него и русских уже, по словам Философова, пахли юфтью, принадлежали к видениям юных лет, а для французов и западных читателей в целом были чем-то вроде “Cuir de Russie”, изысканных духов, выпущенных Коко Шанель. Философов считал тогда, что чтение Достоевского, знатока русской души, может быть слишком опасным и угнетающим для соотечественников в эмиграции, и так уже, из-за своей неопределенной ситуации, склонных погрузиться в состояние бездействия, совершенно беззащитных перед «проклятыми вопросами», которые задавал русскому народу Достоевский. Философов в то время решительно стоял на стороне дела, а не созерцания, органически противоречившего воле к действию. Возможно, потому, что во время февральской революции он сам ушел в «подполье», по слухам, проведя этот период на диване, замкнувшись в границах собственных мыслей. За их пределы он вышел, приняв решение об эмиграции.

Стемповский не разделял энтузиазма Философова относительно активизма, и по этому поводу между ними неоднократно разворачивалась резкая полемика. Русского раздражало пассивное отношение к действительности, он считал Стемповского эстетом, наблюдающим текущие события

со слишком опасной, по мнению Философова, дистанции. Но для автора «Эссе для Кассандры» эта дистанция была необходима, он всё еще пытался, во всеобщей нарастающей моральной сумятице, понять природу социальных и политических перемен. Он вновь поднял проблему действия и созерцания, которая представляла собой постоянную исходную точку в дискуссиях, ведшихся в России с XIX века, как среди консерваторов, обычно отождествляемых со славянофильскими концепциями, так и среди западников, открытых для реформ в европейском духе. Стемповский в то время был на стороне «лишних людей», изображавшихся в русской литературе в виде личностей, проникнутых глубоким скептицизмом, лишенных иллюзий, отправляющихся в добровольное изгнание. Родимые пятна лишнего человека носил на себе и ненавидимый Достоевским герой его «Записок из подполья». Притом, что обитатель подполья, в отличие от «лишнего человека», уже не искал лихорадочно той разорванной преемственности между словом и делом – это мы знаем из прочитанного. Нам приходится довольствоваться этим суждением. Ведь в нашем распоряжении лишь версия «Записок», изуродованная цензором, который, вырезав фрагменты о духовном обновлении обитателя подполья, безапелляционно обрек его на ад нигилизма.

Когда мы читаем публицистические тексты Стемповского второй половины 30-х годов, то может возникнуть впечатление, что иногда он подражал дискурсу подпольного человека, создавая коллективный портрет тогдашнего общества в упряжке прогрессистского духа, который неизбежно потянет всех по направлению к пропасти. И, подобно подпольному человеку, выражался о своих современниках с едкой иронией и отвращением, отстраняясь от тонущего в абсурде мира.

Герои Достоевского не обязательно раскрывали перед Стемповским бездны русской души, впрочем, эссеист и не хотел исследовать их, сдержанно относясь к т.н. психологизму, всяческим аффективным теориям. Творчество Достоевского оказалось настолько универсальным, а его герои настолько аллегорическими, что в богатстве представлений, которые они собой подразумевали, он мог усмотреть разрушение основ западной парадигмы с ее платоново-аристотелевым обличем. Иудео-христианская традиция была ему недоступна, по крайней мере, в аспекте концептуализации явления кризиса. Сам он как-то сказал, что его жизнь, возможно, сложилась бы иначе, не прочитай он слишком рано Юлиана Отступника. Как «заложник Афин, эллинского логоса» он не мог согласиться с

тезисом Пшибыльского, впрочем, упоминаемым им в конце фельетона, о том, что в «Преступлении и наказании» изображен конфликт Истины разума и Истины веры. Такого аспекта он для себя не допускал. Для него трагедия Раскольникова состояла в неразрешимом конфликте Истины разума и Истины воли, точнее в хюбрис^[7] Воли, вступившей в схватку с Разумом. В определенном смысле, Раскольников был для Стемповского реинкарнацией подпольного человека, который, выйдя из своего уединения, не может возвратиться к жизни иначе, нежели через безусловное, абсолютное действие. На совершение преступления он решается также, чтобы вернуть порядок на земле, утраченную связь между словом и делом.

Стемповский откровенно сомневался в истинности духовного обращения Раскольникова, отдаляя тем самым его от возможности искупления в смысле христианской эсхатологии. По его мнению, Раскольников застрял в своей диалектике. Единственным источником его страданий, как писал автор «Эссе для Кассандры», было то, что он «погиб так слепо, легкомысленно и глупо, в результате такого слепого рока, что ему пришлось покорно вынести всю бессмысленность этого приговора»^[8]. Порыв Воли не сверг с трона Разум. Тезисы о Раскольникове он представил участникам дискуссии в «Домике в Коломне», как можно догадаться, к возмущению Философа.

Самым серьезным упреком Стемповского в отношении книги Пшибыльского была маргинализация связи Достоевского с экзистенциализмом. В этом месте обвинительный тон Стемповского достигает зенита. Автор «Эссе для Кассандры» метил в предметный слой «Достоевского и “проклятых вопросов”», подвергая сомнению, в первую очередь, научный метод, избранный Пшибыльским, наконец, прямо касаясь личности автора. Рецензент безжалостно наклеил Пшибыльскому ярлык марксистского ученого, пренебрегающего дискурсом свободной и независимой мысли. Этот железный аргумент не в пользу книги Пшибыльского основывался, прежде всего, на отсутствии рассуждений Льва Шестова о Достоевском, точнее, ссылок на его книгу «Достоевский и Ницше. Философия трагедии», для автора которой, о чем писал Цезарий Водзинский, единственным методологическим ориентиром было «самоволие», то есть индивидуальное суждение, противоречащее суждениям

общим. Отсюда утрированное возмущение Стемповского в адрес Пшибыльского, который, говоря все-таки о «проклятых вопросах» автора «Преступления и наказания», вновь их институционализировал, вывел из подполья и ввел в общий оборот, указав на их универсальность. Несмотря на то, что задавать принципиальные вопросы не считалось тогда хорошим тоном и могло дорого обойтись. Этого, похоже, Стемповский заметить не пожелал.

Бесспорно, Шестов был для Стемповского самым проницательным читателем Достоевского. Готовя доклад о «Поляках в романах Достоевского» для симпозиума в честь русского писателя в 50-ю годовщину его смерти, он не преминул напомнить философу об этом, одновременно спросив о его мнении на тему предмета подготавливаемого им выступления. «Мне кажется, что я нашел объяснение отвращения Дост. к полякам. Так как у меня нет возможности в короткий срок, который мне был дан для этой работы, и ввиду отсутствия в Варш. необходимых книг, обдумать до конца основную мысль моей статьи, то у меня возникли сомнения, правильно ли я понимаю Достоевского. Я считаю Вас, многоуважаемого Л. И. самым большим знатоком внутренней духовной стороны творчества Дост., и я решил обратиться Вам с просьбой сказать мне, считаете ли Вы мое толкование правильным, или по крайней мере возможным, – или же Вы объясняете как-нибудь иначе особое отношение Ф.М. к полякам»^[9]. Этот фрагмент содержится в неоконченном черновике письма Стемповского к Шестову. Трудно сказать, получил ли он на него ответ. Во всяком случае, это убедительное доказательство того, что эссеист некритично полагался на мнение Шестова, который посвящал свою философию обитателям подполья, всем униженным, лишенным идеализма и материализма.

Для рассмотрения остается еще последний вопрос, быть может, наиболее очевидный. Стемповский иначе написал бы эту книгу о Достоевском, применив собственный ключ. Много лет он носился с намерением создания большого труда о творчестве автора «Бесов». Об этой идее известно из его переписки с Ежи Гедройцем. Впрочем, ее зачатки имеются в фельетоне о книге Пшибыльского, хотя бы в абзаце о художественной стороне романов Достоевского.

Еще в конце 40-х годов Ежи Гедройц выдвинул идею монографического номера «Культуры» о вопросах, связанных с Россией. В нем обязательно должен был появиться очерк о Философове. Стемповский считал, что лучше всего о нем могли бы написать самые близкие люди из его круга, то есть Юзеф и

Мария Чапские. Самому ему хотелось пристальнее рассмотреть связь между книгами Дефо и Достоевского. Он писал: «Это неизвестная доныне тема из истории литературы, касающаяся развития т.н. народного романа. Я напишу это даже в Риме, поскольку у них здесь есть две книги, представляющие собой ключ к этой теме, т.е. «Преступление и наказание» и «Капитан Синглтон». Таким образом, у Вас будет нечто совершенно новое, о чем до сих пор никто не писал»^[10].

Русский номер «Культуры» вышел только в 1960 году. В нем не оказалось очерков ни о Философове, ни о Дефо и Достоевском, зато увидели свет «Поляки в романах Достоевского». Эта работа вызвала тогда жаркие дискуссии среди русских эмигрантов. Однако Стемповский так и не забросил проект, о котором когда-то извещал Гедройца. Об этом свидетельствуют не только фрагменты фельетона о «Достоевском и “проклятых вопросах”», но и другие очерки Стемповского, касавшиеся проблем творчества автора «Преступления и наказания». Хотя бы книга Станислава Мацкевича «Достоевский». Ей Стемповский посвятил в «Культуре» довольно обширную рецензию^[11].

Он достаточно критически отнесся к книге Мацкевича, главным образом, по причине осуществленного автором пересмотра мифа о русской интеллигенции, но еще и из-за тенденциозного, одномерного образа Достоевского как истеричного реакционера, жившего в оппозиции к создававшейся у него на глазах либеральной, интеллигентской России. Интересно, что в этой рецензии мы обнаруживаем почти идентично звучащий фрагмент о разговоре Стемповского с Философовым, касавшегося, в общем, актуальных аспектов произведений Достоевского. Если рассмотреть пропорцию между фрагментами, непосредственно относящимися к книге Мацкевича, и рассуждениями о творчестве Достоевского, то окажется, что этих вторых, определенно, окажется больше.

Перевод Владимира Окуня

-
1. „Cuir de Russie” — «Кожа России» (франц.). Так назывались духи фирмы «Шанель», впервые выпущенные в 1924 году — Примеч. пер.
 2. Речь идет о книге: Eugène-Melchior Vogüé, Le Roman Russe,

Paris, Librairie Plon, 1886 — Примеч. автора.

3. J. Stempowski, *Pełnomocnictwa recenzenta*, w: *idem, Szkice literackie. Wybór i opracowanie J. Timoszewicz*. T. 1. *Chimera jako zwierzę pociągowe. 1926–1941*, Warszawa 2001, s. 290. — Примеч. автора.
4. J. Timoszewicz, Nota edytorska, w: J. Stempowski, *Felietony dla Radia Wolna Europa*, Warszawa 1995, s. 163. — Примеч. автора.
5. C. Wodziński, *Lew Szestow*, w: L. Szestow, *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii*, przełożył i wstępem opatrzył C. Wodziński, Warszawa 1987, s.24. — Примеч. автора.
6. Первое издание: «Przegląd Współczesny» 1931, z. XXXVII. Лекция была прочитана в Кракове 15 марта 1931 года в Польском обществе по изучению Восточной Европы и Ближнего Востока. — Примеч. автора.
7. Хюбрис – высокомерие, гордыня. У Гомера хюбрис – нарушение божественной воли в сочетании с желанием обожествления, за которым следует возмездие. — Примеч. пер.
8. Е. Стемповский, «Раскольников и Наполеон. Попытка рассуждений об оценке действия». J. Stempowski, *Raskolnikow i Napoleon. Próba rozważań o wartościowaniu czynu*, w: P. Mitzner, *Warszawski „Domek w Kołomnie”. Rekonstrukcja*, Warszawa 2014, s 106. — Примеч. автора.
9. Черновик письма на русском языке находится в Кабинете рукописей Университетской библиотеке в Варшаве. Репринт более полной версии в: M. Chabiera, *Rosyjskie zjawy Stempowskiego*, w: *W poszukiwaniu zatraconej solidarności*, t. 1, *Literatura rosyjska w kręgu „Kultury”*., pod redakcją P. Mitznera, Warszawa 2016, s. 74. — Примеч. автора.
10. Е.Стемповский к Е.Гедройцу, Рим, 21 января 1948, в: J. Giedroyc, J. Stempowski, *Listy 1946 – 1969*, cz. 1, wybrał, wstępem i przypisami opatrzył A. St. Kowalczyk, Warszawa 1998, s. 34. — Примеч. автора.
11. Речь идет о рецензии: «Станислав Мацкевич о Достоевском, а также несколько замечаний о литературных биографиях» // *Kultura* 1948, № 14. — Примеч. автора.

Жизнь требует перемен

С Адамом Даниэлем Ротфельдом беседует Петр Кубасяк

Ни одна страна не внесла столь значительный вклад в формирование нового национального и государственного сознания украинцев, как Россия своими действиями на рубеже 2013–2014 гг. Украинцы должны ставить Путину памятники за то, что он стимулировал их чувство национальной общности. Антироссийские настроения в центральной и юго-восточной Украине носили маргинальный характер. Теперь они стали доминирующими.

— Г-н профессор, Вы часто указываете на два главных принципа — своеобразные опоры европейской безопасности в XXI веке: нерушимость границ и уважение права народов на свободное принятие решений о собственном политическом устройстве. Видите ли Вы возможность диалога с Россией после захвата Крыма?

— Диалог не только возможен, но и необходим. Россия не исчезнет. На ее отношение к Украине решающим образом воздействует не столько соотношение сил или военная угроза, сколько восприятие места и роли Украины в процессе восстановления российской империи. Среди российских политических элит господствует убеждение, что их стране грозит бóльшая опасность в результате потенциального внутреннего распада, нежели нападения извне. Сегодня нет ни одного государства, которое хотело бы вести войну с Россией. Никогда в истории этой страны у нее не было столь безопасных западных границ, как сегодня — во втором десятилетии XXI в. Ощущение внешней угрозы должно способствовать консолидации российского общества вокруг президента Путина, который сконцентрировал в своих руках всю полноту власти и осуществляет ее авторитарным и бесконтрольным способом. Российские руководители знают, что войска НАТО не нападут на их страну. Присутствие этих войск на территориях государств-членов НАТО представляет собой элемент стратегии отпугивания, а не запугивания. Создание климата постоянной угрозы, культивируемое в России, является составной частью циничной игры и пропаганды, а вовсе не

ответом на внешние опасности, которые — если даже таковые существуют — имеют место только в отношении юга страны и её дальневосточных окраин.

Реальные угрозы носят внутренний характер. Среди них — недостаточное развитие страны, слабая инфраструктура, а также потенциальный распад государства. Президент Путин боится повторения ситуации, когда в результате внутренних слабостей рухнул Советский Союз. Ход рассуждений Путина и его окружения основывается на предположении, что событие, которое однажды уже произошло, может случиться вновь. Стратегия осажденной крепости нацелена на то, чтобы предотвратить это.

Распаду можно противодействовать двумя способами. Один — распознать причины болезни своего государства, поставить надлежащий диагноз и приступить к курсу лечения, иными словами, к реформам. Вторая возможность — не заниматься подлинными причинами, ведь они известны, а продолжать курс, который обеспечил нынешним элитам монополию на власть. Авторитаризм, сформировавшийся в России после падения Советского Союза, по самой своей сущности упраздняет всякую альтернативу власти. А если такая альтернатива отсутствует, то раньше или позже происходит деморализация власти. Подобная система может сохраняться долго — и 50, и даже 70 лет (как это произошло после большевистского переворота). Тем не менее, раньше или позже все закончится крахом. История показывает, что изменения осуществляют вовсе не внешние или внутренние враги, а сама жизнь вынуждает к коренным реформам.

Наверно, вы помните, что сегодняшний лидер России после прихода к власти постоянно оперировал словом «модернизация». Однако никакого плана на этот счет не было — и совсем не потому, что Путин был против, но по той причине, что условием успеха было радикальное изменение системы. А этого Путин не хотел. Вместо демократии вновь назначенный президент выдвинул требование установить в России «диктатуру закона». На практике оказалось, что легче установить диктатуру, чем правление, соответствующее нормам права. Силловые инструменты дают иллюзию силы. Президент Путин осознаёт также, что своей политикой и пропагандой он добился общественной поддержки. Если бы в России организовали абсолютно свободные выборы, то их, вне всякого сомнения, выиграл бы Владимир Путин. Однако само право выбора по своей сути стало бы началом глубокого изменения системы. И чтобы этого не допустить, необходимо

создавать иллюзию угрозы и вездесущей, свойственной всему миру русофобии. Что бы плохое ни происходило, объяснение сводится к тому, что это — результат заговора враждебных России сил.

Такой подход распространяется практически на всё, будь то падение нефтяных цен или обвинение российских спортсменов в употреблении недозволенных допинговых препаратов. Любопытна используемая при этом аргументация: «Ведь допинг применяется всеми, а нападают только на наших, российских спортсменов — почему? Да потому, что мы — самые честные. Мы — образец добродетелей. Никогда мы не завоевывали чужих территорий. И никогда не потерпели ни одного поражения». За всё плохое, что есть в современном мире, ответственность несет Запад, в особенности Соединенные Штаты. Новая «русская идея» строится на противопоставлении Западу и системе ценностей либеральной демократии.

— Какова в этом контексте связь между тем, что происходит в России, и событиями в Украине?

— В перевороте, случившемся на Майдане в Киеве, Россия увидела две опасности. Во-первых, гнев народа может довести до смены власти. Во-вторых, если реформы в Украине пройдут удачно, то для миллионов россиян это послужит доказательством, что такое может случиться и в России. В результате единственным движением, которое возникло в России после событий в Украине, оказался антимайдан. Основополагающая мысль читалась при этом вполне четко: «Мы не позволим, чтобы на Красной площади произошло нечто подобное». Если в Украине успешно пройдут реформы, которые носят антикоррупционный, модернизационный и реформаторский характер, то таким переменам необходимо поставить прочную преграду. Нужно задушить в зародыше всё, что там происходит, поскольку — как гласит революционный лозунг — «из искры возгорится пламя».

В XVIII веке Польша рухнула отнюдь не потому, что составляла угрозу для соседних держав, а из-за того, что масштаб демократических свобод был у нас значительно шире, чем в государствах, принявших участие в разделах Речи Посполитой. Был также второй, более важный фактор: Польша являлась слабым государством. Если бы ее тогдашние элиты объединились вокруг короля, поддержали его политически и материально и позволили создать 100-тысячную армию, то, вероятно, разделов бы не было. Между свободой и анархией — тонкая граница. Как раз в то время появилось выражение:

«Надо — это на Руси услада, а в Польше — как кто хочет, да побольше». Если бы сегодняшняя Россия была сильным государством, ей не надо было бы создавать иллюзорные угрозы и мифы. Сильные и лишенные комплексов народы не задаются каждодневно вопросами типа: «Почему весь мир нас не любит?». Обществам нужны такие государства, которые дают им чувство безопасности — внешней и внутренней (социальной, культурной, касающейся самоидентификации и т. д.).

К Украине и ее делам в России относятся как к внутренним проблемам. Крах реформаторского процесса и дестабилизация Украины должны предотвратить внутренние перемены и демократизацию России. А между тем с момента бегства Виктора Януковича (т.е. с марта 2014 г.) Украина провела больше эффективных реформ, чем на протяжении предшествующих 25 лет. В ментальности россиян Украина — это Малороссия, и она — точно так же, как Беларусь — представляет собой историческую составную часть Великой Руси, которая их — как гласил советский гимн — «сплотила навеки». В этом рассуждении, глубоко укорененном в русской ментальности, Украина являет собой часть общности, которая определяется как *русский мир*. Пользуясь случаем, поясним, что слово «русский» происходит от слова «Русь», а ведь Руси были разные: Московская Русь хотела подчинить себе другие земли и действительно подчинила их. А Киевская Русь или же Галицкая Русь не были частью Руси Московской, но обе они, по мнению многих русских, должны принадлежать России. Российские элиты и значительная часть общества не признают той простой истины, что Украина имеет право сама принимать решения о своем внутреннем строе и способе организации своей внешней безопасности. Формально Россия признала указанные принципы в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), в Будапештском меморандуме (1994 г.) и, наконец, — в Договоре между РФ и Украиной о российско-украинской государственной границе (от 28 января 2003 г.). Однако те гарантии в отношении Украины, которые ядерные державы (Россия, а также США, Великобритания, Франция и даже Китай) подтвердили в Будапеште, на практике трактуются как вербальная декларация, лишенная какого-либо значения.

Отправной точкой для разумного решения конфликта между Россией и Украиной стало бы серьезное отношение к торжественно принятым обязательствам. Без этого невозможно не только решить конфликт, но даже вести деловой российско-украинский диалог. Думаю, раньше или

позже дело дойдет до такого диалога. В контексте воссоздания основ безопасности, о чем здесь уже шла речь, можно поразмышлять над тем, как сделать принципы Заключительного акта сорокалетней давности соответствующими новой политической реальности. На трансатлантическом пространстве — от Сан-Франциско до Владивостока — только в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) действует в качестве обязательного совместно одобренный кодекс поведения государств во взаимных отношениях. Напомним: VIII принцип Заключительного акта Хельсинкского совещания касается равноправия и права народов на самоопределение. Исходя из указанного принципа, «все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне». Ясное дело, ничто в этом мире не остается неизменным. В том числе общественный строй государств и общественно-политические системы могут и даже должны меняться. Но это должно происходить исключительно в результате волеизъявления всего народа и граждан того государства, которого такие изменения касаются. Причем это в равной степени относится как к России, так и к Украине.

— *Означает ли это, что россияне попросту забыли о VIII принципе Заключительного акта, принятого в Хельсинки?*

— Разумеется, россияне ни о чем не забыли. Изменилось только их отношение к названному документу и к роли того процесса, инициатором которого был, кстати говоря, СССР. Для России ключевым вопросом является аннулирование решений киевского Майдана. Российское толкование в общих чертах таково: Майдан был реализацией американской концепции Джорджа Буша-младшего касательно «смены режимов» (*regime change*), которой придерживался и его преемник Барак Обама. Соединенные Штаты, — утверждают россияне, — посчитали себя «всемирным полицейским», имеющим право навязывать свою версию демократии другим государствам планеты, особенно тем, которых США считают недемократическими. Коль скоро, например, режим Саддама Хусейна не был демократическим, то американцы полагали себя вправе вступить в Ирак. Аналогичным образом обстояло дело с Ливией и Афганистаном. Россияне утверждали, что такое поведение было проявлением заговора международного империализма и гегемонии Соединенных Штатов. Доказательством чему послужил каскад «цветных революций», включая «арабскую

весну». И очередным этапом внедрения указанной политики была Украина.

Россияне не принимают к сведению того, что сами украинцы признали власть Януковича прогнившей и коррумпированной. Кроме того, украинцы были убеждены, что Янукович выполняет волю России. Спустя год после украинских событий президент Путин подтвердил в интервью общественному российскому телевидению, что в 2014 г., когда был совершен — как он выразился — переворот и отстранение от власти законно избранного президента Украины, т.е. Януковича, он, Путин, — как президент России — отдал приказ всем родам вооруженных сил — на суше, в воздухе и на воде — спасти Януковича. Можно задать вполне обоснованный вопрос: почему для спасения одного человека была поставлена на ноги вся мощь вооруженных сил огромной российской державы? Наверно, потому, что он был «человеком Путина» и — что столь же важно — мог еще пригодиться, если бы удалось вернуть в Украине систему зависимости от России. Москва не приняла к сведению, что украинцы решили пойти на шаг дальше и внести перемены в политическое устройство своей страны так, чтобы для Януковича и его «команды» уже не было места. По мере развития событий сценарий возвращения Януковича на украинскую политическую сцену терял актуальность: он настолько дискредитирован, что сегодня, видимо, идут поиски нового, молодого лидера, который мог бы возглавить пророссийскую оппозицию в Киеве.

Стратегия России по отношению к Украине сводится к тому, чтобы дестабилизировать существующую власть, а после ее свержения установить там режим «с ограниченным суверенитетом». Другими словами, политика Украины должна соответствовать стратегическим целям российской политики. При соблюдении этих условий страна сохранила бы фасад суверенного и независимого государства. Основное требование — это государство должно быть зависимым от России. Зато оно может сохранить все национальные атрибуты: флаг, герб, мундиры и даже язык (конечно, при этом предполагается, что статусы украинского и русского языков будут уравнены и оба будут признаны государственными). Иной сценарий — это инспирированный распад Украины на своеобразные «удельные русские княжества», которые могли бы образовывать зависимую от Москвы конфедерацию. Началом такого «решения» является подписанный в середине февраля текущего года указ президента Путина о признании Россией паспортов, которые выдаются двумя самопровозглашенными республиками — Донецкой и Луганской (ДНР и ЛНР).

— Но ведь в Украине у россиян имеются свои сторонники.

— Это естественно. Народы, населяющие Украину, не были настроены враждебно к России. И лишь отношение России к Украине это изменило. Парадокс в том, что ни одна страна не внесла столь значительный вклад в формирование нового национального и государственного сознания украинцев, как Россия своими действиями на рубеже 2013–2014 гг. Скажу иронически, что украинцы должны ставить Путину памятники за то, что он стимулировал их чувство национальной общности. Антироссийские настроения были в центральной и юго-восточной Украине, но носили маргинальный характер. Теперь они стали доминирующими. И это несомненная «заслуга» России.

Если бы она предоставила жителям Украины полную свободу, то страна оказалась бы, вероятно, разделенной на сторонников тесного сотрудничества с Россией и приверженцев интеграции с Европейским союзом. Более того, Россия могла предоставить Украине помощь, развивая экономические отношения, которые не были бы обусловлены политической зависимостью. Во времена СССР Украина была арсеналом советской армии, оснащенным самыми современными технологиями ВПК для производства самолетов и ракет на мировом уровне. Россия могла импортировать такого рода продукцию и таким образом экономически укрепить связь Украины с собою.

Условием решения конфликта является признание права Украины свободно распоряжаться своей судьбой. Руководители России — если бы они трактовали сущность правового государства всерьез — могли бы установить с Украиной отношения нового типа. Думаю, раньше или позже это произойдет, хотя дорога к указанной цели будет ухабистой и продолжительной. Здесь мне приходит в голову определенная аналогия с польско-немецкими отношениями после Первой мировой войны. Министр иностранных дел Германии в тогдашней Веймарской республике Густав Штретземан добивался пересмотра границ, утверждая, что западные границы Польши *unerträglich* (невыносимы); что это «кровоточащие и пылающие рубежи» («*blutende und brennende Grenzen*»). Точно так же сегодня для России ее границы с юго-восточными регионами Украины невыносимы. Россия вдохновляет и поддерживает сепаратистов из Луганска и Донецка. В результате в одночасье с завершением правления Ельцина Россия отказалась от политики уважительного соблюдения *status quo* и нерушимости существующих границ, становясь *de facto* реваншистским государством.

— *Вы когда-то выдвинули тезис, что на сегодняшнем этапе в международных отношениях не следует ожидать больших переломов. В нынешние времена диалог между народами ведется на разных уровнях и представляет собой кропотливый, трудный и затяжной процесс. Можно ли при таких обстоятельствах ожидать перелома по линии Россия-Украина?*

— Перелома не будет. Можно ожидать серьезного диалога и постепенной нормализации взаимоотношений. Возможны также менее оптимистические сценарии, к примеру, сохранение в течение долгих лет состояния «ни мира, ни войны», как это имеет место на Ближнем Востоке; не исключены также инспирированные извне попытки переворота при пассивном, но благожелательном отношении к такому варианту со стороны новой американской администрации. Можно себе представить, что недавно избранный президент Соединенных Штатов не будет признавать инкорпорацию Крыма в состав России *de iure*, но смирится с нею *de facto*. До выборов он дал понять о своей готовности видеть Крым частью России, но после отставки главы Национального совета безопасности США объявил о необходимости вернуть Крым Украине. В долгосрочной перспективе ключевым вопросом для безопасности страны является формирование новой политической идентичности народа Украины, который суверенным путем сумеет принимать решения об отношениях с соседями — в соответствии с принципом «ничего о нас без нас». (...) Стоит задуматься и над тем, как справляться с теми вызовами, которые несут с собой ускоренные перемены в современном мире, а также новые взгляды новых поколений и ожидания собственного общества.

— *В польско-украинских отношениях историческая память представляет собой далеко не легкую тему. Достаточно вспомнить о тех болезненных эмоциях, которые до сих пор вызывает Волынская трагедия*^[1].

— Напрашивается вопрос: в какой мере память о Волыни воздействует на формирование идентичности современных поляков и украинцев? Следует ли затушевывать память о тех событиях или же стоит говорить правду — причем независимо от того, насколько она удобна и политически корректна? Не вызывает сомнений то, что необходимо признать право украинцев и поляков на собственную историческую память. Ни Польша, ни Украина не могут и не должны навязывать друг другу никакую общую «каноническую» версию истории. Работа исследователей должна быть нацелена на установление фактов

и событий. Толкования и сейчас и впоследствии будут разными.

Ситуация складывается таким образом, что подразделения и командование УПА оставили после себя значительное количество документов, которые можно сопоставить с документами НКВД и польскими архивами. Гжегож Мотыка, директор Института политических исследований Польской академии наук, опубликовал несколько монографий, которые представляют собой попытку объективно осветить события тех лет. Однако ошибаются люди, полагающие, что такие публикации оказывают принципиальное влияние на историческую память. Память – это явление совершенно специфическое, автономное и независимое. Польские и украинские ученые создали десять с лишним лет назад совместные историко-исследовательские группы. В рамках деятельности Центра «Карта»^[2] вышло более 10 томов серии «Польша-Украина: трудные вопросы». Трудными были вовсе не вопросы, а ответы. Трудность высказывания научной правды часто заключается не в отсутствии доступа к документам, а в том, что, с одной стороны, мы имеем дело со сферой психологии, с эмоциями, со смесью возвышенных идеалов и призывов, а с другой — с жестокими, порой зверскими актами, с позорными и преступными действиями. Мифология и историческая память опираются на благородные слова, но отодвигают в тень всё, что было бесстыдным, бесчеловечным и подлым.

— Как по вашему мнению будут складываться отношения между Украиной и Европейским союзом? Похоже, солидарность с Украиной начинает ослабевать. Почти каждому саммиту ЕС предшествует неуверенность по поводу того, будут ли продлены наложенные на Россию санкции.

— При ответе на так поставленный вопрос главным фактором является осознание следующей простой истины: проблемы сегодняшнего мира рождаются не вне государств, но внутри стран. Нет никаких фундаментальных проблем между Украиной и Европейским союзом. Каждое из государств-членов ЕС формулирует свое отношение к Украине совершенно по-разному. В Германии и Австрии намного большее понимание украинского вопроса, нежели на юге Европы — в Испании, Италии, Португалии или Греции. В этих странах нет отрицательного отношения к Украине, оно скорее равнодушное. Помню, как 10 с лишним лет назад в процессе

неформальных дебатов в ЕС о ситуации в Украине один из министров иностранных дел из южной Европы выразил точку зрения, что Украина исторически никогда не была ни государством, ни отдельной нацией. «Знания» этого политика основывались на изданном Академией наук СССР в 50-х годах прошлого века учебнике по истории Украины, который, заметим, был опубликован на русском языке. В советские времена не было ни одного учебника по истории Украины, написанного по-украински. А упомянутый учебник выражал — как мы определили бы это сегодня — сталинскую версию «исторической политики».

Мы не знаем, каким образом будут складываться в будущем дела внутри Украины, внутри России или Европейского союза. По самой своей природе Евросоюз заинтересован в урегулировании украинско-российских отношений таким способом, который удовлетворял бы в равной степени Украину, Россию и Европу. В ближайшее время определенное значение будет иметь и то, какую новую стратегию по отношению к России примет нынешний президент США. Не скрывавшееся Дональдом Трампом восхищение личностью президента Путина и высказывания Трампа о предстоящем улучшении взаимоотношений с Россией могут со временем претерпеть существенную модификацию. Ведь указанные взаимоотношения зависят не только от урегулирования «украинского вопроса», но еще и от способов взаимного ограничения ракетно-ядерных вооружений, а также от того, как сложатся отношения в треугольнике Вашингтон-Пекин-Москва.

Украинская проблематика находится главным образом в центре внимания Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), где — в соответствии с принципом ротации — председательство перешло к Австрии. Ранее — еще в 2014 г. — по инициативе Швейцарии и Германии был создан небольшой рабочий коллектив под названием «Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project» («Группа выдающихся личностей по вопросам европейской безопасности как совместному проекту»). Мне пришлось участвовать в работе этой группы, которая представила два доклада: первый касался исключительно Украины, второй, комплексный — европейской безопасности, основанной на сотрудничестве. Участником названной экспертной группы был также россиянин, и его позиция сводилась к тому, что Украина, разумеется, может быть суверенным государством, однако при условии, что ее политика будет соответствовать российской стратегии

безопасности. Иными словами, он признавал право Украины на «ограниченный суверенитет». Согласиться с таким подходом остальные участники нашей группы не могли. В результате российский участник группы дистанцировался от позиции большинства — в форме письма, приложенного к докладу. После завершения работ нашей группы Сергей Караганов представил концепцию «триумвирата» (США–Россия–Китай), который занимался бы своего рода «разрядкой» – снятием напряженностей, возникающих в двусторонних отношениях. Такого типа «тройка» (или же «концерт держав»^[3])» должна была бы согласовать между собой общий подход по вопросам контроля вооружений и в особенности по разработке «многостороннего взаимного ядерного сдерживания». Другими словами, это мысль о воссоздании своеобразного нового «Священного союза» в ответ на вызовы XXI века, в котором Россия вернулась бы к роли глобального игрока — с Украиной в ее зоне влияния.

На позицию Украины повлияют также результаты выборов во Франции и Германии. Однако решающее значение будут иметь реформы, проводимые в самой Украине. От их результатов зависит значительно больше, чем от отношений Украины с Евросоюзом.

Возвращаясь к своему главному тезису: ситуация в сегодняшнем мире зависит в большей степени от перемен внутри государств, нежели от взаимоотношений между ними. Если реформы украинского государства окажутся эффективными и разработанные там правила поведения устранят — хотя бы в существенной мере — коррупцию из публичной жизни, это будет иметь для будущего этой страны большее значение, нежели десятки деклараций и резолюций.

В этом контексте расскажу одну любопытную историю. В январе 2005 г., став министром иностранных дел, я попросил свой секретариат соединить меня с Йошкой Фишером, министром иностранных дел Германии. И предложил, чтобы мы вместе нанесли короткий визит в Киев. Это было бы, — сказал я Йошке, — демонстрацией нашей совместной поддержки новоизбранных властей Украины. Йошка счел, что это хорошая инициатива, и весной 2005 г. мы полетели в Киев. Там нас приняли вначале президент Виктор Ющенко, а затем — премьер-министр Юлия Тимошенко. После завершения беседы, когда мы поднялись из-за стола, она проводила нас до двери, придержала меня за руку и попросила, чтобы я на минутку задержался. Когда мы остались наедине, Юлия Тимошенко спросила: «Можете ли вы мне сказать, где

находится ключ, который открывает двери в Европейский союз?». Я ответил: «Госпожа премьер-министр, я твердо уверен: его нет ни в Берлине, ни в Варшаве. Нет его и в Брюсселе. Этот ключ лежит здесь, в Киеве. У меня нет сомнений, что вы лучше знаете, как и где его найти».

апрель 2017 г.

Беседа состоялась в Институте наук о человеке (Вена).

Первая публикация на английском языке — Eurozine.com в марте 2017 г.

Адам Даниэль Ротфельд — профессор гуманитарных наук, работает на факультете «Artes Liberales» («Свободные искусства») Варшавского университета, ранее — директор Стокгольмского Международного института исследований проблем мира. В 2005 г. — министр иностранных дел Польши, в 2006–2011 гг. — член Консультативной коллегии по вопросам разоружения Генерального секретаря ООН; в 2009–2011 гг. — член международной группы экспертов высокого уровня («группы мудрецов») по подготовке стратегической концепции НАТО 2020. В 2008–2015 гг. был сопредседателем Польско-российской группы по сложным вопросам.

ZNAK
M I E S I Ą C Z N I K

-
1. Волынская трагедия — массовое уничтожение Украинской повстанческой армией (УПА) этнических поляков (март–август 1943 г.), вызвавшее их ответные действия. В итоге погибло, по мнению польских ученых, ок. 100 тыс. поляков и 30 тыс. украинцев. — Здесь и далее примеч. пер.
 2. Польский независимый неправительственный фонд, цель которого — документирование новейшей истории Польши и Центрально-Восточной Европы, а также распространение знаний о ней.
 3. «Концерт держав» — первоначально система международных отношений, закреплённая после наполеоновских войн на Венском конгрессе 1814–1815 гг., где

сложился «Священный союз» тогдашних великих держав (в первую очередь России, Австрии, Великобритании).

Размышления о смерти Станислава П., 1977 год

От редакции

Сорок лет назад в Кракове погиб Станислав Пыяс, студент Ягеллонского университета, один из активистов Комитета защиты рабочих. Его похороны превратились в масштабную антикоммунистическую манифестацию. В те же дни был создан Студенческий комитет самообороны. Обстоятельства смерти Пыяса до сих пор не выяснены, двое сотрудников службы безопасности ПНР, занимавшихся этим делом, погибли, также погиб студент, который мог опознать одного из нападавших.

Эту публикацию стихотворения Лешека Шаруги, впервые напечатанного в независимом журнале «Пульс» (1978, № 3), мы посвящаем памяти всех жертв так наз. «неустановленных лиц».

1.
Обнаружение трупа Станислава П. в одном из краковских подъездов стало причиной студенческой манифестации. В этой связи возникает вопрос:
— Кем был Станислав П.?
Возникает и другой вопрос:
— Что было причиной смерти Станислава П.?

2.
Могло быть так:
Станислав П., студент, возвращаясь пьяным домой, споткнулся на ступеньках, упал с лестницы, ушибся и потерял сознание.
Не приходя в себя, Станислав П. захлебнулся собственной кровью и рвотой.

3.
Могло быть так:
Станислав П., студент, возвращаясь пьяным домой, наткнулся на компанию хулиганов, был избит до потери сознания и оставлен в подъезде, где скончался

от полученных травм.

4.

Могло быть так:

Станислав П., возвращаясь пьяным домой, наткнулся на милицейский патруль, оказал сопротивление и был за это избит до потери сознания. Что было дальше — см. выше.

5.

Могло случиться и так, что

Станислав П., студент, оппозиционный активист, возвращавшийся пьяным домой, был избит тайными сотрудниками службы безопасности. Избиение должно было стать для него уроком и предостережением. Но поскольку Станислав П. был пьян, а чекисты явно перестарались, этот урок гражданской ответственности оказался для жертвы смертельным.

6.

Вывод: Польша — это страна самых разных возможностей.

То, что случилось, могло произойти где угодно.

Однако последняя версия смерти Станислава П. показалась многим людям наиболее правдоподобной. В этой связи возникает вопрос:
— Почему?

Перевод Игоря Белова